

63.3 (2P30)
M 18 - 4.3.

Александр ЧУМАНОВ
Алексей КОЖЕВНИКОВ
Герман ИВАНОВ
Игорь и Олег КАПОРЕЙКО

МАЛАХИТОВАЯ ПРОВИНЦИЯ

В ЛИКАХ
ИСТОРИИ
ГОРОДОВ

12+

Арамилъ
Полевской
Сысерть
Дегтярск

фрагмент карты
Пермской губернии 1829 г.

u
loi
ruwe
nau
per
gich
euwe
hin
zu

63.3(2Р36)

М 18-4.3, Александр ЧУМАНОВ
Алексей КОЖЕВНИКОВ
Герман ИВАНОВ
Игорь и Олег КАПОРЕЙКО

84048
2
+

ИСТОРИЯ
В ЛИКАХ
ГОРОДОВ

Малахитовая провинция

Арамилъ
Полевской
Сысерть
Дегтярск

Красноуральская ЦБС
Свердловской обл.

2001

ББК 63.3 (2Р36)

Ч-90

Редактор
Е.С. ЗАШИХИН

Координатор серии
Ю.А. ГОРБУНОВ

Под общей редакцией
В.В. НЕСТЕРОВА

Чуманов А.Н. и др.

Ч-90 Малахитовая провинция: Культурно-исторические очерки. — Екатеринбург:
ИД «Сократ», 2001. — 368 с., ил.

ISBN 5 – 88664 – 056 - 8

В пер.: 28 000 экз.

Книга, выходящая в рамках губернаторской программы «Возрождение уральских городов», продолжает издательский проект «Урал: История в лицах городов». Выпуск объединяет населенные пункты региона, связанные с именем П.П. Бажова и с героями его знаменитых сказов, встречей с которыми для большинства неуральцев обычно и начинается знакомство с нашим краем.

Издание адресовано школьникам старших классов, педагогам, краеведам, а также всем, кто любит Урал, интересуется его историей, работает на его будущее.

ББК 63.3 (2Р36)

ISBN 5 – 88664 – 056 - 8

© Чуманов А., 2001
© Кожевников А., 2001
© Иванов Г., 2001
© Капорейко И., 2001
© Капорейко О., 2001
© Боева Б., оформл., 2001
© ИД «Сократ», 2001

Александр ЧУМАНОВ

АРАХИДЬ - ИМЯ ЖЕНСКОЕ

Арамилский
острог

Своя позиция

Александр Чуманов,
писатель, автор
нескольких книг
прозы и поэзии.
Живет в Арамили.

Судьбы городов, как и людей, порой бывают настолько причудливыми да изломанными, нелогичными, абсурдными и зависимыми от бесчисленных случайностей, что никакой фантаст не выдумает такого, а если выдумает, то его не поймут, скажут, что он нарушает правила им же самим придуманной игры.

У всех на слуху судьбы Великого Устюга, Ростова Великого и прочих русских городов, названия которых звучат в наше время, по меньшей мере, неадекватно. А град Китеж и вовсе превратился в сказочного персонажа навроде Кощея Бессмертного.

Но, вероятно, высшая справедливость судьбы в том и состоит, что она, как человеку, так и городу, дает не один шанс в жизни, а несколько. И в разное время. Чтобы, проморгав свой звездный час в молодости, каждый имел возможность предпринять вторую попытку и третью.

А вот Арамиль словно бы из тех хронических неудачников, которым никакие подарки судьбы на пользу не идут. Хотя как знать, может быть, извечный провинциализм, уклонение, насколько возможно, от магистральных дорог прогресса, зачастую весьма сомнительного, — есть принципиальная позиция?

Края арамильские

Слобода Михайлы Сарапульца

Сегодняшний город Арамиль, что в пятнадцати километрах от Екатеринбурга, — лишь ничтожная часть Арамильской слободы, занимавшей в свое время огромное пространство: ее западная граница доходила до Чусовских озер, восточная шла по реке Синаре, северная — по реке Пышме и далее через озера Балтым, Исетское.

Южная граница проходила за селом Щелкун, а некоторые смелые арамильские краеведы отодвигают эту самую границу аж за Кыштым. И в этом есть своя логика, если иметь в виду местности, откуда арамильскому воеводе везли ясак башкирские данники.

Известно доподлинно, что Арамильскую слободу завел в 1675–1676 годах слободчик из крестьян деревни Тарасовой на Каме Михайло Сарапулец (Сарапульцев) и числилась слобода за тогдашним необъятным Тобольским уездом.

Началось правление Федора Алексеевича, третьего царя дома Романовых (1676).

«Чертеж...
всей Сибири»
С.У. Ремезова

Однако слово «Арамиль» имеет явно тюркское происхождение. И при его истолковании всегда ссылаются на башкирско-татарский словарь, хотя версии возникают разные. От простых и эмоционально-нейтральных — «ареме», что значит место у реки, заросшее мелким кустарником, до более проникновенных — «арам», то бишь печаль, «иль» — родина.

Ну и, разумеется, существует вполне романтическая, хотя не слишком оригинальная местная легенда про прекрасную Арамиль, дочь вельможного башкира, которая не то в лесу заблудилась, не то утопилась в Исети по причине несчастной любви.

Как бы там ни было, однако современные арамилыцы, несмотря на постоянное умничанье губернских журналистов-телевизионщиков, называющих деревню Поварню Поварней, а Патруш — Патрушами, обращаются со словом «Арамиль» исключительно как с существительным женского рода, а не мужского. И не пора ли признать, прекратив изначально противоречивые этимологические изыскания, что людям, живущим в Арамили, родившимся в Арамили и там же схоронившим своих предков, — виднее?..

Кстати, знаток уральской топонимики профессор А.К. Матвеев, автор многочисленных книг о географических названиях региона, ссылается на то, что в бажовской автобиографической повести «Дальнее — близкое» идет все-таки «...за Арамилею».

Разумеется, русское поселение, возникшее на землях, которые башкиры не без оснований полагали своими, не могло существовать и развиваться абсолютно мирно и безоблачно. И не раз башкиры нападали на Арамильскую слободу со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Слобода в свою очередь все более укреплялась как форпост российской государственности, в результате чего у места слияния двух рек — Исети и Арамилки — к 1711 году образовался острог с двумя «проезжими» башнями да несколькими для орудий. И арсенал имелся по тем временам весьма внушительный: пищаль железная, а к ней 18 ядер тоже железных; девять пушек чугунных, а к ним 663 чугунных же ядра; 41 фузея; пять пищалей гладких; семь самопалов; 38 мушкетов; пороху пушечного и ружейного 19 пудов. И, разумеется, было в остроге знамя московское, орлиное, с надписями.

Внутри острога еще размещались: церковь, судная изба, дворы священника и церковнослужителей, государева житница, дворы драгун и пушкарей, конюшня, более тридцати хлебных амбаров.

Что до крестьянских дворов, то им места внутри высокой ограды не хватило — избышки разбегались вольно и как понало по окрестным холмам.

В 1710 году арамильский приказчик доносил тобольскому воеводе, что за последние восемь лет в страхе перед башкирами 122 арамильских крестьянина с женами и детьми сбегали из-под надзора своих защитников, а погибли и взяты в плен врагами 103 человека.

Тот же арамильский приказчик в докладе вышестоящему начальству утаил нечто весьма существенное: подневольные людишки бегали не только от башкир, но и в противоположную сторону, искать защиты у «басурманов» от невыносимого гнета чиновных единоверцев.

Вот как описывает Арамил XVII века П.П.Бажов:

«В маленьком кольце полей, плотно зажатом хвойными лесами, насторожилась двумя рублеными острогами

Происходило восстание башкир, выступавшее налоговыми тяготами (1704–1711).

«Башкирцы».
Гравюра
В.В. Мельникова
по рисунку
Е.Корнеева. 1809

Арамильская слобода. А в лесах, вдоль дороги хоронятся беглые разных господ людишки, кои помыслили тайно на вольные сибирские земли податься. Живут в остроге стрельцы и сидит воевода для догляду, — чтобы шатания, воровства и порухи казне не было, а также ясак брать по людям и по промыслам сколь мочно...»

Вышел Указ
Петра I о единона-
следии (1714).

Уже в 1680 году арамильцы торговали железом в Верхотурье и других местах.

Братья Сергей, Федор и Родион Бабины в 1702 году на речке Решетке нашли железную руду, а на реке Чусовой — медную, положив тем самым начало знаменитому Гумшевскому руднику. И в 1714 году на том месте, где сегодня стоит прославленный Уралмаш, был построен первый в округе Швакишский железоделательный завод.

Бабины, кстати сказать, до сих пор одна из «титульных» фамилий в Арамили, однако потомков славного рода осталось здесь совсем мало, чего не скажешь о других знатных родах.

Арамильское время

В первой четверти XVIII века Арамильская слобода уже имела на своей территории Уктусский, Елизаветинский, Верх-Исетский, Сысертский, Каменский заводы — «дачи». Именно с Каменского завода в Москву были доставлены первые 35 пушек уральского производства, а также 224 пуда железа и 8 пудов стали.

На землях Арамилской слободы были основаны поселения, давшие начало городам Первоуральску, Березовскому, Сысерти да и самому Екатеринбургу, годом рождения которого считается 1723-й, когда заработал новый Уктусский завод. Место для последнего двумя годами раньше по приказу самого В.Н. Татищева нашли рудный мастер Родион Бабин, плотинные мастера Иван Мелентьев и Федор Михайлов с подмастерьем Семеном Черепановым. Собственно, они нашли два места, но для истории это оказалось несущественным, потому что оба места находились в одном районе, богатом лесом и рудой, там достаточно полноводной была Исеть, и это все располагалось в двадцати пяти верстах от реки Чусовой, соединявшей Урал с важнейшими артериями страны — Камой и Волгой.

Таким образом, наиболее крупными населенными пунктами Среднего Урала в первой половине XVIII века были Арамилская слобода, насчитывавшая к этому времени 348 дворов, и Уктусский завод — 140 дворов.

Словом, совершенно очевидно, что начинался Екатеринбург трудами арамилских мастеровых — ибо других поблизости просто не было. Жители огромной округи, образно говоря, сверяли свои часы по Арамили.

Очевидно также и то, что В.Н. Татищев не мог не понимать роли Арамилской слободы в становлении главного детища своей жизни. И если бы он знал, как несправедливо

Вышел Указ о запрещении плавить руду в «малых печах» и о поставке руды казенным заводам (1723).

Карта Исетской провинции 1755 г. с изображением мастерового и башкира

обойдется история с Арамилью, то, думается, непременно засвидетельствовал бы лично свои соображения для потомков. Хотя, пусть даже он что-то подобное и сделал, потомки все равно бы не послушались, ведь они и его-то, отца-основателя, никогда особо не чтили.

Впрочем, историческую справедливость можно толковать по-разному. Верх-Исетский да Уктусский заводы давным-давно растворились в административном пространстве Екатеринбурга, Уктусский — так тот почти бесследно.

С 1730-го по 1770 год Федор Бабин оформил несколько заявок на здешние месторождения руд, в эти же годы были организованы многочисленные артели по добыче золота, а в 1880-м началась добыча асбеста и талька в соседних Шабрах...

Всем российским подданным разрешено заводить ткацкие станки и заниматься промыслами (1767).

Ну, а повседневная жизнь арамильцев, которым не удалось сделаться знаменитыми рудными да плотинными мастерами, протекала в трудах и заботах обычных для того времени. Они откупали в государственной конторе лес, собирали живицу, рубили, жгли древесный уголь, доставляя его на металлургические заводы. И государство облагало угольной податью не только крестьян, но и всех прочих обитателей слободы: попов, дьячков, писарей и даже — по отдельному разряду — бобылей.

При этом ни тогда, ни после арамильских работных людей невозможно было с уверенностью причислить единственно к какому-то конкретному социальному классу. Обретаясь на обочине европейской цивилизации, уральский народ плохо вписывался в модные социологические теории, и апологеты подобных теорий предпочитали его не замечать или же подчеркивать его *особость*.

Однако развитие капитализма на Урале хотя и с отставанием, хотя и причудливыми зигзагами, но двигалось куда-то вперед.

Одни и те же люди пахали землю, добывали руду, плавнили железо, ставили плотины по рекам и речкам, торговали продуктами своего труда, при нужде брались за оружие, выходили в начальники или становились мастерами первой руки, почуввав волю и фарт, воровали у казны и друг у друга, шли в Сибирь, убегали к башкирам, становились крупными заводчиками и угнетали своих же соплеменников так, как в Древнем Египте рабов не угнетали...

Ушковские сукна

Между тем российская власть на Урале окрепла настолько, что Арамилская слобода, как форпост государственности, постепенно утратила свое значение — ушел в прошлое острог, стрельцы стали называться солдатами, присмирела казачья вольница, покорились судьбе башкиры и прочие свободолюбивые здешние народы.

Мирное село
Арамилъ

Слобода стала волостью, Арамилъ — большим и совершенно мирным селом. Ко временам реформы 1861 года в Арамиле было 339 дворов на 1874 жителя.

После отмены крепостного права люди, проработавшие на заготовке угля не меньше двадцати лет, получили по «уставной грамоте» земельные наделы площадью пять десятин, а еще им давалось право очистить от леса и окультурить под луга и пашни столько земли, сколько им было под силу.

Земли, полученные от казны, после смерти владельца поступали в общинную собственность и подлежали разделу между безземельными; а земли, отвоеванные у дикой природы, становились уже полноценной собственностью человека со всеми вытекающими из этого следствиями — свободная продажа, наследование и пр. Вот таким либеральным было земельное законодательство той эпохи, которую считать либеральной как-то не принято...

Кроме хлебопашества, выращивания льна и гречихи арамилцы продолжали заниматься «практической» геологи-

Объявлен Манифест «О всемирности и вейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей и об устройстве их быта» (1861).

Кроме того, извоз, сперва воспринимавшийся исключительно как повинность, со временем сделался уже вполне добровольным и весьма прибыльным занятием. Государственная гужевая повинность еще действовала, но помимо нее можно было заработать перевозкой муки с мельниц и доставкой зерна на мельницы, в изобилии появившиеся по всей волости еще в XVIII веке. Так что лошадей в Арамили всегда было очень много.

А мельницы, ради которых чаще всего и строились бесчисленные плотины на реках и речках, были в основном мелкими, конечно, большинство из них бесследно кануло в Лету, хотя весьма вероятно, что останки лиственничных срубов еще покоятся в толще исетского ила. Однако две старинные мельницы благополучно дожили до наших дней, это сегодняшние Мельзавод № 3 (основатель — купец Степанов) и Мельзавод № 4 (основатель — купец Беленьков). Разумеется, нынешние мельзаводы внешне ничем не напоминают те старинные с большим водяным колесом.

Иван Иванович Беленьков был очень заметной личностью того времени — купец первой гильдии, а таких во всем Екатеринбурге не набиралось и двух десятков, почетный

гражданин Екатеринбурга, коих числилось и того меньше. И выходит, что его мельница была одним из крупнейших промышленных предприятий Екатеринбурга и окрестностей во второй половине XIX века.

А еще в те же примерно времена в Арамили действовала фабрика пыжей Воробьева, несколько гончарных производств, некто Бирюков держал «ямщину», то есть почту, — день и ночь десятки бирюковских троек с бубенцами развозили по окрестностям земских начальников, а также богатых бездельников, кои оказывались впоследствии учеными-краеоведами да сочинителями-бытописателями, донесшими до нас хотя и довольно скудную, но добросовестную информацию о тех днях. Информацию, выдающую в своих авторах не равнодушных наблюдателей, но истинных патриотов, душой болевших за родину и народ, гордившихся ими, когда случался повод...

Была в Арамили и ничем особо не примечательная мельница Блиновых, потомки которых доньше живут неподалеку от того места, где стояло их родовое промышленное предприятие, давшее начало другому промышленному предприятию, история которого чуть не на целое столетие стала фактически историей самой Арамили, флагманом ее и локотиком.

Тагильский купец Михаил Клементьевич Ушков купил у Блиновых их невзрачную мельницу, незамедлительно сломал ее и поставил на освободившемся месте кузницу из камня-плитняка, возвел на острове, образованном двумя рукавами Исети, двухэтажный каменный корпус, в котором оборудовал два цеха — столярный и литейный. И начал производить ходовой товар — мелкие, но весьма необходимые в крестьянском хозяйстве медные вещицы, а также различные иглы для шитья и для вязания.

Однако промышленник Ушков был не только прирожденный меценат, как сказали бы теперь, но и специалист по маркетингу из-

Научная экспедиция на Урале под руководством Александра Гумбольдта (1829).

В Екатеринбурге открыта Мельковская механическая фабрика (1844).

Злоказовская
суконная
фабрика

Ручной ткацкий
станок с вертикаль-
ным расположе-
нием основы изобре-
тен за 5–6 тыс. лет
до нашей эры.

рядный. Да и просто азартный малый. Потому что, едва про-
изводство наладилось, он уже учуял новую конъюнктуру.

Оттого промышленное предприятие, основанное в 1840
году, за несколько первых лет своего существования претер-
пело ряд стремительных модернизаций, пока наконец не
нашло себя в стихии тогдашнего свободного рынка, пусть
не такого бурного, как теперь, а все же не очень предска-
зуемого... После недолгой работы с металлом предприятие
Ушкова перешло на выпуск тканых ситцевых платков из
покупных ниток, а потом освоило производство так назы-
ваемых выбойных тканей, которые после «выбойки» кра-
сили в самый любимый потребителем красный цвет, а уж
по красному наносили валиком черный рисунок. Очень, го-
ворят, «смотрелось»...

Наконец в 1857 году в том же корпусе начали ткать сук-
но. Для расширения фабрики промышленник купил еще
одну мельницу у коренного арамильца Пинигина, построил
новую плотину; вода, падавшая с плотины, вращала огром-
ное колесо, а уж от этого колеса с помощью бесчисленных
приводных ремней крутились все фабричные механизмы.
Фабричный люд называл эту хитроумную механизацию звуча-
щим иностранным словом «трансмиссия». Собственно, тог-
да и появились на фабрике первые механические станки,
до этого были исключительно ручные.

Несколько позже Ушков построил новое здание — верх
деревянный, а низ каменный, оба строения соединили

деревянным переходом и стали вырабатывать очень качественное по тем временам чистошерстяное сукно.

Ушковское предприятие в те годы на огромном российском пространстве было единственным в своем роде. Ушков нашел-таки что искал, и будущее, не без оснований, представлялось в самых радужных тонах как в прямом, так и в фигуральном смысле...

Но, как это часто бывает, причем не только в России, талантливый предприниматель умер, не оставив после себя достойного преемника. Хотя сыновей-наследников произвел на свет аж пятерых и никто не умер в младенчестве, что было в те времена большой редкостью.

Итак, в 1870 году фабрика попала, так сказать, в коллективную собственность. Один брат уехал в Москву к тестю, и больше не было о нем ни слуху, ни духу, так что даже имя его неизвестно, другой отправился в Тавду единолично владеть небольшой фабрикой (его звали Вениамином), а трое — Лев, Дмитрий и Евтихий Михайловичи — остались в Арамили. У Вениамина дело сразу не заладилось, наводнение смыло плотину, а заодно и фабричку затопило, и скоро он присоединился к братьям.

Однажды братья послали Дмитрия на ярмарку в Ирбит, где арамильское сукно пользовалось большой популярностью у купцов-оптовиков. Дмитрий там славно поторговал, выручил около сорока тысяч рублей — целое состояние, а был он молод и азартен... Словом, проигрался в карты, что называется, «до нитки».

И отцовское дело, сулившее безоблачное существование многим ушковским поколениям, покатилося под откос. Незадачливые наследники брали у купца Рожнева ссуду, пыта-

В Великобритании Э. Карптрайтом изобретен механический ткацкий станок (конец XVIII в.).

Ткачество в дореволюционной России было одной из основных отраслей обрабатывающей промышленности, составляя к 1913 г. 1/5 ее долю.

Проходная арамильской суконной фабрики

Приспущенная ДЧС
Свердловской обл.

И.Г. Смылова.
«Маруськина любовь». Рисунок
с подноса. 1990.
Екатеринбургский
музей изобрази-
тельных искусств

ясь спасти дело покойного родителя, но вернуть долг не смогли, и фабрика по решению суда перешла в собственность Рожнева. Братьям Ушковым предложили съезжать с квартир. Как они потом устроились в жизни, неизвестно. Известно только, что сын одного из братьев, внук, стало быть, талантливого предпринимателя, родившийся в 1880 году Сергей Львович Ушков, стал впоследствии известным ученым-лесоводом, зоологом, натуралистом.

А Рожнев, обретя фабрику, не придумал ничего лучшего, как закрыть ее. Очевидно, в его планы не входило заниматься столь хлопотным делом — не считал себя специалистом в текстильной области.

Так что фабрика целых пять лет простояла без всякой пользы. То есть с 1890 года по 1895-й. Пока не

купили ее у Рожнева братья Злоказовы. И вошла она в историю, причем не только арамильскую, под этим именем — Злоказовская суконная фабрика. Дело вновь попало в хорошие руки. Повезло фабрике, а вместе с ней и Арамили, форпостом российской государственности давно не являвшейся, но пребывавшей центром большой и крепкой во всех отношениях волости.

В 1900 году братья Злоказовы построили на левом берегу Исети новые кирпичные корпуса. Скупив на Урале все старые и неперспективные текстильные фабрики, они собрали годное для эксплуатации оборудование в Арамили, завезли из Германии новые механизмы и станки, тем самым основав предприятие по последнему слову техники.

А еще хозяева построили несколько четырехквартирных домов для рабочих — они назывались казармами, — огромное, на 150 комнат общежитие, переманили с прекративших существование фабричонок квалифицированные кадры и стали вырабатывать уже не грубое, но тонкое сукно, имевшее устойчивый спрос не только в России, но и далеко за ее пределами, что в нынешние времена может показаться совершеннейшей фантастикой.

Статистический справочник, изданный в самом конце XIX века городским головой Екатеринбурга И.И.Симановым, информирует, что Злоказовы Петр Алексеевич, Николай Алексеевич, Федор Алексеевич и сын Петра Владимир создали каменную суконно-ткацкую фабрику, при которой плотина, деревянные казармы, двухэтажное общежитие, два каменных склада, контора, сад. Фиксирует справочник и находящиеся в Екатеринбурге злоказовские оптовые склады вина и спирта, водочный завод, 6 трактиров, винную лавку, ренсковый погреб*.

Братья Злоказовы имеют «Торговый дом» в Екатеринбурге, выделывают в сутки до пятисот аршин сукна из киргизской шерсти, которой перерабатывается до пятнадцати тысяч пудов в год.

На фабрике 300 рабочих, аппаратный цех с трепальной машиной, двумя пушилками и другими машинами, прядильный с тремя ватерами** на 600 веретен и тремя — на 900. Ткацкий цех оснащен семьюдесятью ручными станами и десятью самоткацкими.

Управляя всеми делами на фабрике нанятый хозяевами горный инженер (возможно, тогда еще инженеров-текстильщиков в природе не существовало), коллежский асессор Иосиф Иосифович Тибо-Бриниоль...

Общезвестно, что история уральских городов — это история уральских заводов. А история Арамили, повторимся, есть история злоказовской фабрики. И по мере того, как в XX веке теряла передовые позиции, хирела и становилась убыточной некогда прославленная фабрика, теряла административный вес, утрачивала перспективу и переходила в разряд дотационных территорий сама Арамиль.

Боль и радость — река Исеть

Следы стоянок первобытных людей уральские археологи обнаружили вдоль всей реки Исети, а на территории нынешней Арамили — само собой. Люди здесь жили еще в неолите и бронзовом веке.

Река Исеть в ее относительно точных географических координатах появляется уже на «Большом Чертеже» тобольского картографа Семена Ульяновича Ремезова в XVII веке. До строительства плотин она имела быстрое течение и многочисленные пороги, что не располагало к сколь-нибудь уверенному судоходству, однако вполне позволяло сплавлять лес по всему протяжению реки.

* Ренсковый погреб — магазин, где торговали импортными винами.

** Прядильная машина, в которой вытягивание, кручение и наматывание нити на шпули следуют друг за другом.

На берегу реки Исеты в жилище аятского типа найден тальковый идол эпохи ранней бронзы.

На реке Железняке при впадении ее в Исеть возникает железный промысел Далматовского монастыря (1682).

В Екатеринбурге на берегу Исеты в XXI в. предполагается разбить аквапарк площадью около 12 тыс. кв. м со станцией очистки воды. Подрядчиком аквапарка выступает Балтийская строительная компания.

По свидетельству В.И.Геннина, еще в тридцатых годах XVIII века вокруг нового Екатеринбургского завода росли густые сосновые леса без конца и края, в которых водились все известные в России зверье, птицы. Реки и озера изобиловали рыбой.

И техническому прогрессу потребовалось довольно много времени, чтобы почти полностью уничтожить былое великолепие жизни, которое казалось неиссякаемым.

Бесчисленные плотины привели в движение столь же бесчисленные заводы, заводы немедленно потребовали неслетное количество сырья и древесного угля. Очень скоро водяной привод перестал удовлетворять промышленность по причинам малой мощности и зависимости от капризов природы. Его повсеместно стали заменять паровыми машинами, однако сломать плотины и хотя бы вернуть реку в первозданное состояние было уже абсолютно невозможно, поскольку сложились новые экосистемы прудов. Да и просто жалко затраченных усилий...

Паровые машины тоже требовали немало топлива. И долгое время топливом были в основном дрова — каменный уголь и торф начали добывать позже, да и уральский уголек оказался невысокого качества, что уж говорить про торф. Хотя заметим, в XX веке фабричную котельную в Арамили топили почти исключительно торфом и фабричным рабочим для домашних печек выписывали торфобрикеты.

А сколько ядовитого дыма выбрасывали предприятия в атмосферу, сколько вредных технологических отходов они сливали в реки!

И это продолжается, хотя, говорят, с меньшей интенсив-

ностью, по сей день. И фекальные стоки городов всеми правдами-неправдами сбрасываются в реки, минуя очистные сооружения. Сколько творческой выдумки, виртуозной изобретательности рождает этот самообман. Посчитать бы, может быть, не обманывать-то — гораздо дешевле. В итоге река Исеть в окрестностях Арамили последние десятилетия XX века не замерзала даже в самые лютые морозы.

Как ни странно, с некоторых пор расплодилось в арамильском пруду самая разнообразная рыба, которая, как представлялось, покинула его навсегда. Видимо, в перспективе мы можем увидеть совершенно фантастические формы жизни, не боящиеся ни кислоты, ни щелочи, ни прочего такого. Да ведь и мы, люди, уже далеко не те, чьи древние стоянки раскапывают любознательные археологи.

Зато сегодня в Арамили всякий желающий может наблюдать диковинное зрелище, какого, может быть, нигде в мире не увидишь: в лютый мороз, когда вода в пруду парит, как на летней зорьке, стоят по берегам арамильского пруда множество рыболовов с обычными летними удочками, удилица то и дело взмывают вверх, бликуют в солнечных лучах, изгибаются дугой. И глядишь, уже кувыркается на притоптанном снегу плотный нарядный подвязок либо темный мускулистый карп кило эдак на три...

Арамиль православная

Однако вернемся к истокам Арамильской слободы, ибо некоторые стороны жизни арамильского народа остались в тени его хозяйственной жизни, что никак нельзя считать справедливым.

Дореволюционные обитатели слободы, разумеется, в подавляющем своем большинстве были людьми православными, глубоко верующими. И о Боге, в которого веруют, знали не понаслышке, как теперь, спустя три с лишним века, а благодаря религиозному просвещению, которое в той или иной форме всегда и повсеместно присутствовало на Руси.

Как мы помним, первая церковь в Арамили была построена вместе с острогом. Острога без церкви просто быть не могло. В 1782 году деревянная церковь, загоревшись во второй раз, сгорела начисто.

Арамильцы на общем собрании слободы (уже слободы) решили ходатайствовать перед уездным, а также епархиальным начальством о строительстве более подобающего для Арамили храма — каменного.

Издан свод законоуложений о городском самоуправлении и правах свободных городских сословий (1785).

Свято-Троицкий храм. Снимок 1936 г.

Свято-Троицкий трехпридельный каменный храм был заложен всего-то через сорок восемь лет после исторического решения. И через восемь лет, в 1838 году, полностью построен. По сей день, несмотря на вяло текущую реставрацию, собор украшает Арамиль.

А что касается общего собрания жителей Арамильской слободы, которое упомянуто выше, то оно было, конечно же, отнюдь не чрезвычайным событием общественной жизни. Потому что демократия на местном уровне существовала в России с незапамятных времен, еще задолго до земства. Иначе из чего бы вырастали в различные времена города-республики навроде господина Великого Новгорода.

В XIX веке Арамильская волость имела территорию уже куда более скромную, чем прежде. Однако все еще значительную. Она включала в себя населенные пункты: Большой Исток, Малый Исток, Косулино, Поварню, Допок, Бобровку, Вьюхино, Фомино, Ключи, Токарево, Черданцево, Калниково, Ольховку, Шайдурово, Бородулино, Патруши, Большое Седельниково, Малое Седельниково, Полетаевку. Волостной старшина избирался прямым открытым голосованием. Избирала, как сказали бы теперь, коллегия выборщиков.

В каждом населенном пункте общество управлялось старостами, сотскими и десятскими, которые избирали сходы на определенный срок. Старшины волостей подчинялись уездному начальнику, сельские старосты — старшине волости. Такая вот «властная вертикаль».

Для государственной полиции работы на территории волости было совсем мало. Един-единственный урядник вполне справлялся, не так уж редко закрывая глаза на самосуд. Люди хорошо знали друг друга, все пришлые-приезжие были на виду, и в большинстве случаев дистанция между преступлением и наказанием, по меркам так называемого цивилизованного общества, была смехотворно мала.

Хотя, разумеется, случались в волости и нешуточные злодеяния. И преступники заковывались в «железы» и шли в кандалах по Сибирскому тракту еще дальше на восток, а от-

Изображение корон в геральдике: 1 – золотая башенная корона с пятью зубцами для губернских городов с населением более 50 тыс. чел.; 2 – золотая башенная корона с тремя зубцами для губернских городов; 3 – золотая башенная корона для губернских городов и крепостей; 4 – серебряная башенная корона для уездных городов; 5 – червлёная башенная корона с тремя зубцами для заштатных городов; 6 – червлёная башенная корона с двумя зубцами для знаменитых посадов

быв каторжный срок, возвращались на свою малую родину. В Арамиле. Для таких имелась специально разработанная процедура принятия в общину – простая, демократичная и довольно милосердная. Правда, решение общины, заверенное старостой, почему-то называлось приговором, который отправлялся в инстанцию, где его, возможно, и не читал никто.

При этом для общественного мнения не существовало срока давности, и бывший каторжанин до конца дней своих ощущал известное отчуждение, что, впрочем, далеко не каждого толкало на бродяжничество, далеко не каждого делало *босяком*, или, выражаясь современным сленгом, *бомжом* или *бичом*. В прежние времена люди больше дорожили родным, хотя подчас и не слишком дружелюбным, социумом.

Да ведь и сам социум существовал в условиях далеко не безоблачных. Они, эти условия, не стали безоблачными после большевистской революции, не обещают стать таковыми и в обозримой перспективе. Хотя, разумеется, многое меняется к лучшему, всегда менялось и будет меняться, но эти перемены скорее естественные, прямо следующие из логики прогресса человечества вообще, чем возникающие в результате планомерной и неустанной заботы государства о своих подданных...

В Перми издан труд Н.С. Полова «Хозяйственное описание Пермской губернии» (1804).

Вышел запрет заставлять работать в ночную смену детей младше 12 лет (1845).

Первый из известных врачей Арамили В.П. Луканин (стоит) в кругу родственников

В сравнении с европейской Россией, Урал был несколько благополучнее в социальном смысле не только благодаря малой плотности населения. Климат, пусть и холодный, особенно зимой, — был здоровее за счет большого количества лесов, земли — плодороднее и независимее от капризов погоды, потому как много у нас болот, рек, озер. Поэтому история Арамили не знает тех свирепых засух и неурожаяев, которые с неотвратимой регулярностью опустошали российские деревни.

Да что там — Арамиль не извела ужасающей среднерусской нищеты, а соломенных крыш, время от времени скапливаемых скоту, вообще не знала.

Не слышали и больших бед, вошедших в историю под страшным именем «мор», хотя локальных эпидемий и арамильцы не избежали. В 1882 году пятьдесят четыре жизни унесла оспа, а скольких красавиц она сделала несчастными, никто, разумеется, не считал.

В 1884-м дифтерит убил около сорока арамильцев. Еще болели арамильцы сыпным тифом в 1892-м, и тоже несколько человек умерли. Гораздо сильнее эта же болезнь свирепствовала во время войн прошлого века, но статистики на сей счет обнаружить не удалось. Либо она вообще из соображений секретности не велась, либо до сих пор засекречена.

Ну и, конечно же, во все времена страдали арамильцы от традиционно российского недуга. Характерный штрих: в 1863 году открылось в Арамили питейное заведение купца Соболева, а в 1886-м — дом трезвости.

Что касается туберкулеза или, как говорили в те времена, чахотки, то из фабричных ею страдал каждый третий. Примерно таким же был этот показатель и по всей стране.

Газета «Екатеринбургская неделя» в 1887 году сообщает:

«Условия труда, особенно на фабрике Ушкова, антисанитарны, вентиляция на рабочих местах плоха, и многие рабочие часто, продолжительно хворают...»

Эта ли публикация влиятельной газеты стала последней каплей, или просто, как любят выражаться бюрократы всех времен, «вопрос назрел», однако именно в 1887 году уездное екатеринбургское начальство сделало внушение начальству земскому и появился в Арамили первый медпункт. В том же году заставили озаботиться здоровьем мастеровых и хозяина фабрики. Впрочем, тогда многие капиталисты в России уже сами понимали цену квалифицированного труда и без подсказки властей начинали думать о здоровье рабочих, не без оснований считая последнее производительной силой.

Для первого в Арамили медицинского учреждения, земского фельдшерского пункта, был арендован дом состоятельного арамильца Дербышева. Строить было некогда, требовалось немедленно отчитаться перед уездом.

Первым земским фельдшером, по воспоминаниям старожилов, был Лука Зотович Фомин, он на нижнем этаже дома принимал больных и сам же готовил лекарства — вот какие фельдшеры выходили в прошлом веке из фельдшерских школ, — а на втором этаже жил с семьей. И был к услугам пациентов со всей волости круглые сутки, без выходных и праздников. Однако это отнюдь не означает, что трудился бедный лекарь без сна и отдыха, на износ. Нет, его учреждение далеко не сразу обрело популярность среди населения, люди еще долго не обращались в медпункт без самой крайней на то нужды, предпочитая старинные домашние средства.

В медпункте суконной фабрики пользовал страждущих фельдшер Иван Тимофеевич Костромин. Обязанности акушерки справляла его дочь Саша. Раз в неделю из Екатеринбурга приезжал врач-консультант по фамилии Сяно. При медпункте имелось десять больничных коек. Квартира Костромина по тогдашней традиции тоже находилась в непосредственной близости от рабочего места.

Сказать, что фабриканты совершенно бескорыстно благодетельствовали своим верным мастеровым, нельзя — на

Фельдшер
И.Т. Костромин

А.М. Филомафитский и Н.И. Пирогов разработали метод внутривенного наркоза (1847).

Дача Злоказова

В Петербурге состоялся Первый съезд русских естествоиспытателей и врачей (1868).

В Екатеринбурге основана глазная лечебница имени А.А. Миславского (1906).

содержание лечебного учреждения у работников ежемесячно изымалась из заработка некоторая сумма. Но сумма эта была незначительна, так что рабочие, надо полагать, с пониманием относились к новому вычету. К тому же от них ведь не скрывалось, что вычеты покрывали лишь незначительную часть убытков, доктора-то в России были дороги.

Едва появились в Арамили первые медицинские учреждения, сразу начались и прививки от традиционных недугов — оспы и дифтерита. По нынешним меркам они, конечно, еще не могли считаться массовыми, однако трудолюбивые фельдшеры к этому честно стремились, а земство, как могло, обеспечивало необходимыми вакцинами, шприцами и пр. В конце концов, перед революцией

арамильские медики трудились по тому примерно графику, по какому трудятся по сей день: с восьми часов утра — прием больных в медпункте, а после трех дня — вызовы на дом. Для чего на земской почтовой станции имелась специально закрепленная лошадь, оплаченная земством. (Не из числа лучших рысаков, как замечает в своих воспоминаниях та самая Саша Костромина.)

Нуждающихся в хирургическом вмешательстве отвозили в Екатеринбург, а роды принимали на дому, однако, не полагаясь на санитарное сознание населения, а также и на его благосостояние, с собой помимо сумки с инструментами и лекарствами, привозили чистые простыни, полотенца и пр.

Перед последней революцией Владимир Злоказов вовсе расщедрился — отдал под фабричную больничку свою шикарную дачу вместе с прислугой и тремя коровами, дающими универсальное на все времена лекарство. Скажут, чуял капиталист близкий крах капитализма... Наверное, чуял. Хотя, без сомнения, до последнего момента надеялся, что пронесет. Русский же был человек. Но когда революция уже стояла на пороге, он уехал. Видно, не надеялся, что зачтется ему та больничка. И правильно, что не надеялся...

Опера Глинки — на школьном крыльце

Первое образовательное учреждение в Арамили, не считая, разумеется, церковноприходской школы, основанной почти одновременно с острогом, было создано не столько с просветительской целью, сколько с чисто утилитарной. Это — горнозаводская школа волостного управления, открытая в 1817 году и осуществлявшая профессионально-техническую подготовку кадров.

В 1845-м доходят наконец у начальства руки и до общего образования широких народных масс. Вернее — не очень широких. Открывается так называемая *мужская министерская школа*.

Наконец в 1879 году, дабы устранить дискриминацию арамилских женщин в области образования, создается «министерская народная школа» для обучения не только мальчиков, но и девочек.

Таким образом, к 1910 году в Арамили имелись: министерская народная школа с трехгодичным обучением, земская — с четырехгодичным, церковноприходская школа грамоты для девочек. Охваченными обучением считались 25 процентов детей, а взрослых грамотеев числилось лишь 20 процентов.

Культурная жизнь дореволюционной Арамили своим эстетическим качеством не очень сильно уступала послереволюционной жизни, хотя, разумеется, количественные показатели, тем более идеологическую составляющую, невозможно даже сравнивать.

Организованная при непосредственном народном участии культура — в официальном значении этого слова — после долгих десятилетий и даже столетий типично деревенских посиделок, вечеров и хороводов началась с упоминавшегося уже дома трезвости, открытого в противовес питейному заведению и по настоянию народных масс, уже в ту пору пострадавших от пьянства непутевых, но близких родственников.

То есть первое учреждение культуры открылось в Арамили в 1886 году. Поначалу там просто велась, как сказали бы теперь, антиалкогольная пропаганда с привлечением местной интеллигенции, а также священнослужителей, потом туда стали приглашаться именитые уездные лекторы, был куплен проекционный фонарь, посредством которого на полотняном экране появлялись поучительные и просто приятные глазу цветные картинки. В известном смысле дом трез-

В Екатеринбурге для широкой публики открылся краеведческий музей (1889).

Здание сегодняшней школы № 4 по ул. Шорса, построенное в 1914 г. также для нужд образования

В Екатеринбурге открылась публичная библиотека имени В.Г. Белинского (1899).

Открытие в Екатеринбурге первого на Урале музыкального училища (1916).

вости сделался как бы первым арамильским кинотеатром. Ну — прообразом кинотеатра.

А еще через десять лет после открытия в доме трезвости заработала первая публичная библиотека, в которой проводились вечера и беседы на самые разнообразные темы, волновавшие пытлиую публику той поры.

Забегая несколько вперед, скажем, что после революции, когда показалось, что окончательная победа над пьянством, как и над мировым капиталом, уже одержана, дом трезвости стал именоваться народным домом, и в нем однажды выступали на пару местный литератор П.П.Бажов, сотрудник свердловской «Крестьянской газеты», и столичный гастролер Демьян Бедный. Знаменитость порадовала арамильских любителей изящной словесности своими коронными баснями «Борода» и «Дороги», а чем порадовал Павел Петрович, неизвестно. Однако нетрудно догадаться, что смотрелся он на фоне великолепного Демьяна довольно бледно. Тогда ведь считалось, что Бедный — великий поэт, а Бажов — так себе... газетчик, зав. отделом крестьянских писем.

Вторая библиотека, по утвердившейся уже традиции, была опять же фабричная. Только в 1913 году выделил хозяин комнату в конторе и дал денег для приобретения пяти-сот книг. Библиотекарем на общественных началах стал всеми уважаемый арамильский интеллигент-труженик, фельдшер И.Т. Костромин...

А еще желающие, по крайней мере, дважды могли видеть в Арамили Д.Н. Мамина-Сибиряка, наезжавшего с очень краткими визитами к своему брату Николаю, но ни разу не потешившего любознательную арамильскую публику живой творческой встречей. Либо тогда они не практиковались, либо, что более вероятно, стеснялся писатель своего непуг-

тевого брата, чаще посещавшего питейное заведение, нежели дом трезвости.

Ну и, разумеется, было в дореволюционной Арамили, не могло не быть, то, что несколько позже стало именоваться художественной самодеятельностью. Вершиной стало сценическое действо, имевшее место прямо под открытым небом 21 февраля 1913 года — зимой! — и называвшееся оперой композитора М. Глинки «Жизнь за царя» (с новым текстом С.Городецкого опера стала называться проще и привычнее уху — «Иван Сусанин»).

«...Постановку знаменитой в то время оперы арамилские артисты готовили долго и тщательно. Артистов, которыми руководил заведующий местным училищем Гуськин, в селе хорошо знали — все они были своими, арамилскими: кто на мельнице работал, кто на суконной фабрике, кто крестьянствовал».

Осуществить постановку оперного спектакля скромными силами певцов-любителей было не просто. Композитор, как известно, предназначал свое сочинение для профессионального театра. Однако специально для сельских хоров известным на Урале хоровым деятелем А. Д. Городцовым было сделано переложение, по которому арамилские артисты и разучивали сцены из «Жизни за царя». Хорошо зная возможности певцов-любителей, Городцов изменил в отдельных партиях оперы тональность, ввел в некоторые сцены разговорные диалоги, кроме того, в новой партитуре отсутствовал оркестр. Его заменял хор.

На спектакль собралось чуть не все село. Затаив дыхание, боясь пропустить хоть одно слово или спетую фразу, следи-

Премьера оперы
М.И. Глинки «Жизнь
за царя» («Иван Су-
санин») состоялась в
С.-Петербурге в 1836г

Праздник масленицы на пруду реки Исети

Здание почты,
где раньше был
постоялый двор

ли зрители за происходящим на сцене, которой служило крыльцо начального училища. Гул голосов и движение в перерывах мгновенно прекращались всякий раз, как только начиналось очередное действие. А после финального «Слався!» собравшиеся шумными одобрителными возгласами и аплодисментами долго не отпускали взволнованных исполнителей. Успех был полный!

В тот год — год трехсотлетия Дома Романовых — сцены из «Жизни за царя» показывали любительские хоры более чем в восьмидесяти селах, заводских поселках, уездных городах Пермской губернии. Арамильские же артисты были первыми. Они открыли шествие бессмертной глинкавской оперы по сельским сценам Урала.

Так описал знаменательное во всех отношениях событие историк музыки С. Е. Беляев в своих «Рассказах господина Бемоля».

Разве думали тогда арамильцы, как зрители, так и артисты, что ничего равного этому не произойдет в Арамиле больше никогда?...

Краткая подворная летопись за 1912 год бесстрастно информирует, что в означенном году на 2750 человек населения в Арамиле имелось 485 лошадей и 534 коровы. Если учесть, что лошадь в прежние времена по своему статусу равнялась автомобилю, а корова, можно предположить, тянула на музыкальный центр плюс микроволновая печь, то, пожалуй, не будет натяжкой сказать, что зажиточность среднего арамильца в 1912 году не слишком отличалась от нынешней.

И по сей день арамильцы не спешат с полной определенностью обозначить свою классовую принадлежность. Так и продолжают, работая в промышленности, культуре, образовании, медицине и администрации нынешнего муниципаль-

ного образования «Город Арамилы», в свободное время с примерным тщанием возделывать свой огород, садовый участок да просто полоску картофеля на окраине Арамилы. Даже успешно работая в бизнесе, состоятельные арамилцы позади своих особняков не фантастические цветники разбивают, не площадки для игры в гольф устраивают, а грядки. Впрочем, данное наблюдение, пожалуй, можно смело распространить и на остальную Россию.

А как обстоит дело с количеством счастья на душу населения? Увы, на сей счет никаких статистических данных обнаружить не удалось. Но можно, наверное, предполагать, что в сравнении с 1912 годом количество счастья на душу арамилского населения выросло не слишком. Возможно даже, что количество счастья на душу населения есть одна из малоизвестных мировых констант...

Сколько воды утекло, а до сих пор лицом Арамилы, его центром служат: дом купца Бабина (ныне — аптека), дом торговца Пинигина (ныне — ПТУ), дом учителя Гуськина (ныне — детская музыкальная школа), дом священника Иоанна (контора электротехнического завода), дом торговца Коптякова (магазин «Одежда»), дом торговца мясом Холкина (милиция), дом богача Дербышева (отделение Сбербанка) и т.д. и т.п.

Не на пустом месте начинали большевики-ленинцы, пели, что все *до основания разрушат*, но, слава Богу, не разрушили. И не пустое место оставили после себя. Не пустое, хотя и крайне запущенное.

Открытие в Екатеринбурге Нового городского (оперного) театра (1912).

20 лет исполнилось в 2001 г. краеведческому музею школы № 4 — одному из лучших в области школьных «храмов истории».

Здание аптеки (1832). Бывший дом купца Бабина

Кстати, неподалеку от нынешнего отделения Сбербанка стоял некогда на невысоком постаменте скромный бюстик царя-освободителя Александра Второго. Стоял, пока не был в торжественной обстановке низвергнут в протекавшую рядом речку Арамилку. Вместо него на долгие годы утвердился вездесущий В.И. Ленин.

Бюст царя не найден до сих пор, хотя речка там — воробью по колено. А не так давно при загадочных обстоятельствах бесследно исчез и бюст вождя мирового пролетариата. Может быть, знамение.

Арамилское ткачество

Вернемся на злоказовскую суконную фабрику, в самое начало двадцатого столетия, поскольку суконную фабрику, как уже говорилось, никак невозможно обойти. Во всех документах Екатеринбургского уезда в начале XX века злоказовская фабрика называется сразу после Верхисетского завода.

В 1900 году в третий раз перестраивается плотина на Исети, в двух ее створах устанавливаются турбины, однако мощность усовершенствованного гидропривода все равно недостаточна, поэтому вскоре из Германии привозят паровую машину фирмы «Зульпер». И общая мощность становится равной 210 лошадиным силам.

Для паровой машины строится котельная, отработанный пар идет на обогрев действующих цехов, его достаточно для того, чтобы в будущем обогреть и те цехи, которые еще только предстоит построить.

Сооружение огромной фабрики началось с маленькой кирпичной будки, где разместились проходная и табельная, затем возводятся трехэтажный кирпичный корпус, к кото-

На демидовских заводах начала работать первая на Урале паровая машина (1824).

Нынешний административный корпус Арамилской суконной фабрики

рому потом с двух сторон добавляются двухэтажные корпуса, а также длинное помещение, в котором крутится вал турбины.

Строительство шло ударными темпами, все материалы доставлялись, разумеется, гужевым транспортом, в работах, так или иначе, участвовало почти все население Арамили. Будь это двадцатью годами позже, стройку бы непременно нарекли ударной и комсомольской. Правда, на ней совсем не использовался подневольный труд.

С 1900 по 1907 год помимо перечисленных основных зданий было воздвигнуто еще несколько — просторная контора, пекарня, общежитие, баня для рабочих. Таким образом, новой власти потом чуть ли не до наших дней ничего к этому не удалось добавить. Большие перспективы имели в виду рачительные и талантливые промышленники, создавая внушительный памятник самим себе, а заодно и обеспеченное существование для своих весьма отдаленных потомков.

Российским предпринимателям XXI века, живущим, как правило, одним днем и без всякой оглядки на окружающую их нищету, еще расти и расти до своих великих, без преувеличения, прдшественников...

В итоге всех технико-экономических мероприятий к 1913 году фабрика вырабатывала в год около 650 300 метров ткани. На ней трудилась значительная часть населения Арами-

Создано особое совещание для приятия мер по развитию Уральской промышленности – во главе с товарищем министра торговли и промышленности (1909).

А. Дейнека.
Текстильщицы.
1927. Холст, масло.

Лидером текстильной промышленности в начале века была Англия. Она одна выпускала тканей больше, чем весь остальной европейский континент.

ли, а кроме того, обитатели окрестных деревень за несколько верст ходили на фабрику, чтобы заработать денег в свободное от сельской страды время.

Режим работы был обычным для тех времен — с шести до девятнадцати с часовым перерывом. В субботу — на час меньше. Между прочим, такой продолжительный рабочий день имели и канторские служащие, и сам господин управляющий. В то же время наемные рабочие в период сева и уборочной страды могли не работать на фабрике, отпуска без содержания были обычным делом.

Квалифицированные специалисты-ткачи (тогда — поголовно мужчины) зарабатывали в день до одного рубля, неквалифицированные — до пятидесяти копеек. А если учесть, что фунт хорошей говядины стоил тогда две копейки, то можно смело сказать — такого заработка фабричные не имели больше никогда. И будут ли иметь в обозримой перспективе — очень сомнительно.

Разумеется, поначалу костяк фабрики состоял в основном из людей пришлых, привезенных Злоказовыми с других уральских фабрик, прекративших свое существование. Но арамильцы быстро переняли у них мастерство, избрав профессию не только для себя, но и для потомков на несколько поколений вперед. Оттого-то профессия текстильщика в Арамили, быстро сделавшись одной из самых престижных, оставалась таковой еще долго после революции, хотя пролетарское государство в первую очередь развивало отнюдь не легкую промышленность, совсем даже не легкую для того, кто в ней трудился.

В качестве сырья на арамильской суконной фабрике использовалась овечья и верблюжья шерсть. Ткани были почти все чистошерстяными, а если что-то и добавлялось, так это опять же шерсть, только уже побывавшая в употреблении.

Для заготовки сырья в Среднюю Азию командировались специальные доверенные люди, способные блюсти хозяйский интерес и прекрасно знавшие свое дело. Они закупали шерсть, упаковывали ее в кипы, затем везли на верблюдах до Семипалатинска. Там шерсть грузили на баржи и по рекам Иртышу, Тоболу, Туре сплавляли до Тюмени. Из Тюмени по железной дороге везли до станции Косулино. И уже оттуда — на лошадях.

Мемуары Максима Горького

Пусть и далеко от Арамили до российских столиц, хотя и мало соответствовал марксистскому стандарту арамилский работяга, всегда имевший помимо пресловутых пролетарских цепей еще изрядный надел земли да домишко на три окна, хотя и не было в те времена ничего напоминающего телевидение, а немногочисленные газетки шли в основном на раскурку, однако большевики свое агитационно-пропагандистское дело знали лучше, чем кто бы то ни было. Благодаря чему и победили всех.

А что касается поводов для недовольства жизнью и судьбой, то в любые времена, в любой стране и даже почти у любого человека недостатка в них нет. Стоит только поразмышлять. Жизнь всегда неласкова, работа утомительна, удовольствий всегда меньше, чем хочется, лучшие годы, не успев наступить, сразу торопятся уйти, прихватив с собой здоровье, красоту, умение безоглядно ликовать.

Словом, арамилцы, не дотягивая до стопроцентных пролетариев, были тем не менее стопроцентно русскими людьми. Точнее, российскими, ведь если даже и не русскими, а башкирскими, татарскими, удмуртскими — все равно русский бунт, бессмысленный и беспощадный, каким виделся он Пушкину если вспыхивал, то захватывал всех.

Так, еще в 1727 году пытались покинуть свою слободу несколько сотен приписных (то есть крепостных) под предводительством Ивана Гореванова. Вооруженные, они дошли до Сакмарского города в Башкирии и заняли его. Против восставших были направлены крупные воинские отряды.

Ну, а что касается участия уральцев в пугачевщине, так про это есть в любом учебнике любой эпохи. Разумеется, без арамилских бунтарей дело в принципе не могло обойтись.

Оба «революционных подъема» двадцатого столетия злоказовскую суконную фабрику стороной не миновали. В 1906 году здесь вспыхнула первая забастовка, руководил которой некто Павел Алмазов, в 1910-м случилась вторая, и хозяевам даже пришлось вызывать из Екатеринбурга жандармов. В 1914 году на фабрике организуется профсоюз.

Что любопытно: в конце прошлого века, после отмирания социализма, фабрика более десятка лет влачила самое жалкое существование и докатилась таки до официального банкротства. Директора менялись каждый год, рабочие не видели де-

Произошли массовые волнения приписных крестьян на Урале (1726–1727).

Нижнеисетский казенный железодельный завод передан в аренду трудовой артели рабочих (1906).

М.В. Горбачев

нег несколько лет (счастье, что они так и не стали стопроцентными пролетариями), им лишь изредка перепадало что-нибудь в качестве натуральной оплаты — хлеб, фабричная ткань, причем явно по завышенной цене. И за все годы — ничего даже отдаленно напоминающего забастовку! Никаких протестующих акций!

Правда, в конце XX века фабрика была уже отчетливо женским предприятием, да и руководили ею зачастую женщины...

По официальному признанию, самым видным революционером на злоказовской фабрике, а следовательно и в Арамили, был Максим Васильевич Горбачев. Такой арамильский *товарищ* Максим. Его фамилией названа улица нынешнего города, и этот факт сам по себе уникален.

Поскольку в Арамили наберется добрый десяток известных фамилий, но ни одна из них достойной улицы не оказалась. Так, например, дореволюционная улица Ланги, названная так, скорее всего, в честь в обилии проживавших здесь Лаптевых, теперь — Пролетарская.

Может, беда в том, что все эти Банных, Лантевы, Катаевы, Гилевы, Дербышевы, Сурины, Черноскутовы и Чермяниновы оказывались как по ту, так и по эту сторону баррикад?

А фамилия Горбачев для Арамили не характерна. Максим Васильевича родители привезли в Арамиль тринадцатилетним мальчиком, и никто из Горбачевых себя связями с контрреволюцией не запятнал.

Максим Васильевич оставил потомкам довольно пространственные мемуары, не дождавшиеся своего публикатора в советские времена. Теперь, очевидно, эти заметки уже и вовсе не увидят свет, что представляется несправедливым, поскольку перед нами, что ни говори, документ эпохи, хотя и перегруженный ее идеологическими штампами, а все же поучительный, дающий повод для размышлений, сравнений и обобщений.

Эти заметки Максим Васильевич Горбачев продиктовал в 1966 году и вскоре ушел из жизни. Улица его имени появилась в Арамили только через десять лет благодаря усилиям арамильских краеведов, а также людей, лично знавших ветерана.

Итак, Максим Васильевич Горбачев, будущий первый «красный» директор Арамильской суконной фабрики, прибыл с семьей в Арамиль в декабре 1908 года. И был принят

на работу сперва мотальщиком шпуль*, позже — подручным клейщика основ и наконец — ткачом. В 1917 году он вступил в РСДРП(б) и Красную гвардию. Заметим, вступил, будучи квалифицированным рабочим, а не каким-нибудь подсобником. Следовательно, делал свой выбор товарищ Горбачев вполне сознательно, не из шкурных соображений.

Предоставим слово самому герою, лишь по ходу дела позволяя себе некоторые комментарии.

«...В 1906 году арамилские рабочие объявили забастовку, предъявив хозяину требование: увеличить расценки сдельщикам и поденную оплату поденщикам. Злоказов отказался иметь дело со всей трудящейся массой, предложив рабочим избрать специальных представителей и прислать их для переговоров...»

Рассказывая об этом, наш герой ссылается на непосредственного участника событий Я.Н. Бурунова, что естественно, поскольку сам Горбачев был тогда еще далеко от Арамили.

«...Забастовка длилась целый месяц, некоторые многодетные семьи начали голодать, бастующие организовали сбор средств и продуктов в пользу особо нуждающихся и продолжали настаивать на своих требованиях.

Тогда хозяин сдался и увеличил расценки сдельщикам на 15—20 процентов. Поденщикам, соответственно, тоже. В целом дело решилось мирно, полиция не привлекалась, поскольку в это время бастовала практически вся страна и силу царского правительства на всех забастовщиков не хватало...

...Зато после поражения первой русской революции летом 1907 года Злоказов вызвал отряд казаков и выдал им активных участников давней забастовки, в числе которых оказался и Я.Н. Бурунов. Забастовщиков во дворе фабричной конторы зверски избили... Избив — уволили, а заработную плату оставшимся снизили до прежнего уровня. Но после этого недовольство рабочих еще больше усилилось. И тут появились в Арамили заезжие большевики: Николай Борисов, Сергей Сергеев, ткач Порфиша. От них мы узнали про существование РСДРП, о ее программе борьбы против царя и буржуазии за освобождение рабочего класса...»

Это сейчас никакая, даже самая экзотическая политическая программа не производит на публику особого впечатления. А тогда подобный манифест был блюдом неслыханно новым, сводящим голодного пролетария с ума красивым видом и пикантным запахом немыслимой вольности.

«...В 1912 году в одну из рабочих ночных смен начальник ткацкого цеха И.В. Борисов собрал нас, ткачей быстроходных станков, а потом появилась группа жандармов и стала

* Катупка для намотки ниток в ткацких станках.

В буржуазно-демократической революции 1905—1907 гг. участвовали все рабочие и крестьяне Урала. В городах и на заводах создавались Советы рабочих депутатов.

Уральский комитет РСДРП начал издавать «Крестьянскую газету» и «Уральский рабочий» (1907).

Храм в Арамили

нас обыскивать. И обнаружила у Григория Костромина ключ, который подходил к счетчикам станков, показывающим выработку.

Нас всех немедленно уволили с работы, и началось следствие. А потом — суд, на котором председательствовал царский чиновник с цепью на шее и бляхой на груди. И когда на суде было доказано, что ключ, найденный у Григория, отпирает замок его домашней шкатулки, судья нас оправдал и велел восстановить на работе...»

И тут напрашивается масса интересных, порой почти детективных нюансов. Первая мысль: вот так видный арамилский большевик, сам того, скорей всего, не желая, засвидетельствовал для потомков, что в царском правосудии встречались глубоко порядочные люди, пусть и с цепями на шеях. Вторая мысль: неужели так-таки не пользовались ткачи Гришиным ключиком для своих надобностей, ведь их потомки, правда водители грузовиков и автобусов, по сей день накручивают счетчики спидометров, чтобы побольше бензина списать?..

«...А в 1914 году началась война. Фабричная администрация, воспользовавшись ситуацией, политически неблагонадежных работников отправила в действующую армию, тем самым ослабив процесс революционного движения в Арамили. На фабрике остались в основном женщины и подростки.

Весной 1915-го и меня, девятнадцатилетнего, призвали в армию...»

Об участии в военных действиях Максим Васильевич Горбачев в своих собственноручных воспоминаниях ничего не пишет, лишь приводит общеизвестные, идеологизи-

рованные сведения об окопной жизни, жестокости офицеров, несправедности войны, нарождающемся пролетарском интернационализме.

«...Почувяв нарастание революционного движения, Злоказов со своей семьей еще до Февральской революции покинул Урал, оставив управляющим на фабрике Д. Л. Ананьина, который, доставив рабочим немало обид, в первую же ночь Февральской революции уехал в Екатеринбург, передав управление П. А. Попову.

С февраля по октябрь 1917 года на фабрике шла борьба большевиков с меньшевиками и эсерами за умы и сердца пролетариев. Разумеется, большевики одержали блестящую победу. И в конце 1917 года на злоказовской суконной фабрике организуется ячейка РСДРП(б). Избирается первый революционный совет рабочих. В него вошел и я.

Осенью 1917 года при ревсовете был создан отряд Красной гвардии из пятидесяти семи человек, и мне было поручено командовать отрядом. Вначале мы несли службу по охране предприятия от возможных диверсантов, боролись с самогонварением, пьянством и хулиганством, а кроме того, реквизировали излишки хлеба у местного кулачества и духовенства...»

Интересно, вспоминал ли начинающий экспроприатор экспроприаторов царского судью, некогда оправдавшего его в полном соответствии с духом и буквой закона?..

«...Когда в мае восемнадцатого в Челябинске подняли мятеж белочехи, армильский отряд по заданию губвоенкомата выступил в направлении Ревды для участия в создании

Всероссийское совещание рабочих и крестьянских депутатов в Петрограде приняло решение об образовании в стране 13 областей, в том числе Уральской (1917).

Ремонт плотины у Армильской суконной фабрики

В Екатеринбурге состоялась Уральская областная конференция профсоюзов (1917).

III Уральский съезд Советов объявил Екатеринбург - центром Урала (1918).

Вышел первый номер журнала «Юный пролетарий Урала» (1918).

П.Г. Киселес.
«Товарищи, все на Урал!» (1919)

зоны безопасности вокруг Екатеринбурга. Мы влились в первый уральский батальон особого назначения, который позже был переименован в стрелковый полк.

В связи с приближением фронта к Екатеринбургу в городе оживились контрреволюционные силы. И тогда облсовет вынес решение о расстреле царской семьи. В ночь расстрела наш батальон был главной заставой у дома Ипатьева...

Между прочим, как следует из мемуаров, Максим Горбачев был лично знаком с печально знаменитым Юровским. И значит, вполне мог оказаться не в оцеплении дома, а внутри него...

«...В день падения Екатеринбурга рабочие Арамильской суконной фабрики, создав отряд численностью до двухсот человек, присоединились к отступающим рабочим Сысертского завода и отряду красногвардейцев Жебенева. Таким образом, составилась рабоче-крестьянский полк 29-й дивизии восточного фронта.

А потом в Арамиле пришли белые, которых местное кулачество и духовенство встретили ликованием. В отношении родственников красногвардейцев незамедлительно начались репрессии.

Следственную комиссию белых возглавил один из служащих фабрики, немец по национальности, Александр Иванович Парфенович. Но когда комиссия под давлением военных чинов постановила расстрелять некоторых родствен-

ников красногвардейцев, тот же Парфенович по секрету сообщил об этом дочери сторожа конторы, чтобы та предупредила приговоренных...

А вообще-то, по-моему, понятно, почему воспоминания арамильского «товарища Максима» не нашли своего издателя во времена Советской власти. Излишне добросовестным мемуаристом был Максим Васильевич Горбачев, светлая ему память.

К пятидесятилетию советской власти в центре Арамили возле бездей-

ствовавшего храма на деньги простых арамильцев был вздвигнутobelisk с фамилиями людей, расстрелянных контрразведкой Верховного правителя Колчака. А потом поползли слухи, будто люди, увековеченные на мраморе, никакие не красногвардейцы, а дезертиры. Однако теперь, когда многое переосмыслено, это уже не имеет никакого значения. Ибо подлость гражданской войны в том и состоит, что один и тот же человек, при взгляде с разных сторон, может с равным успехом считаться как героем, так и предателем...

«...За годы войн и революций фабрика, работавшая без ремонта и хозяйского догляда, пришла в полный упадок. Люди голодали, механизмы и оборудование постоянно выходили из строя, свирепствовал тиф. Но тут стали возвращаться с войны демобилизованные красноармейцы, кадровые рабочие фабрики. Были укреплены руководство, а также партийная и профсоюзная организации.

К счастью, у многих рабочих были огороды и кой-какое хозяйство, в дополнение к этому решено было создать фабричную продовольственную базу, организовав общественный фабричный огород, обеспечив его семенами, надлежащей охраной и пр. Осенью двадцать первого года наши огороды дали хороший урожай, и голод отступил. Заодно — и эпидемия.

Резко улучшились и производственные дела на фабрике. Специально созданные ремонтные бригады не только восстановили технологическое оборудование в цехах, но даже приспособили к делу то, что давным-давно привез бывший хозяин с других фабрик, свалил в кучу на фабричном дворе и оставил ржаветь на долгие годы...»

Это точно — ржавому утилю бывший хозяин предпочитал новейшее импортное оборудование.

«...К 1923 году фабрика по выпуску продукции вышла на довоенный уровень...»

Арамильская же суконная фабрика, почему-то названная после революции именем русского полководца Кутузова (может, оттого, что Кутузов носил-таки шинель?), изначально имея все шансы сделаться «градообразующим» предприятием, таковым не стала. Вот если бы она была железоделательным заводом...

Создана Полномочная Уральская комиссия ВСНХ, на которую возлагалось восстановление народного хозяйства Урала (1919).

В 1920–1921 годах объем промышленного производства на Урале составлял 12 процентов от довоенного.

Тем не менее в послереволюционные годы фабрика, долгое время выпускавшая лишь серошинельное сукно, начинает выпускать и сугубо штатские ткани. Россия, по сути, раздета, ей не до нюансов — страна рада любой тряпке, поэтому текстильной промышленности не к чему особо стремиться. Любая ее продукция обречена на успех. И первые штатские ткани не особо отличаются от военных — они грубы, страшно колются, их расцветки безрадостны, колер преобладает черный, поскольку в черный цвет можно покрасить и тогда, когда более радостный по какой-либо причине не удался.

В 1925 — 1926 годах численность работающих на предприятии превысила 1300 человек, выпуск тканей перевалил за миллион метров в год. В это время Первая уральская фабрика имени Кутузова — единственная на Урале и в Сибири, одна из крупнейших в стране. Правда, о работе на экспорт речь больше никогда не будет идти, наоборот, вплоть до самого банкротства будет иметь место снижение качества продукции.

К началу сороковых годов на фабрике трудится около 1700 человек, производится около полутора миллионов метров тканей в год.

Между тем во времена нэпа и позже в Арамили возникают различные промартели, появляются два кирпичных и одновременно гончарных заводика, продолжает развиваться мукомольное производство. Начало коллективизации отмечается созданием «машинного товарищества», которое вскоре преобразуется в МТС.

Образование, само собой, тоже не стоит на месте. В первую очередь — профессионально-техническое. Так, почти сразу после гражданской войны при суконной фабрике открывается школа ФЗУ, первыми учащимися которой становятся детдомовцы, а также молодежь из Арамили и окрестных деревень. Программа, рассчитанная на три года, весьма основательна: русский язык, математика, физика, химия, немецкий язык, география, биология, техническое рисование, политграмота. И разумеется, — производственное обучение с практикой в учебных мастерских, а также в цехах предприятия.

Не стоит на месте и общее образование, правда, до строительства новых зданий дело доходит не скоро. Однако хватает пока экспроприированных особняков, кроме того, от

упраздненного земства осталась и функционирует довольно просторная «красная» школа. «Красная» — потому что из красного кирпича.

Эта школа, задуманная земством как начальная, в 1925 году преобразуется в семилетнюю, в 1930-м — в фабрично-заводскую семилетку. К тому времени школе отданы еще два здания, довольно далеко отстоящие друг от друга...

Лишь в 1937 году строится наконец-то первая средняя школа. Это большое одноэтажное деревянное строение на южной оконечности Арамили — первый вклад новой власти в просвещение арамилцев. Следующий — только через двадцать лет...

Что же касается вездесущего ликбеза, изб-читален и прочих инициатив молодой, энергичной власти, то ни одна из них не миновала Арамиль...

А вот с коллективизацией в Арамильском районе, бывшей волости, поначалу дела шли не особо гладко. Впрочем, где они шли особо гладко?..

Газета «Уральский рабочий» в феврале 1930 года даже опубликовала по этому поводу заметку со зловещим заголовком: «Под пятой кулака».

В 1930 году на пленуме РК ВКП(б) секретарь райкома Ершова докладывала: «В районе 14 сельских советов, 98 населенных пунктов, 11 тысяч рабочих, 25 тысяч крестьян и 845 кустарей. Из колхозов начался отсев, посевная под угрозой. В колхозах не хватает лошадей, семян, инвентаря...» И взялись арамильские активисты за дело, как подобает большевикам. Для кого-то это обернулось пресловутыми оргвыводами, раскулачиванием, высылкой, для кого-то и еще большей бедой. Успех обеспечили, разумеется, не репрессии, а еще только разгоравшийся и не опошленный чиновными махинациями энтузиазм трудовых масс. Рабочие про-

В Свердловске началось проектирование металлургического предприятия у горы Магнитной — Магнитогорского (1925).

Уралмаш выпустил первый экскаватор с трехкубовым ковшем (1934).

Школа № 1

На базе отраслевых технических вузов Свердловска основан Уральский индустриальный институт (1934).

Закончена электрификация железнодорожной линии Свердловск-Кизел (1937), в то время самой длинной в мире (500 км).

мышленных предприятий, молодежь, умело сориентированная на созидание, не только подхватили рожденные в недрах кабинетов почины и лозунги, но и напридумывали своих, сделали их реальной производительной силой. И призыв партии: «Все на посевную!» — был успешно реализован.

А дальше коллективизация покатила по проложенной колее, подбадриваемая помимо прочего многочисленными льготами колхозам и не менее многочисленными утеснениями единоличников.

В итоге на территории Арамильского района образовалось семнадцать колхозов, два из которых находились в Арамили — «Красная Звезда» и «Верный путь к социализму».

Пятого ноября 1934 года президиум Свердловского облисполкома постановил наградить знаком «Ударник сталинского похода» директора арамильской МТС т. Зуева, начальника политотдела МТС т. Калашникова, председателя сельского Совета т. Бодрова.

Время медалей, орденов и Золотых звезд, выдаваемых по разнарядке с учетом пола, социального происхождения, партийности и, самое главное, лояльности, еще было впереди...

Как ни крути, а тридцатые годы XX века уникальны не только для российской истории, но и для мировой. И отнюдь не одними репрессиями. А замечательны тридцатые годы в России своим непостижимым для современного российского человека, для нероссийского — тем более, фантастическим энтузиазмом.

Вот только эксплуатировали этот энтузиазм не по-хозяйски, а по-варварски, думая, возможно, что напили неисчерпаемую золотую жилу. А жила незаметно иссякла, сошла на нет, золото превратилось в нечто совершенно непотребное, и нет никакой надежды на повторение чуда в будущем.

Еще задолго до рекордов Алексея Стаханова в стране развернулось соревнование за повышение производительности труда и снижение себестоимости продукции. В Арамили первыми подхватили почин, разумеется, фабричные, появились бригады ДП (*Догнать и перегнать*), возникло движение многостаночников, появились и местные знаменитости.

Конечно, начальство умелой рукой нередко инспирировало трудовой азарт, но до создания у всех на глазах идеальных условий для будущего чемпиона за счет остальных рабочих дело дошло не враз, а исподволь, постепенно. Поэтому такой пропасти между фабричными стахановцами и середняками, какая была между Алексеем Стахановым и рядо-

выми шахтерами, не возникало. Благодаря чему всякий соревнующийся мог, по крайней мере, тешить себя иллюзией, что ему тоже по плечу рекорд.

Хотя, конечно, чистота эксперимента соблюдалась недолго, очень скоро все снизу доверху поняли что к чему и стали действовать сообразно обстановке. Не это ли очередное проявление массового лицемерия привело большевиков, а с ними и весь народ к катастрофе?..

Но в благословенные тридцатые — для многих действительно благословенные — трудовой энтузиазм еще был юн, свеж, доверчив, румян лицом и крепок мускулами, а фабричный профком еще способен придумывать такие вот постановления: «Всех стахановок возить на работу и с работы на лошадях».

И, закрыв глаза, так легко представить: вот они едут на виду у всей Арамили, молодые, гордые и счастливые, они красивые и много зарабатывают. Едут неторопливо, болтают ногами и поют во все горло что-нибудь навроде: «Вперед, вперед, веселые подружки!..»

В 1936-м (только в тридцать шестом!) приходит на фабрику электричество из Екатеринбурга, до того — лишь слабый, вечно ломавшийся движок. Электричество приходит в некоторые дома, но до полной электрификации еще далеко.

А еще в тридцатые годы в Арамиле создается школа пилотов Осоавиахима. Под аэродром отводят обширный участок чернозема близ села Патруши, первые курсанты живут на частных квартирах и занимаются теорией в одном из арамильских особняков, одновременно идет строительство учебных и служебных зданий как на самом аэродроме, так и вокруг. Обучение сначала идет на машинах У-1, потом их заменяют более совершенными поликарповскими самолетами У-2 (ПО-2).

Средства для строительства и подготовки летчиков

Уральский вагоностроительный завод в Нижнем Тагиле выпустил первые полувагоны (1935).

Введена в строй первая очередь Среднеуральской ГРЭС вблизи Свердловска (1936).

В. Синайский.
Осоавиахимовец.
1932. Бронза

Коллектив Арамилской больницы, 1940 г. Третий слева в первом ряду – хирург С.Ф. Дюков (погиб в годы войны)

В Свердловской области по примеру Паши Ангелиной развернулось движение девушек за овладение специальностью трактористок, механизаторов, слесарей (1938).

школа получала не только от своего Осоавиахима, но и в виде пожертвований окрестных предприятий. Разумеется, арамилская суконная фабрика, а вслед за ней и мелкие артели пимокатов да галантерейщиков не остаются в стороне от очередного почина.

В декабре 1933 года школа преобразуется в Свердловский аэроклуб Осоавиахима. Окончив аэроклуб, молодые летчики продолжают учебу в Центральной школе Осоавиахима, по окончании которой получают квалификацию летчика-инструктора и учат летать других в Челябинске, Перми, Серове, Нижнем Тагиле...

Чем был этот аэроклуб, эти молодые летуны для арамилцев? Да, пожалуй, свидетельством причастности всех и каждого к настоящей, кипучей жизни. Ну, разве могло быть захолустьем то место, где учат людей летать?!

Одиннадцать бывших курсантов аэроклуба в годы Великой Отечественной войны стали героями Советского Союза. А Григорий Андреевич Речкалов, бывший электрик Арамилского мельзавода № 4, закончил войну дважды героем, сбив шестьдесят один немецкий самолет.

Уже перед самой войной получила Арамил от советской власти еще один значительный подарок — двухэтажную кирпичную больницу, переделанную из бывшей казармы кавалерийского полка.

Шинели для фронта

Война, ставшая для арамильцев, как и для всего народа, долгим мучительным испытанием, была еще и очередным шансом для самой Арамили сделаться-таки настоящим городом или хотя бы окраиной другого города. Потому что с первых месяцев войны появилось на Урале, а следовательно, и в Арамили великое множество беженцев, среди которых нередко попадались люди выдающиеся, но главное — потянулись на Урал малые и большие предприятия, которые успевали эвакуировать. Так, в Нижнеисетск был эвакуирован завод «Большевик», ставший потом Уралхиммашем. Почему бы ему не обосноваться в Арамили?..

Впрочем, свою долю, пусть и не столь весомую, Арамиль получила. К концу 1941 года арамильцы приступили к монтажу привезенного с Украины оборудования. Завод, которого еще не было, уже имел номер — 508. И должен был выпускать самую что ни на есть военную продукцию — порох.

Но строить заводские корпуса времени не было. И не хватало всего, чего только могло не хватать: листовой стали и листового свинца, емкостей, строительных материалов, квалифицированных кадров, транспорта, жилья для приехавших вместе с заводом. Да и оборудование доходило до Урала в основном некомплектным — грузили-то его впопыхах.

К 1943 году численность арамильского населения достигла 19 тысяч человек.

Помимо монтажа оборудования завода № 508 в освобожденных для этого «номерах» бывшей злоказовской фабрики и фабричного клуба сразу потребовалось строительство линии электропередачи со стороны Нижнеисетска, железнодорожной ветки.

Арамильские предприятия, колхозы, школы, учреждения получили особые задания по прокладке полотна железной дороги. Люди работали вручную при катастрофической нехватке транспорта, ведь все немногочисленные грузовики и значительная часть лошадей были мобилизованы на фронт. И все работы велись без оплаты, даже без дополнительного хлебного пайка.

А впрочем, ничего сверхординарного в Арамили не происходило. Невероятное и абсолютно непостижимое для остального человечества да и для нынешней России происходило по всей необъятной, тяжело раненной стране. И, разумеется, этот всеобщий порыв молодого советского наро-

Состоялся первый в мире полет реактивного самолета с аэродрома под Свердловском. Его пилотировал летчик-испытатель Г.С. Бахчиванджи (1942).

Бригада М. Попова на Уралмаше выступила инициатором движения фронтовых бригад (1941).

Вступил в строй Уралхиммашзавод (1942).

Г.А. Речкалов

Фронт получил от молодежи Свердловской области 3-ю танковую колонну «Свердловский комсомолец» (1943).

Трудящиеся торжественно проводили на фронт Уральский добровольческий танковый корпус (1943).

Эвакуированный в Арамль из Киева завод искусственного волокна и Арамльская суконная фабрика четыре года войны выпускали для фронта армейские шинели.

да, а правильной — надрыв, не мог не сказаться потом, в преклонном возрасте, на самочувствии того же самого советского народа, из которого проклятая эпоха выжала все и даже больше, словно и впрямь не собиралась длиться так долго, как обещали ее преданные пропагандисты...

Между тем фабричные рабочие, помогая рождению нового предприятия, от своих прямых обязанностей по производству шинельного сукна, разумеется, ни в коей мере не освобождались. Производство, котельная требовали огромного количества топлива (дрова и торф), которое заготавливали и возили, возили и заготавливали круглые сутки. Торф добывали на «сулимовском» торфянике, прессовали его в брикеты и сушили там же, дрова приходилось рубить еще дальше. Однако, когда совсем уж не хватало сил, рубили и ближе — последние окрест сосны валили...

А еще в свободное время (какое еще свободное! — изумится современный российский гражданин) из отходов фабричного производства вязали для солдат-фронтовиков носки, варежки, шарфики, слушали сводки информбюро, посылали на фронт посылки и письма.

В 1942 году было выпущено 1 664 300 метров шинельного сукна. В 1943-м — 3 698 444. За этими да и другими цифрами — бесконечный список героических имен, если бы его привести полностью, он занял бы все пространство очерка. А если не весь список привести, то получится еще большая несправедливость.

За ударный труд во время войны выдавались очень щедрые денежные премии, вообще платили изрядно, но это была такая довольно нехитрая игра — основная сумма денег уходила на займы, на танковую колонну, на эскадрилью. Конечно, выдавались красочные облигации, которые вряд ли кто-то всерьез рассчитывал когда-либо обменять на что-то более осязаемое. Но были и другие премии. Например, талоны в столовую. А еще в военные годы работникам фабрики ежегодно выделялось: 300 пар ботинок, 300 штук пальто, отрезы сукна (серошинельного, разумеется), валенки (изготовленные сверх плана арамильской артелью), 50 литров вина (пищекombинатовской бражки), 20 килограммов соли и 40 кусков хозяйственного мыла...

И конечно же, были законы военного времени. Впрочем, указы и постановления мирного времени тоже ведь абстрактным гуманизмом не страдали...

Между тем в середине августа 1943 года дал первую

продукцию завод № 508. Первый арамильский порох. К этому времени на заводе успело смениться около десятка директоров. То есть примерно столько человек поплатилось карьерой, а то и головой за недостаточно энергичное руководство...

Арамиль в городском наряде

После войны численность населения в Арамили уже не вернулась в прежние рамки.

В 1949-м, как известно, перепись не проводилась, но местный учет, конечно, велся. Цифры называются разные, и наиболее близкой к действительности представляется цифра 9. Девять тысяч человек. То есть выходит, что арамильцы как бы и не гибли на фронте, не умирали от голода и от болезней. Но это ощущение, разумеется, ложное. И гибли, и умирали не меньше других. Но многие, эвакуировавшиеся сюда вместе с заводом, не решились после войны вернуться к своим пепелищам...

Если по переписи 1939 года в Арамили было 7,4 тысячи человек, то в 1959-м — 11,5.

После войны арамильцы, как и весь народ, восстанавливали порушенное войной хозяйство. И хотя Арамиль не знала ни артобстрелов, ни бомбежек, работа всего и всех на износ, на разрыв, на излом тоже была чем-то навроде бомбежки.

Арамильская промышленность была изнурена, изношена до последней степени, сельское хозяйство истощено, измотано. Все рушилось на глазах, требовало безотлагательного ремонта или немедленного сноса, чтобы начать с нуля на чистом месте. Но кто бы позволил такую роскошь, ведь плана Маршалла для России никто не предусматривал. Да она бы и не приняла никакого такого плана. Она больше рассчитывала на германский металлолом, который полагался ей в качестве контрибуции. Он, этот металлолом, все еще функционирует на российских предприятиях в виде станков, причем не на захудалых, а на довольно приличных по нашим меркам. Например, на Уралхиммаше.

В общем, давно отработавшим ресурс станкам и механизмам пришлось еще долго трудиться. Как и отработавшим ресурс людям. Людям, возможно, было даже и легче, поскольку сама природа позаботилась о них, наделив способностью, почти умирая вечером, утром, как ни в чем не бывало, возрождаться вновь...

Трудящиеся трех областей – Свердловской, Пермской и Челябинской – заключили договор о социальном сотрудничестве (1946).

Улица Рабочая,
до благоустройства

В 1956 году в результате очередной реорганизации Арамилский район ликвидируется, арамилцы без всяких признаков ликования, впрочем и не особо огорчаясь, становятся гражданами Сысертского района. Сысерть в те годы ничуть не лучше, не благоустроенней Арамили, но там за годы войны здорово вырос завод, всю войну штамповавший мины, а потом перепрофилированный в Уралгидромаш.

В Арамили же такого предприятия нет и не будет, кроме того, Арамил слишком близка к Екатеринбургу и как район явно нарушает гармонию административной карты области.

Вообще-то, как представляется, Арамил статусом районцентра никогда особо не кичилась. Она всегда больше к Екатеринбургу тяготела и стать его пригородом не возражала. Арамилцы и до реорганизации, и после куда чаще ездили в Екатеринбург за культурой и колбасой, учиться и работать. А поездки в Сысерть за всевозможными справками да в военкомат и в автоинспекцию казались бессмысленной неизбежностью.

Однако решение властей арамилцы восприняли философски, то есть как саму судьбу. Это, кстати, старая российская традиция, которая стала давать видимые трещины лишь в последние годы. А тогда, в 1956-м, она была прочна, как монолит, хотя уже начинался период, названный позже «оттепелью».

«Оттепель» в Арамили ознаменовалась тем, что власть, словно бы проснувшись и спохватившись, решила, что купеческих особняков и хижин образца XVIII века для такого рабочего поселка, как Арамил, явно недостаточно. И началось такое бурное строительство, какого арамилская история еще не знала. И суконная фабрика, и завод искусствен-

ного волокна — бывший 508-й — начинают строить жилье, детские учреждения, как школьные, так и дошкольные. Архитектура явно не арамильская — что-то в ней проглядывает готическое. Ну, по меньшей мере, — бюргерское. Едва-едва, но проглядывает. И естественно, ведь строят в основном немцы. И пленные, и наши российские, уже реабилитированные. Правда, их поволжскую республику никто восстанавливать не думает.

Очень скоро завод искусственного волокна, на котором никогда больше шестисот человек не работало, то есть, по российским меркам, так себе заводик, выходит вперед. Фабрика еще лепит двухэтажные домишки, а завод уже забирается выше — три, четыре этажа. Готика разом исчезает, уступая место отечественной архитектуре, получившей в народе ласково-ироническое имя «хрущоба». При взгляде издали левобережье Исети уже начинает напоминать настоящий город.

Когда фабрика почти перестает получать деньги на строительство жилья (легкая промышленность), на заводе появляется очередной новый директор Владимир Леонтьевич Фещенко, слава о котором навсегда останется в сердцах арамильцев. Потому что этот директор, видимо, умел дружить с министерскими начальниками, к тому же отрасль у него была химическая, находившаяся тогда на взлете...

Словом, при Фещенко было воздвигнуто несколько пятиэтажек, а также весьма солидный, как две капли воды похожий на районный Дворец культуры.

Дворец выстроили с такой перспективой, что полноценной культурной жизнью, какую позволяют площади и объе-

В 1950 г. по общей численности рабочего класса Урал занимал второе место в РСФСР (после Центрального района).

Ледорез у плотин
около первого
здания фабрики
купца Ушкова

Арамилский
завод пластмасс

— видные деятели культуры живут в других местах.

Однако этот дворец, бесспорно, украшает Арамиль. Вот только директор Фщенко в Арамили пожил мало — на повышение пошел. Зато его репутация уже не может пострадать.

Еще в 1958 году был построен Дом культуры в историческом центре города. Но едва появился заводской очаг культуры, в прежний сразу перебралась местная администрация и осталась там навсегда.

Появился в Арамили кинотеатр (первый и, похоже, последний, ибо закрылся в начале девяностых). Старейшая школа, открытая еще в эпоху земства, также становится наконец средней, обретя достаточно просторное здание.

В 1966 году Арамиль получает-таки статус города, правда, районного подчинения. Вне всякого сомнения, местная власть добивалась такого решения не один год, но в те годы бюрократия отличалась от нынешней невероятной скромностью, поэтому причудливый путь прохождения бумаг из заштатной Арамили в саму белокаменную и обратно остался, увы, неизвестным для потомков. Чего не скажешь про другую административно-территориальную эпопею, о которой — несколько ниже.

А пока надо еще добавить, что в 60–70 годах XX века в Арамили появляется несколько мелких предприятий для обслуживания сельского хозяйства района. Соответственно и названия предприятий звучат похоже, начинаясь с приставки «сельхоз», которая по прошествии времени меняется на «агро».

В Свердловске завершено строительство Центрального стадиона (1957).

Дом культуры

Арамильские
новостройки

Некоторые екатеринбургские предприятия открывают в Арамили свои цеха. Обосновывается в Арамили и аэропорт местных авиалиний, сохраняя, впрочем, привычное по прежнему месту расположения название «Уктусский».

Еще в 1968 году на арамильском пруду начал работать земснаряд с целью очистить ложе пруда от илистых отложений. Где там! Толщина ила местами достигает пяти метров. Целое месторождение всевозможных полезных ископаемых, чтобы далекие потомки не говорили, будто предки им ничего хорошего не оставили. И земснаряд исчезает так же внезапно, как появился.

Наконец — последний ценный подарок арамильцам от советской власти: в 1975—1980 годах неподалеку от города строится нитка газопровода, и маленький газовый ручеек достается Арамили. В квартирах работников завода Урал-полимерконтейнер (все тот же 508-й) появляется природный газ, а заодно и горячая вода.

Теперь уже мелкие предприятия правдами-неправдами, то есть «хозспособом», строят жилье для своих работников, возводятся в Арамили первые коттеджи, газ проводится даже в строения XVIII века...

Референдум

Вместе со всей страной и без единого митинга Арамиль плавно переходит к демократии и свободному рынку: предприятия попадают в собственность директоров, директора сразу зачем-то присваивают себе титулы «генеральных», строят красивые особняки, а глядя на них, и остальное население, у кого хватает смелости, затевает индивидуальное стро-

ОАО «Арамильский завод пластмасс» обзавелся импортной технологической линией по выпуску полипропиленового рукава. В ее составе 12 крутловальных станков и экструзионная установка, производящая особо прочные мешки для упаковки цемента, зерновых, сахара, муки, удобрений (2000).

По газопроводу Бухара—Урал в Свердловск пришел природный газ. Первым его получил старейший на Урале Верхисетский завод (1964).

Подписан Договор о разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Свердловской области (1996).

ительство, верующие начинают ремонтировать храм, правда, не слишком успешно; промышленность города стремительно приходит в упадок, не остается ни одной общественной бани, хотя в иные времена было аж две. Строительство приличной больницы, которое еще лет двадцать тому назад казалось неизбежным, теперь таковым не кажется.

За время, прошедшее со дня вхождения Арамили в состав Сысертского района, Сысерт стала настоящим городом, Арамил же, в значительной степени, — лишь номинально.

И когда в середине 90-х арамилцы избрали очередного председателя горисполкома, он оказался последним. Потому что в 1996 году местное руководство добилося разрешения провести референдум, и арамилцы чуть ли не единогласно высказались за отделение от сысертской метрополии. Хотя та очень сопротивлялась. Но обиды на Сысерт, как имеющие под собой почву, так и мнимые, были слишком велики.

С тех пор и существует муниципальное образование «Город Арамил» с несущественными окрестностями.

И это всё о ней...

Вот, собственно, и всё об Арамили, забавно-трогательной матери уральских городов, забывших свою мать, а если не забывших, то словно бы стесняющихся малокультурной, плохо одетой, частенько не вполне трезвой мамы. Зря они так-то — сами небось тоже в аристократы не вышли...

Разумеется, о новейшей истории можно было рассказать подробнее, но, во-первых, размеры очерка поджимают; во-вторых, — большое видится на расстоянии, так что предоставим современные подробности оценить потомкам.

Кроме того, может быть, вот сейчас, сию минуту, родился в Арамили первый, по-настоящему великий гражданин, будущая гордость не только Арамили, но и всей России, должен же он когда-нибудь родиться.

И, возможно, будущие поколения при слове «Арамил» будут сперва наморщивать лбы, а потом восклицать радостно: «Как же, как же, конечно, знаем! Арамил — это город, в котором родился великий...»

Фамилию пока не знает никто. Но пусть это будет, к примеру, Дербышев. Или — Гилев. Да и Банных — тоже годится.

В конце концов, история должна быть историей людей. А уж потом — муниципалитетов, заводов, геологических эпох.

Из лучшего сукна фирмы «Артекс» («Арамилский текстиль») были сшиты утепленные куртки для моряков экипажа подводной лодки «Верхотурье» — подшефных Свердловской области (2001).

В заключение автор считает своим долгом добавить, что при работе над очерком он использовал изыскания арамилевского краеведа Клары Михайловны Квачевой, а также книги Н.К. Чупина — «Географический и статистический словарь Пермской губернии», М.А. Горловского — «Города Урала в первой половине XIX века», Г.А. Кулагинной — «История родного края».

И еще автор считает необходимым добавить, что на полноту и точность данного очерка отнюдь не претендует, но еще меньше претендует на объективность своих оценок тех или иных фактов и моментов истории.

Напротив, некоторые комментарии автора заведомо полемичны, поскольку автор убежден — объективное может родиться лишь в результате взаимодействия многих субъективных.

Хроника Арамили

- 1675 – основана Арамилская слобода.
- 1680 – арамилские крестьяне плавят железо и торгуют им в Верхотурье.
- 1707 – Арамилская слобода включает 24 населенных пункта.
- 1707–1725 – на землях Арамилской слободы основаны Елизаветинский, Верх-исетский, Екатеринбургский и Сысертский заводы.
- 1838 – заложен первый каменный Свято-Троицкий храм.
- 1840 – купец Михаил Ушков построил железоделательный завод, который вскоре переоборудуется на производство платков и шалей.
- 1857 – на предприятии М. Ушкова выпущено первое сукно.
- 1860 – перепись насчитывала в Арамили 1881 жителей (взрослых).
- 1886 – в этом году в Арамили 2325 жителей (взрослых).
- 1882 – в Арамили вспыхнула эпидемия оспы.
- 1883 – открылось первое питейное заведение.
- 1886 – открыт дом трезвости.
- 1887 – суконная фабрика братьев Ушковых (наследников) награждена золотой медалью за суконные изделия на выставке во Франции.
 - торговый дом и фабрика Ушковых объявлены несостоятельными.
 - появился первый медпункт.
- 1892 – случилась эпидемия сыпного тифа.
- 1895 – арамилскую фабрику купили братья Злоказовы.
- 1909 – в Арамили насчитывалось 3209 жителей (взрослых).
- 1917 – создан первый революционный совет на фабрике.
 - фабрика национализирована и называлась Первой уральской суконной фабрикой.
- 1918 (январь) – установление советской власти в Арамили.
- 1918 (июль) – в Арамил вошли белочехи.
- 1919 (июль) – восстановлена советская власть.
- 1921 – население Арамили составило 1062 человека.
 - фабрике присвоено имя М.И. Кутузова.
- 1926 – появились первые телефоны на суконной фабрике.
 - Демьян Бедный и Павел Бажов встретились с читателями в народном доме (дом трезвости).
- 1929 – возник первый сельхозкооператив.
 - население Арамили насчитывало 5107 человек.
- 1931 – созданы МТС и школа пилотов.
- 1932 – Арамил включена в состав Свердловска.
- 1933 – на базе школы пилотов создан аэроклуб.
- 1936 – началась электрификация Арамили.
- 1938 – создан Арамилский район.
- 1939 – население Арамили составило 7400 человек.
- 1941 – прибыло первое эвакуированное из Киева оборудование завода искусственного волокна.

- 1942 – в районе функционировало 14 колхозов, два из них – в Арамили.
- 1943 – завод № 508 дал первую взрывчатку.
– население Арамили составило 19 тысяч человек.
- 1945 – суконная фабрика награждена Красным знаменем ВЦСПС за поставки фронту.
- 1956 – Арамильский район вошел в состав Сысертского района.
- 1957 – завод искусственного волокна (бывший 508-й) начал строить двухэтажные благоустроенные дома для работников.
- 1958 – суконная фабрика переоборудована для выпуска легкого сукна.
- 1959 – население Арамили составило 11,5 тысячи человек.
- 1966 – Арамиль получил статус города.
- 1975 – начата газификация Арамили.
- 1978 – проведена очередная реконструкция и реорганизация бывшего 508-го завода. Сперва – в арамильский завод Полимерконтейнер, через несколько месяцев – в завод пластмасс. Новая продукция – так называемое нетканое полотно и изделия из него.
- 1998 – построен и пущен завод Мраморгаз по обработке камня.
- 1999 – пущен завод автофургонов.
– начато строительство горбольницы.

Алексей КОЖЕВНИКОВ

ГОРОД ДАННЫХ МАСТЕРА

И.И. Бажов
на Думной горе

Визитная карточка

Алексей Кожеников, краевед, литератор; директор музея Северского трубного завода. Автор книги «О Полевском и полевчанах» и многих историко-краеведческих очерков в уральской периодике. Живет в Полевском.

Полевской раскинулся в верховьях реки Чусовой, в 51 километре к юго-западу от Екатеринбурга и в 10 — от железной дороги Екатеринбург—Челябинск. Связывает его с областным центром и автострада.

Площадь муниципального образования «Город Полевской» составляет 1551,7 квадратного километра, а население с административно-территориальными пунктами, ему подчиненными, — более 80 тысяч человек.

Занимая среднюю часть Уральского хребта и находясь на водоразделе, Полевской имеет горный рельеф и резко континентальный климат.

Многочисленные реки и речки окрестностей Полевского, из которых часть течет в Европу, а другая — в Азию, мелководны и несудоходны, но образуют ряд связанных между собой прудов — источников водоснабжения, а в прошлом — и силовой энергии.

Город — признанный центр уральской металлургии. Его окрестности богаты полезными ископаемыми.

История Полевского неразрывно связана с именами выдающихся горных деятелей нашего Отечества: В.И. де Геннина, В.Н. Татищева, К.Д. Фролова, Н.Г. Клеопина, К.А. Гордеева, И.И. Сусорова, Л.С. Злобина, Л.П. Граматчикова, рудознатцев К. Сулеева и двух поколений Бабинных, стоявших у его истоков.

Свое название город получил от имени реки Полевой, на берегах которой в 1702–1710 годах были обнаружены медные и железные руды. Годом рождения города считается 1718-й, когда знаменитый Гумешевский рудник был принят в заведывание казны и началась его интенсивная разработка.

В 1724–1727 годах на берегу реки Полевой был построен Полевской медеплавильный завод, вокруг которого стали множиться «обывательские дома» — родоначальники будущего города.

6 апреля 1735 года канцелярия Главного заводов правления в Екатеринбурге издала указ об обязательном клеймении изделий из железа и меди на всех горных предприятиях Урала. Известны собственноручные эскизы В.Н. Татищева с изображением первых клейм 17 уральских казенных заводов, в том числе и Полевского медеплавильного. Для него Татищев выбрал средневековый алхимический символ меди — знак Венеры. Свое клеймо появилось потом и у Северского железоделательного завода: созвучие «северский» и «север» дало повод избрать эмблемой указывающую на север Полярную восьмиконечную звезду.

На предприятиях Сысертского горного округа, купленных А.Ф. Турчаниновым, с конца XVIII века продукцию клеймили единым изображением — цапли.

В 1997 году Государственная герольдия утвердила герб муниципального образования «Город Полевской». В центре щита — зеленый каменный цветок с коронованной золотой ящерицей, в левом верхнем углу щита — восьмиугольная звезда, в правом нижнем углу — знак Венеры.

В 1702 г. Сергей Бабин и Козьма Сулеев открыли Гумешевский медный рудник.

Вслед за первым вышел в свет второй выпуск сборника «Полевской край», на этот раз полностью посвященный полевчанам — ветеранам Великой Отечественной войны (2001).

На древнем Азове

К подножию горы, вершина которой значительно возвышалась над прочими, подошли двое. Рыжие бороды скрывали худобу их лиц. А сшитые из сыромятных кожаных ремней меховые шубы-накидки заменяли настоящую одежду. На плечах у обоих висели вместительные сумки из лосиной кожи.

Добравшись до середины крутого склона, они неожиданно вышли к отвесным скалам, сбросили с плеч тяжелую поклажу и присели отдохнуть.

Место было диким, безлюдным. До самого горизонта тянулись гряды высоких гор, покрытых густым, в основном сосновым лесом. От запахов разнотравья кружилась голова, а слух радовало пение множества непуганых птиц.

Солнце тем временем поднималось все выше, и пришельцев начала мучить жажда.

Сюда от своего стойбища, расположенного на берегу большого озера, спутники добирались долго. Дневное светило трижды появлялось из-за горизонта и трижды пряталось за него.

Вождь поручил им найти малодоступное и неприметное место для жертвоприношений богам-кровителям и оставить на нем дары племени — благодарность за то, что боги показывают людям места, богатые зеленым камнем. Из этого камня жители стойбища научились получать металл, а из металла делать нужные в быту и труде вещи.

Ветерок донес до их слуха звук негромкого журчания воды. Пройдя шагов двадцать, двое остановились в удивлении. Высоко над их головами из скальной стены выступала небольшая горизонтальная площадка, покрытая растительностью, а с нее своеобразным мини-атюрным водопадом сбегала вода.

Азов-гора

Путники с трудом добрались до выступа и увидели в теле скалы трещину, образующую грот, а в нем — ключ. Они пакопец-то утолили жажду. Вода была прозрачной, холодной и вкусной.

Подход к выступу с гротом был нелегок и почти незаметен. Лучшего места для жертвенника не найти.

Они достали из сумки содержимое. Отобрали десять фигурок божков-идолов, отлитых из пористой красной меди, и расположили их вдоль стены грота стоймя в ряд, лицами на восток, а перед ними положили наконечники стрел и конья, направив их острия тоже в сторону восхода.

Остальные дары — человеко- и птицеобразные фигурки, в том числе всадника, скачущего на сказочном коне, бляху в виде свернувшегося в клубок волка, бронзовое зеркало с ручкой — они полуколыцом разместили на площадке перед гротом.

Выполнив поручение старейшины, опустились перед жертвенником на колени и подняли руки к небу, что-то шепча. Через несколько минут поднялись, повесили на плечи пустые сумки и осторожно спустились к подножию горы.

Рождение Туземца

Пугая все живое, шумит дремучий бор, подступивший к поляне, расположенной на плоской вершине невысокого холма-гуменца. Стонут, скрипят от сильного верхового ветра толстостовольные сосны. Над поляной возвышаются кучи темно-зеленой горной породы. В лучах солнца искорками вспыхивают на камнях металлические вкрапления.

Эти камни и собирали уже знакомые нам рыжебородые пришельцы с далекого стойбища.

Рядом с кучей камней ветками были замаскированы выходные отверстия дудок — уходящих в землю разработок. Рудокопы вскрыли один из лазов, из которого торчал конец «лестницы» — длинного березового ствола с крепкими остатками обрубленных ветвей. Сняв меховые шапки, понутив головы, они постояли у лаза какое-то время, вспоминая, как двенадцать полных лун назад обрушилась со стенок дудки земля и навсегда погребла их отца. Тогда они впервые вернулись в стойбище одни...

В эпоху энеолита из бронзы на Урале произошло становление производящего хозяйства (вторая половина III тыс. до н.э. — VIII в. до н.э.)

Фигурки с Азов-горы

Хижина древних металлургов • (реконструкция).

Перед уходом с поляны братья, стоя на коленях, вновь поблагодарили богов за щедрость и милосердие. Подняли сумки и по чуть приметной отцовской тропинке продолжили путь на восток.

К горе, у подножия которой бурлила широкая,

но мелководная полевая речка, они подошли как раз перед закатом солнца. Поднялись по пологому скату до схороненного от чужих глаз шалаша, сделанного из соснового лапника, освободились от ноши, вползли внутрь и устало опустились на мягкую подстилку из того же лапника.

На Дулиной горе

Проснулись рано, едва забрезжил рассвет. Наскоро подкрепившись, разошлись по делам.

Куполообразная макушка горы разделяла ее вершину на две части — северную и южную. Так как сильный ветер чаще дул на северный склон, на котором стоял шалаш, то на этом же склоне отец и поставил медеплавильную печь. Она походила на перевернутый вверх дном горшок и имела высоту взрослого человека. Стенки печи были выложены из грубо отесанных камней, а внутренняя поверхность обмазана толстым слоем глины.

Открытый поддув воздуха в гори — естественная *тяга* — поддерживался ветром. Воздух попадал внутрь через сопла — глиняные трубки, замурованные в стенке между камнями.

Одни сопла располагались горизонтально, другие — вертикально. Благодаря им в печи поддерживалась необходимая температура плавления, удалялись наружу вредные газы.

Полом печки — *подом* — служила неглубокая чашевидная ямка, выбитая в камне и тоже покрытая толстым слоем глины.

Рядом с плавильней находились запасенные отцом и сыновьями кучки сухой глины, костей животных, древесного угля из сосны и березы, керамическая посуда, берестяные чаши, глиняные ложки и палочки с длинными и короткими черенками.

Младший глиняным раствором подновлял отшелушившу-

• Возникновение древней цветной металлургии в Среднем Зауралье и Приуралье (VII – IV вв. до н.э.).

юся местами летку — глинобитную трубу, выведенную из пиза печи наружу под углом. По ней медь и шлак стекали в металлоприемник, утопленный в лунке каменного массива. Приемником служил обычный керамический горшок, суженный к устью.

Старший с помощью кресала из кремниевого камня разжег в плавлении огонь. Каменным пестом искрошил в скальном углублении принесенную вчера руду и через верхнее отверстие — *колошник* — стал поочередно, слой за слоем, сыпать в горн древесный уголь и зеленоцветную породу. Иногда он добавлял в *шихту* дробленые кости, которые способствовали лучшему выделению и очищению меди.

Наконец по лотку потек жидкий металл и стал стекать в приемник. Легкий шлак всплывал наверх. Его вылавливали и удаляли в сторону. Остывая, шлак принимал вид мелких круглых слитков.

Из шалаша принесли несколько тальковых литейных формочек для отливки украшений, культовых фигурок и прочего. Стали наполнять их жидким металлом, черпая его из приемника ложкой с длинной ручкой.

Когда металл в формочках остыл, братья вынули из них изделия, а формочки заполнили вновь. Эта операция проводилась несколько раз. Отлитые изделия сначала чистили камнем, затем протирали мелким речным песком и глиной.

К полудню братья выполнили и этот наказ соплеменни-

Макет древней
медеплавильни

Археологами УрГУ в 1949 и 1951 гг., а затем в 1981–1984 гг. проведены раскопки в этих краях. Толчком для исследования послужила находка ряда медных вещей на горе Азов (1940). По итогам первой экспедиции городище на горе Думной и место плавки на горе Караульной определены как специальные места металлургического производства. Позже были обнаружены еще два археологических памятника времен древних металлургов — на горе Баженовой и Барсовом мысу.

ков. Они уложили отлитые изделия в сумки, занесли в шалаши посуду и инструменты, тщательно замаскировали печь и жилище. Взяв на плечи вновь отяжелевшие сумки, отправились на восток, где на расстоянии дня пути находилось стойбище их соплеменников.

По следам древних рудознатцев

Умер царь Иван Алексеевич. Началось единодержавное правление Петра I (1696).

В России учреждена государственная горноразведочная служба (1700).

Петр I

На Руси всегда любили строить красиво — дворцы, храмы, кремли. Поэтому уже в конце XVI века в Московии был основан Каменный приказ — управление по добыче и обработке естественных строительных материалов.

Нужда в них особенно обострилась в связи с возведением северной столицы — Санкт-Петербурга — во времена царствования реформатора Петра I. Для руководства поисками, разработкой и эксплуатацией рудных месторождений он издает целый ряд указов, в том числе Берг-привилегию и Берг-регламент. А созданная им же Берг-коллегия обязывала бирючей-глашатаев призывать по городам, торгам и ярмаркам народ к поискам полезных ископаемых, перечень которых прикладывался к указам. Глашатаи читали: «Кто новые металлы и минералы изобретет и охоту будет иметь ко устройству заводов, тем являться в Санкт-Петербурге в Берг-коллегию, в Москве же, в Сибири и в Казани — к определенным от Берг-коллегии берг-офицерам, которые должны будут оным добрым советом воспомоществовать».

Петр I не мог мириться с тем, что источником сырья для металлургии, как отечественной отрасли, была до него заграница. Он с гордостью, и не без основания, считал, что «Российское государство пред многими иными землями преизобилует и потребными металлами и минералами».

Давая соотечественникам «горную свободу», Петр I стремился разбудить в своем народе частную инициативу.

И пошли в одиночку и группами по просторам Отечества, в том числе и «за Камень» — как тогда называли Урал, — рудознатцы да рудокопы. Благодаря им появились крупные промышленные центры, города.

Трое беглых крепостных братьев Бабиных, жителей Арамилской слободы, Родион, Сергей, Федор и сыновья последнего Степан и Петр в начале XVIII века открыли Шилковский, Решетский, Карасевский, Полевской и Горнощитский месторождения железных и медных руд, а также мрамора. Получив вознаграждение за открытия, Бабины со временем, в 1727 году, заплатили своему казанскому помещику «выводные деньги» и теперь уже законным образом обрели волю.

Много кочевых и оседлых племен — ханты, вогулов, башкиры — побывало за двадцать столетий в здешних местах, но уже в XVI веке во все стороны от тех мест на тысячи верст раскинулось Российское государство. Тропами, проложенными древними металлургами и рудокопами, вняв указам царя-батюшки, в 1702 году крестьянин Уткинской слободы Козьма Сулеев да арамилец Сергей Бабин шли по лесам и горам, рекам и озерам, внимательно приглядываясь к горным породам, пока на одном из гуменцов не привлекли их внимание заброшенные копи да сильно заросшие травой кучи зеленого камня, видимо, добытого встарь из этих копей. Обследовали вокруг местность и поняли — лежат под их ногами несметные меднорудные богатства.

Доложили кому положено. Глава Сибирского приказа А.А. Винниус на радостях выложил по 6 рублей обоим.

Через семь с небольшим лет брат Сергея — Федор Бабин — прошел в четырех верстах от гуменцов по течению речки Полевой, что впадает в Чусовую. И тоже не зря: железную и медную руды сыскал.

Занося в журнал заявок месторождение, открытое Козьмой и Сергеем, берг-офицеры называли его Гумешевским, от слова «гуменцы», а месторождения Федора — Полевскими, потому как на берегу реки Полевой отысканы были.

Вот только не сразу их разрабатывать стали. Лишь в 1718 году двинулись обозы медной руды с Гумешевского и Полевского рудников на Уктусский медеплавильный завод. Рядом с рудниками строились «обывательские» жилища и здания производственного назначения.

Россия объявила войну Швеции, и началась долгая Северная война (1700–1721).

Самородная медь

Гора Дуэнал

Борьба за «гусовские» земли

Первый период
деятельности на
Урале В.Н.Тати-
щева (1720 – 1723).

* Чин в Горном ве-
домстве, соответ-
ствовал военному
званию капитана.

** Секретарь в бер-
гамте (горном на-
чальстве).

*** Постоянный за-
водской и горный
работник из при-
шлых крестьян.

Одно за другим открывались в стране новые месторож-
дения полезных ископаемых.

Исключительная заинтересованность правительства в
развитии медной промышленности видна из инструкции,
данной Берг-коллегией перед первой поездкой на Урал ка-
питану от артиллерии Василию Никитичу Татищеву в мар-
те 1720 года: «В Сибирской губернии на Кунгуре и в прочих
местах, где обыщутся удобные рудные места, построить за-
воды и из руд серебро и медь плавить».

Вместе с ним, сначала в Кунгур, а затем на Уктус, прибы-
ли берг-мейстер* И. Ф. Блиер, берг-шрейбер** И. Ф. Патру-
шев, берг-гауер*** П. Бривцев, рудоискатели П. Сталов,
Л. Зуев, четыре ученика Московской артиллерийской шко-
лы, которым предстояло освоить «науки рудному делу» и дру-
гие. Сразу же по приезде на Урал они начали знакомство с
рудниками и заводами. Еще в Кунгуре Татищев создал Гор-
ную канцелярию — ведомство по управлению казенными за-
водами, — которую затем перевел на Уктусский завод.

Однако его попытка увеличить выпуск меди на этом предприятии столкнулась с трудностями, в том числе из-за набегов башкир.

Уктусская медеплавильная печь снабжалась рудой Полевского, Гумешевского и Шиловского месторождений. Первые два отстояли от Уктуса в 40, а третий — в 18 верстах. Башкиры, считая «чусовские» земли своими, то и дело нападали на русские поселения и рудники.

Трагичным для поселенцев междуречья Исети и Чусовой стал 1709 год. Приказчик Уктусского завода Завьялов доносил верхотурскому воеводе о разграблении башкирами сел, деревень и слобод. Многие жители были убиты, взяты в полон, ранены или покалечены, угнан скот, а дворы сожжены или разграблены.

В июне 1718 года «немирные» башкиры напали на Полевской рудник, сожгли все строения, прогнали людей и заявили, что не допустят впредь добывать здесь руду и строить заводы.

Мирные переговоры с башкирами не дали результатов.

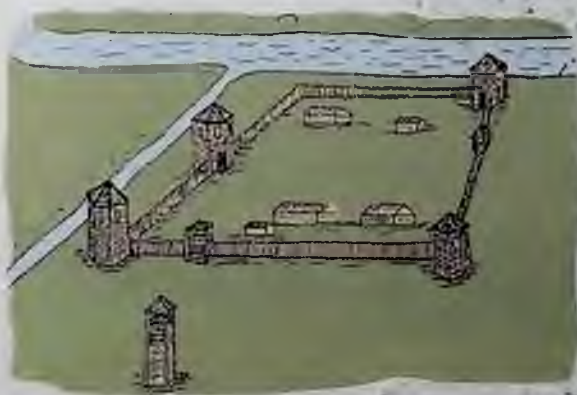
Приехав на Уктусский завод, Татищев вынужден был заняться обеспечением мер безопасности. По берегам Чусовой началось заселение мест переправ. Татищев считал, что полноводная Чусовая — это естественное препятствие для пеших и конных, и заселение русскими ее берегов позволит обезопасить от набегов кочевников как Уктусский завод, так и другие деревни и слободы.

Возле Косого Брода — единственного места, где можно перейти вброд Чусовую, Татищев поставил для охраны караул. Но и это не помогло. Один из местных башкирских феодалов Чюбар Балагушев прислал к Татищеву толмача с угрозой, чтобы в верховьях Чусовой русские люди не появлялись: «А

В.Н. Татищев

Строится крепость
Екатеринбург
(1721–1724).

План Кособродской крепости

Вышел Указ об уравнении иностранцев в правах с русскими в горной промышленности (1720).

ежели де на тех местах будут русские люди селиться, то они их с тех мест прогонят».

Сообщая об этом Берг-коллегии, Татищев настаивал принять все необходимые меры. Он писал, что башкирские владельцы не имеют прав на верховья Чусовой, поскольку здесь ранее жили русские крестьяне. К тому же по царской грамоте 1568 года река Чусовая со всеми притоками и речками была отдана Строгановым. Татищев указывал также, что земля в верховьях Чусовой не обрабатывается («лежит пуста»), и, хотя бы принадлежала башкирским владельцам, ее следует взять, поскольку имеющаяся в ее недрах медная руда может принести «прибыток» казне.

Татищев доказал необходимость превращения деревни Косой Брод в крепость. И Петр I согласился с этим его предложением.

Во второй половине 1720 года вдоль реки Чусовой возникает несколько поселений — Косой Брод, Курган, Раскуиха, Красная Гора и другие так называемые *новопоселенные чусовские деревни*.

Создание Татищевым «чусовских деревень» придало уверенность работе Уктусского завода. Он же послал в Гуменики работных людей для постройки заводов на Полевой речке. Однако летом 1721 года все эти «новопоселения» были вновь разорены и разграблены.

Перед отъездом на Урал генерал-лейтенант от артиллерии Георга Вильгельма (Вилима Ивановича) де Геннина вопрос о полевских рудных месторождениях обсуждался в Берг-коллегии с его участием. Было решено «на старинной земле государевой» в верховьях Чусовой, где имеются залежи медной руды, строить медные заводы и крепость.

Рождение Полевского завода

Добыча медной руды на Полевском и Гумешевском рудниках началась по приезду на Урал де Геннина в июле 1723 года. Переплавка ее велась теперь на Уктусском и Екатеринбургском заводах.

Де Геннин, разделяя мнение Татищева о Косом Броде, построил здесь укрепление («шанец») и поставил роту солдат.

В 1724 году близ рудников возник Полевской медеплавильный завод и все строения обнесены «полисадною крепостию». Работы по строительству выполнили солдаты Тобольского полка, присланного в Екатеринбург сибирским губернатором.

Окранта села
Косой Брод

Использовались солдаты и для добычи сырья. В августе 1724 года Петру I было сообщено, что сотня солдат, охраняющая Полевской рудник, накопила в этом году около 200 тысяч пудов руды.

Необходимость строительства Полевского медеплавильного завода была вызвана тем, что руду с Полевского и Гумешевского рудников не успевали возить на Уктусский и Екатеринбургский медеплавильные. А с углублением разрабо-

Полевской
с Думной горы

ток «руда пошла сильно». К тому же перевозке сильно мешали башкиры. В целях «избежания в провозе лишнего расхода и для сбережения около Екатеринбурга и Уктуса лесов», — пишет де Геннин, — построили на речке Полевой «плотину и при ней рудопереплавные, и обжигательные, и прочие фабрики».

В строительстве Полевского завода принимали участие такие выдающиеся горные деятели Урала, как с 1725 года официально утвержденные в чинах берг-гешворенов Никифор Герасимович Клеопин (р. 1700) и Константин Артемьевич Гордеев (ум. 1754), выпускники (кондукторы) Артиллерийской академии, участники проектирования плотин Верхнеуктусского, Екатеринбургского, а позже Колывано-Вос-

кресенского и других уральских и сибирских заводов.

Старшим обжигальщиком трудился на Полевском заводе Александр Крымов, прежде обучавшийся медеплавильному делу при Московской академии и в Швеции. Вместе с ним работал мастер кирпичного дела Савва Максимович Кузнецов, до этого возводивший Екатеринбургский, а позже Кушвинский заводы. Подручным (ауртрайгером), а затем и плавильщиком на заводе был Дмитрий Фролов, отец легендарного гидротехника Козьмы Фролова и дед тоже известных в России горных деятелей Павла и Петра Фроловых.

Едва первая очередь завода в 1724 году дала медь, как уже в январе 1725-го Петр I издал указ о строительстве второй очереди. Плотина высотой («с каменным окладом» вместе) более четырех саженьей возводилась под руководством бывшего уставщика (старшего мастера) Невьянского завода Леонтия Степановича Злобина. Пройдет десять лет, и он же будет руководить заложением Северского завода-крепости.

Первая пробная плавка медных руд в «новоманерной» плавильной печи второй очереди Полевского завода датируется 1 апреля 1727 года.

С открытием на берегу речки Полевой железной руды появилась необходимость в постройке при медном заводе небольшой доменки для передела руды в чугун. И в 1735 году она была построена.

Исследователи развития медной промышленности в России в книге «Очерк о первой меди» отмечают, что «впоследствии Полевское месторождение начали эксплуатировать как железорудное, а сырьевой базой Медного завода стало Гумешевское месторождение». Медь же для екатеринбургской монеты с 1789 года до конца XVIII века поступала из рудников большого Гумешевского месторождения.

К 1735 году медь на Урале выплавлялась уже на 27 заводах, из них 17 были чисто медеплавильные, как Полевской, работавшие на рудах месторождений, открытых и освоенных в Петровскую эпоху.

В январе 1734 года на Полевском заводе побывал участник Великой Северной экспедиции, возглавляемой Витусом Берингом, академик И.М. Гмелин, отметивший в дневнике,

Петр Козьмич
Фролов

В Екатеринбурге
открыт Монетный
двор (1725).

что на заводе выплавляют только черновую медь, которую для очистки возят на Екатеринбургские заводы, и что вокруг продолжаются поиски новых месторождений.

Между тем Полевская доменка давала чугуны, полуфабрикат. Возить его для дальнейшей переработки на расстояние более 50 верст на Сысертский железоделательный завод, который вступил в строй в 1733 году, или в Екатеринбург, было невыгодно. Кроме того, на берегах реки Северной были обнаружены новые запасы железной руды. Был резон — построить новый железоделательный завод ближе к Полевской доменке. Что вскоре и произошло...

Слава и искусство Гумешки

Летом 1770 года на Гумешках побывал ученый и путешественник Петр Симон Паллас. В путевом дневнике он отметил, что в годы большой руды на Гумешевском руднике работало 250 горнорабочих. Столько же трудилось кузнецов, возчиков, шорников, конюхов (рудник содержал 400 лошадей) и другой «обслуги», занятой на вспомогательных работах по заготовке сена и крепежного леса.

Сверх того, зимой во время самой большой работы пригоняли сюда более сотни приписных крестьян. «которым увольнение от подушного сбора вместо оплаты служит».

Труд на Гумешках был тяжелым и опасным. Много жизней уносили затопление шахт и обвалы на руднике. Первый крупный обвал-крушение, отмеченный в исторических документах, произошел 5 мая 1725 года. Тогда были затоплены и разрушены шахты Екатерининская, Висимская и Петровская. В метрических книгах Петропавловской церкви Полевского завода записаны имена сотен горняков, «убитых Медной горой».

П.С. Паллас

Как отмечает В.Г. Карелин, описание собственно завода у Палласа краткое — фиксируется, что заводские строения хотя и бывшие частью каменные, но старые, да перечисляются составляющие производства: доменная фабрика, большая (на 9 плавильных печей и два переплавильных горна) и малая (на два горна) медеплавильни; плюс лесопильня.

Гумешевский
рудник

Обвалы нередко сопровождались затоплением выработок. Рабочие, которых миновал обвал, тонули, не успевая выбраться на поверхность. Когда такое случалось в одной из шахт, на соседних тоже немедленно бросали работу и спешили оказать помощь пострадавшим.

Рудоконна на каждом шагу подстерегала опасность — отравление сернистым газом, простуда, вызывавшая воспаление легких (горячку), силикоз и туберкулез. Болезни преждевременно старили, уносили в могилу.

В середине XVIII века, отчаявшись бороться с шахтными водами, гумешевцы обратились за помощью к Н. Г. Клеопину, бывшему строителю Полевского медеплавильного завода, а ныне исполняющему дела начальника канцелярии Главного заводов правления. Он вместе с бергмейстером канцелярии Густавом-Ульрихом (он же Евстафий Викентьевич) Райзером, товарищем М. В. Ломоносова по учебе в Германии, в апреле 1752 года ходатайствовали перед Академией наук об изготовлении модели водоподъемной паровой машины для Гумешевского медного рудника. Академия, похоже, отреагировала положительно, потому что состоявший тогда «при добыче медных руд» на Гумешках К. Д. Фролов наблюдал вперые создававшиеся на Урале рудничные водоподъемные устройства. Однако попытки Шпрингера, Келлера и других специалистов не дали желаемого результата, но их водоливные машины оказались весьма «затруднительны и многоценны».

Уже работая на Алтае, Козьма Дмитриевич в 1773–1777 годах изготовил для родного рудника несколько моделей вододействующих машин, а его сын Павел в 1798-м «свидетельствовал» работу английского механика Гиля, соорудившего на руднике первую на Урале паровую машину.

Палласа и его спутников, приехавших на Гумешки, все вре-

В Петербурге появилось первое центральное отопление горячим воздухом (1749).

Русский механик-самоучка Иван Кулбин изобрел семафорный телеграф (1794).

меня преследовал скрип водовыливальных машин. Вода в шахты поступала из Северского пруда, и насосы, приводимые в действие лошадьми, едва справлялись с ее наплывом. Лошади работали круглосуточно — даже самая кратковременная остановка насосов грозила затоплением шахт, в которых, по записям ученого, «надобно почти продираться по проходам, а далее в глубину даже ползком ползти». Вернувшись в Екатеринбург, Паллас предложил горной администрации спустить Северский пруд, а завод перенести на другое место. В путевом дневнике он записал: «Вообще Гумешевский рудник требует много перестройки и частой поправки. Да и самое строение, может быть по причине мягкости горы, сделано не совсем способно».

Другой великий естествоиспытатель и путешественник А. Гумбольдт, посетивший Гумешки в 1829 году, воскликнул: «О Боже! Какие прекрасные малахиты и такое убожество разработок!»

Действительно, в недрах рудника кроме медной руды таились руда железная, самоцветы, самородные медь и серебро, малахит и мощный слой белого мрамора, о котором президент Российской Академии художеств граф А. С. Строганов в начале XIX века сказал: «Сей мрамор весьма мало уступает итальянскому, который ныне... с таким трудом и в весьма малых кусках доставать можно».

А когда его увидел П. С. Паллас, он с восхищением записал в дневнике, что на Гумешках «проседает Каменный Пояс, состоящий отчасти... из прекрасного, как снег, весьма приятно полупрозрачного и к полированию способного мрамору», которого еще нигде «доселе в России не отыскано».

Некоторые исследователи считают, что первым еще в 1723 году обратил внимание на изумительную красоту гумешевского малахита В. Н. Татищев. И с тех пор, как писал П. П. Бажов, «загрели наши Гумешки. По всей земле о них слава прошла». И точно. В 1779 году в Санкт-Петербурге было издано «Сочинение о драгоценных камнях» доктора медицины профессора У. Ф. Б. Брикмана. В предисловии к книге читаем: «Никакое государство толь хо-

Малахит — единственный в природе зеленый узорчатый минерал: красивый рисунок, яркая зеленая окраска, легкость обработки и способность воспринимать полировку самого высокого класса еще с древности обусловили широкое использование его в ювелирных изделиях и предметах декоративного и прикладного искусства.

рошими, толь разнообразными и так отменной величины малахитами не изобилует, как Сибирь (Урал), а именно Гумешевский рудник. Поистине иностранцы завидуют сему нашему природному сокровищу и почитают за особое счастье получить таковое редкое природы происхождение».

Удивляет проговорка «нашему природному сокровищу» в устах иностранца. Может быть, эти слова принадлежат переводчику Василию Беспалову или кому-нибудь из двух рецензентов — минеролога (а по совместительству и первого русского баснописца) И.И. Хемницеру или естествоиспытателю, химику, специалисту по горному делу А. М. Карамышеву, первому уральскому члену-корреспонденту Российской и Стокгольмской академий наук.

Как свидетельствуют архивные документы, крупные куски малахита — до 160 кг весом — на Гумешевском руднике не составляли большой редкости.

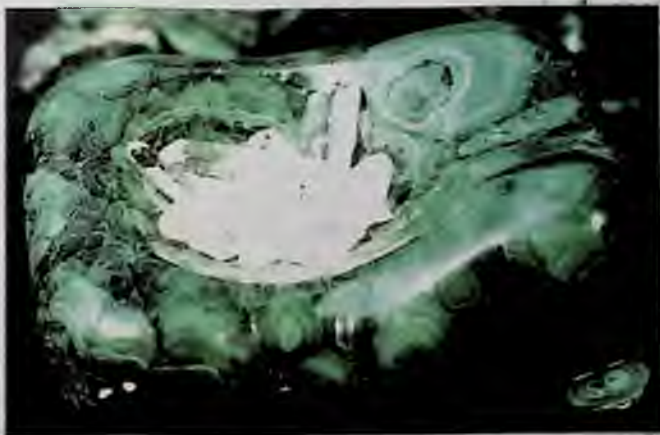
Первым на Урале месторождением малахита было Гумешевское. С 40-х годов XVIII века из него стали изготавливать небольшие изделия — серьги, броши, вставки в кольца, табакерки, где малахит применялся в сочетании с другими дорогими самоцветами. Цвет гумешевского малахита — от бледно-зеленого до изумрудного, строение — узорчато-ленточное и радиально-лучистое. Иногда он образует почковидные и гроздевидные агрегаты.

По данным уральского историка Н. К. Чупина, в начале XIX века годовая добыча малахита на Гумешках составляла от 300 до 500 пудов, то есть до 8 тонн. Изделия и образцы малахита с этого уникального рудника можно встретить в крупнейших национальных музеях нашей страны и за рубежом.

Интересно, кто из двоих — Паллас или академик Иван Иванович Лепехин, тоже летом 1770 года — через месяц после Палласа — побывавший на Гумешках, привез в Петербург образцы малахитовых камней и показал их приближенному императрицы И. И. Бецкому? Президент Берг-коллегии обратился к заводчику А. Ф. Турчанинову с просьбой прислать новые образцы «куриезных» медных руд. Заводовладелец тотчас посылает Бецкому письмо, со-

Уральским малахитом облицованы колонны Исаакиевского собора, Малахитовый зал Зимнего дворца и Зеленая гостиная — Юсуповского. Стол, канделябр и вазу из уральского малахита император Александр II подарил Наполеону.

Кристаллы горного хрусталя на малахитовом лоточке

И.И. Лепехин

За рубежом месторождения поделочного малахита известны только в Чили.

общая, что все из «прежденабранных мною лучших и весьма редкостных разных видов медных руд курioзных штуфов... при сем в ящичке за печатью... подношу...». Заодно послал он Бецкому и «Роспись нижеследующим разного звания медной руды и прочим штуфам» с оригинальным описанием последних.

Гумешевским малахитом в столице сильно заинтересовались. А потому, по распоряжению Турчанинова, попадающиеся на руднике малахитовые куски теперь уже не пускали в переплав на Медном заводе, а отсылали в Петербург.

Но вскоре у Гумешек появился конкурент. Летом 1814 года тагильский житель Кузьма Курсов, копая в своем огороде колодец, наткнулся на богатое медное месторождение. В

том же году куски великолепного малахита были отправлены в Петербург заводовладельцу Н. Н. Демидову. В 1831 году на том же Меднорудянском месторождении было обнаружено первое крупное гнездо *лучистого малахита*, а еще четыре года спустя на глубине 36 сажен, к югу от шахты Надеждинской, встречена была крупнейшая масса малахита весом до 3000 пудов. Об этой уникальнейшей находке, «могущей удивлять каждого знатока», дважды рассказал «Южный журнал».

Отныне тагильский, «демидовский», малахит окончательно затмил славу гумешевского. Но Гумешевский рудник продолжал снабжать рудой Полевской медеплавильный завод.

В начале 50-х годов XIX века на Гумешках побывали известный инженер-геолог А. И. Ангинов и его спутник Н. Г. Мерлицкий, исследующие состояние горной промышленности

В 1773 г. А. Ф. Турчанинов подарил императрице Екатерине II глыбу малахита весом в 2,7 тонны, или 170 пудов, — самую большую из найденных когда-либо на рудниках. Она оценивалась в сто тысяч золотых рублей. Часть ее весом около 94 пудов (1504 кг) ныне хранится в Минералогическом музее Санкт-Петербургского горного института. Высота и ширина основания глыбы — 1 метр.

Очевидец акции дарения немецкий ученый А. Шлейсер писал с восторгом: «Ну и богат дар! Дивья: природой-матушкой изумрудной зеленью окрашен. Особенно весом хорош, дюжих двадцать, а то и поболее, мужей корячились над ним».

Вид
на Северский завод

России. Ко времени их приезда добыча медной руды, особенно малахита, почти прекратилась из-за воды, заливавшей подземные разработки.

Антипову предстояло высказаться о целесообразности разработок Гумешевского месторождения. Проведя анализ и узнав, что владельцы рудника отказываются субсидировать продолжение горных работ, он сообщил в Петербург, что малахит на Гумешках встречается редко и добыча его принесит владельцам одни убытки.

В 1872 году добыча малахита на Гумешках была прекращена.

Завод на реке Северной

В октябре 1734 года на Урал вернулся В. Н. Татищев. Три последующие года отмечены его активной работой по организации местной горной промышленности. Он руководил строительством заводов, лично выбирая для них удобные места, занимался розыском полезных ископаемых и устройством дорог. При нем впервые появились карты-«планы» новых месторождений полезных ископаемых. Татищев разработал Горный устав, продолжал открывать общеобразовательные и специальные школы. Благодаря ему словесная и арифметическая школы были открыты и при Полевском заводе.

Решение о строительстве Северского железоделательного было принято канцелярией Главного заводов правления еще при де Геннине в августе 1734 года.

Татищев, осмотрев здешние рудники и заводы, убедился в необходимости его строительства и сразу же сообщил в

Второй период
деятельности
В.Н.Татищева на
Урале (1734 – 1737).

В то же время ос-
нован город Орен-
бург и создана
Оренбургская экс-
педиция (1734).

Северская часов-
ня. Освящена в
1867 г. Разрушена
в 1932 г.

Северский завод.
Рис. Ю. Леонтьева

столицу: «Осмотрел я место на речке Северной, расстоянием в 6 верстах от Полевского завода. Оно весьма пригодно для строения молотовых фабрик. А потому я велел здесь строить завод на 6 молотов. Для работы населить его работниками, такими же, как на Сысертском заводе...»

При выборе места для возведения заводов известный ученый-металлург того времени Иван Андреевич Шлаттер (1708–1768), бывший впоследствии директором Монетного двора (1754) и президентом Берг-коллегии (1760), выдвигал четыре момента: паличие топлива, строительных материалов, возможность их доставки, решение проблемы двигательной силы для механизмов. Здешние условия удовлетворяли всем четырем требованиям.

Строительство Северского железоделательного началось в апреле 1735 года, а свою первую продукцию — кричное железо — он отправил на Сылвинский и Уткинский заводы в январе 1739-го.

Теперь Полевской чугуи на лошадях стали возить на кричную фабрику Северского. Здесь за неделю из него выковывали до 180 пудов кричного железа.

Вот каким тридцать лет спустя увидел Северский завод П. С. Паллас: «При сем заводе число работников весьма мало, а из снастей только две молотовые, каждая о трех молотах; доменная, в коей плющильный молот для железа, а другой для меди; якорная кузница, где заводские снаряды готовятся. Кузница о двух горнах, и одна ныне не употребительная каменная вододействующая точильня... все они построены из кирпича».

Паллас ошибся, назвав доменной молотовую фабрику. Домны на заводе появятся только во второй половине XIX века.

Полевской, Северский и Сысертский заводы образовали Сысертский (первоначально — Полевской) горный округ.

Шла русско-турецкая война за выход России к Черному морю (1735 – 1739).

У истоков полевской «науки»

Еще во время своего первого пребывания на Урале в 1720–1723 годах Татищев активно занимался народным образованием. Так, в 1721 году им были основаны первые на Урале словесная школа при Уктусском и Алапаевском заводах, в Невьянской слободе, арифметическая — в Уктусе. Обучались здесь дети мастеровых, подмастерьев, подъячих (писарей), духовенства. Тем из них, которые осваивали в арифметике «тройное правило», даже платили казенное жалованье. В том же 1721 году Татищев распорядился обучать при слободских церквях и крестьянских детей.

Вторично вернувшись в Екатеринбург начальником казенных горных заводов Урала и Сибири, Татищев продолжал развивать сеть школ. Словесные и арифметические школы открылись при Сысертском, Полевском и других заводах. После его отъезда строительство их в регионе резко сократилось, и из намеченных была открыта только одна — словесная — при Северском железоделательном заводе (1741 г.).

К сожалению, многие замыслы Татищева остались неосуществленными. В 1735 году он разработал положение, обязывавшее частных заводоладельцев открывать школы при своих предприятиях для обучения детворы чтению, письму, арифметике, геометрии, знаменованию (то есть рисованию) и платить налог на содержание школ — по пуду металла с каждой сотни пудов. Но из-за противодействия Акинфия Демидова правительство отменило это уникальное положение.

На подведомственных Татищеву горных заводах проводилась перепись детей школьного возраста. Все они, кроме больных, даже из семей крестьян и ссыльнопоселенцев, подлежали обязательному обучению. В результате грамотность детей на заводах, где были школы, стала приближаться к стопроцентной!

Кто же были первые ученики полевских и северских школ, сколько их было и что они изучали?

Из документов госархива Свердловской области, а именно из двух «Именных списков словесной и арифметической школ при Полевском медеплавильном заводе» за 1747 год, сохранившихся в конторе Полевского завода, следует, что в первой обучались 43 мальчика, а во второй — лишь 12 (девочек нет ни в одном из списков). Причем первой ступенью в «науку» была словесная школа: детей, успешно окончивших ее, переводили в арифметическую.

Такие переписи проводились и при де Геннине, который стремился взять под контроль «здесьших патающихся ребят», из тех, кто «обретаются не у дел».

Контора Полев-
ского завода.
Начало XX в.

Трудно что-либо сказать о продолжительности учебы. Сами «Именные списки» вносят в этот вопрос неопределенность. Так, семнадцатилетний Иван Никонов «вступил в словесную школу марта 1-го дня 1738 года», а в арифметическую был переведен «октября 8 дня 1744 года». Тринадцатилетний сын литейщика Петр Григорьев «вступил в словесную школу июня 4 дня 1742 года», а в арифметическую переведен «мая 22 дня 1746 года».

Насколько глубоки были познания учащихся и выпускников этих школ? Вновь обратимся к документам. Четырнадцатилетний сын отставного угольного мастера Ивана Чащина — Андрей, проучившись в словесной школе с 1742 по 1746 год, «Псалтырь обучил, пишет прописи». Про остальных учеников в графе «Ныне в какой науке находятца» читаем: «Учил Часослов, заповеди». Лишь у некоторых дописано: «Учил букварь», «Пишет буквы».

Учащиеся Полевской арифметической школы на первом году обучения знакомились с «дроблением чисел», со сложением простых долей, а в последующие годы учили «тройное правило арифметики».

Как явствует из «Именных списков», учащимися обеих школ были дети отставных солдат, заводских и рудничных мастеров, сиротами.

По настоянию Татищева на казенных заводах Урала было введено профессиональное обучение. На предприятиях впервые появились должности учеников механического, геодезического, домешного, плотинного, пробирного и лесного дела, а также и новых для Урала специальностей — бухгалтер, аптекаря, фельдшера. Так решалась проблема под-

Епископ Лаврентий Горка основал в Хлынове (Киров) славяно-латинскую школу — будущую семинарию (1735).

Царение в России императрицы Анны Иоанновны (1730–1740).

Учитель екатеринбургской латинской школы К. Кондратович составил словарь татарского, вотяцкого, чувашского, вогульского и остяцкого языков (1735–1741).

готовки квалифицированных кадров для уральской промышленности. В. Н. Татищев и де Геннин прекрасно понимали, что без местных мелких служащих заводским конторам не обойтись.

Но «писать прописи» и «учить Псалтырь» имели возможность не все, а лишь немногие дети. Как видно из документов, они с малолетства привлекались к рудничным и заводским работам, помогали в семьях, поэтому родители с большой неохотой отпускали в школу даже редких счастливицов.

Хотя приказчики и нужда заставляли мастеровых отправлять своих малолетних детей на казенные работы, они всячески старались сделать это как можно позднее: «...того же февраля 23-го и 24-го числа в Полевской заводской конторе Полевского завода плавильный мастер Козма Столов, кузнец Матвей Рыбников» и другие мастеровые показали, что школьные ученики Иван Костромин, Михайло Валов, Влас Кисарев, Андрей Юшков «за малолетством, до возрасту, ни в какие казенные заводские работы быть не годны». Однако в Екатеринбурге с полевчанами не согласились и 8 марта послали в Полевскую заводскую контору определение: «Не понятных словесной школы... школьников для осмотра выслать... в канцелярию Главного заводов правления».

26 мая дети прибыли в Екатеринбург. Осмотрев их, представители администрации вынесли определение, что дети действительно «в школе не понятны», но как только будут годны к работе, обучить их ремеслу, «к какому кто способен будет».

Среди первых полевских школьников был и уже упоминавшийся сын рудокопщика Гумешевского рудника, будущий выдающийся русский гидротехник Козьма Дмитриевич Фролов, которому позднее будут посвящены книги и многочисленные научные статьи. В его личном деле («послужном списке») в 1760 году было записано: «Штайгер Козьма Фролов... по-русски читать и писать [может] и арифметику в части знает».

Полевская, Северская и многие другие школы просуществовали недолго и были закрыты на целое столетие — до появления земских народных училищ.

Интересно отметить, что учащиеся той давней поры носили фамилии, распространенные в Полевском и в настоящее время: Мингалев, Чепуштанов, Ульянов, Агафонов, Завьялов, Шелегин, Черепанов и другие.

А.Ф. Турчанинов и его наследники

В 1757 году указами Сената заводы округа — Сысертский, Северский и Полевской вместе с Гумешевским рудником — были проданы соликамскому купцу Алексею Федоровичу Турчанинову. На владение заводами претендовали люди высочинородные: бароны Строгановы, граф Ягужинский... Но случилось так, что всех их «растолкал» никому доселе не ведомый купец. Кто же он такой, откуда взялся?

Вот как описано появление А.Ф. Турчанинова в Соликамске в «Приложении к Памятной книжке Пермской губернии на 1891 год».

Молодой устюжский извозчик (бывший иркутский торговец) Алексей Федорович Васильев, приехав под конец зимы 1728 года в Соликамск, выпущен был «весновать» здесь, то есть ждать летнего пути для возвращения на родину. Чтоб не тратиться на фураж, он продал лошадей, сбрую, сани и остался при одной лишь дорожной суме. Скучно показалось парню проводить время даром, и он стал ходить в солеварницу богатого купца и медепромышленника Михаила Филипповича Турчанинова. Он по целым дням смотрел, как добывается соль. Никто не обращал на посетителя внимания. Но однажды хозяин промыслов учинил ему допрос: кто такой и для чего постоянно сидит в варнице?

Устюжанин назвал свое имя, ремесло, объяснил причину проживания в городе и признался, что желает как следует понять солеварение с тем, чтобы завести его у себя дома.

Богачу понравилась и наружность пришельца, и его предприимчивость. «А не лучше ли будет, если ты наймешься у меня в работу да собственными руками навыйкнешь управляться с цреном*? Платой не обижу», — предложил он. И Алексей уже на следующий день принялся за дело.

Однако он недолго оставался чернорабочим. Скоро, благодаря грамоте и уму, был определен в соляные вахтеры, затем в приказчики и переехал на житье в хозяйский двор.

Осенью 1731 года с М. Ф. Турчаниновым случилась беда: вместе с пятью другими соликамскими промышленниками он был вытребован

Первым посетителем фамилии историческое предание называет Филиппа Трофимова, пленного «турчаппа», выкормленного подьячим соликамской приказной избы Аверкием Кирилловым.

* Большая сковорода или плоский котел для выварки соли.

Медеплавильный завод А.Ф. Турчанинова на Урале в 60-х гг. XVIII в. Литография с рисунка XVIII в.

ван императрицей Анной Иоанновной в Москву и там отдан под суд. Процесс длился два года. Полностью оправданный, Турчанинов возвращался уже домой, но в пути заболел и умер. Все состояние покойного унаследовала его единственная дочь Федосия Михайловна.

Будучи совершеннолетней, многим искателям ее руки она предпочла Алексея, вступила с ним в брак и передала ему во владение как соляной промысел, так и Талицкий (Соликамский) медеплавильный завод. А вдобавок — и свою фамилию.

Чтобы укрепить дар за супругом, Федосия Михайловна, с дозволения Коммерц-коллегии, записала мужа в соликамское купечество.

Хозяйство тестя оказалось в запущенном состоянии. Новоявленному заводовладельцу приходилось занимать деньги у разных обывателей. Так продолжалось до января 1743 года, когда Турчанинов открыл фабрику медной посуды. Это было счастливое предприятие. Фабрика проложила молодому хозяину путь в дворянство, сделала его известным в правительственных кругах.

По указу Генерал-берг-директориума, А. Ф. Турчанинову разрешалось из «меди посуду и вещи делать и употреблять в продажу свободно», без оплаты пошлин в течение пяти лет. И хотя через полгода посудная фабрика со всем оборудованием сгорела дотла, Турчанинов уже оценил ее выгоду и через полтора года построил новую. Она состояла из плавильни с двумя самодувными печами, переплавлявшими красную медь в зеленую (посудную), молотовой для расковки латунной меди и токарной светлицы, где производилась шлифовка посуды.

Между тем Троицкий завод из-за постоянной нехватки медной руды стал малопродуктивным. Турчанинов пытался разра-

батывать оставленные казной рудники и уже было налажен добычу руды, как вдруг получил на это запрет от пермского горного начальства. Впрочем, безродный заводовладелец в это время уже имел покровителей, а потому, несмотря на запрет, он «усильством» все же вывез на завод руду. Горная администрация хотела было наказать Турчанинова за самовольство, но дело кончилось тем, что Берг-коллегия взыскала с него за казенные руды... два процента от полученной прибыли. И все.

Тем не менее за отсутствием «надежных руд» Троицкий завод в 1770 году был остановлен навсегда. Однако о его посуд-

Дворянский герб
А. Ф. Турчанинова.
XVIII в.

ном цехе вспоминали даже в начале XIX века: «На сем заводе... делывали прекрасную разноузорчагую медную посуду, посредством особого искусства разными цветными видами испещренную», — писал в своей книге «Российская горная история» начальник уральских казенных заводов А. Ярцов.

Именно он в 1757 году «встретил в штыки» известие о передаче А.Ф. Турчанинову заводов и рудников Сысертского округа. Но Горная комиссия, рассматривавшая в 1766 году состояние заводов, была удовлетворена деятельностью нового владельца. Он не только заводов не «упустил, но еще и размножил столько, что меди против казенного содержания в последних пред сим годах... более 8 тыс. пудов, а и чугуна немалое число выплавлено». Известно, что к имевшимся медеплавильным печам Турчанинов пристроил еще две или три на Полевском и одну на Сысертском заводах.

В январе 1763 года Алексей Федорович схоронил жену Федосию Михайловну, так и не нажив с ней детей. Вскоре он женился на некоей Филицате Степановне, и у них один за другим стали появляться дети: сыновья — Алексей, Петр, Александр и дочери — Наталья, Елизавета, Анна, Екатерина и Надежда. Утверждают, что когда Турчанинов в марте 1787 года умер, то оставил девятерым наследникам — жене и восьмерым детям — два миллиона рублей.

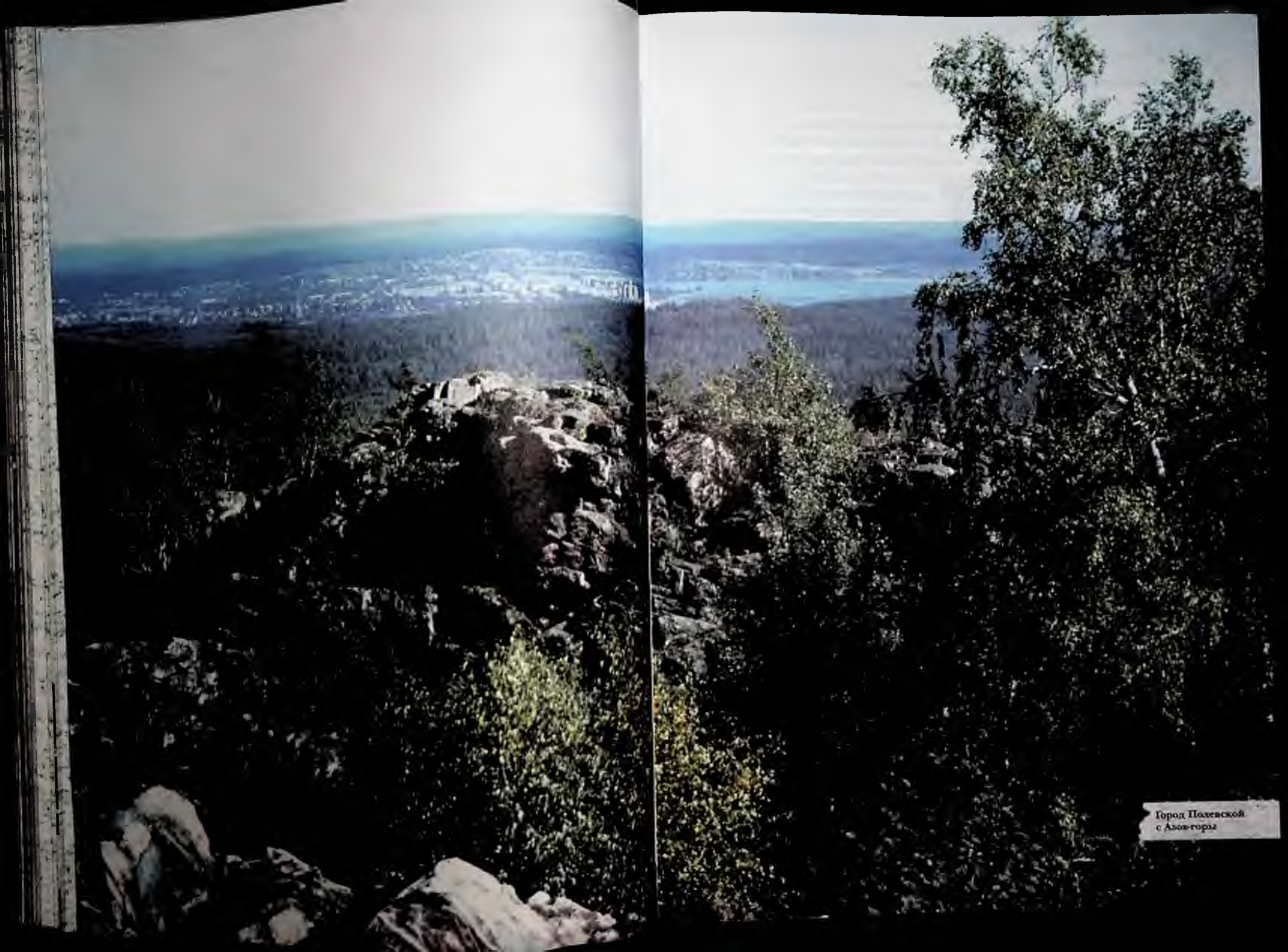
Разумеется, наследникам остались не только деньги.

В. С. Хвостов, посетивший в 1779 году дом А.Ф. Турчанинова в Екатеринбурге, писал, что у заводовладельца были превосходная оранжерея, в которой он выращивал ананасы, минералогический кабинет с богатейшей коллекцией малахитов и роскошная библиотека. Правда, последняя, согласно Хвостову, имела чисто декоративное назначение и книг из нее не читали ни хозяева, ни дети. Так что когда настал черед делить ее между тремя наследниками, — матерью, младшим сыном Алексеем и дочерью Натальей, — каждый из них брал с полки третью книгу...

В Государственном архиве Пермской области хранятся копии документов Правительствующего Сената о тяжбе сестер Турчаниновых — генерал-майорши А. А. Зубовой и обербергмейстерши Н. А. Колтовской, в том числе — и о дележе упомянутой выше отцовской коллекции малахитов. Ссоры наследников особенно усилились после смерти в 1822 году матери — титулярной советницы Ф. С. Турчаниновой...

Господский дом
в южной черте го-
рода. Начало XIX в.

Город Полеской
с Азов-горы

Турчаниновские крестьяне

Вышел манифест об уничтожении горной регалии и признании права собственности на недра за владельцами земли (1782).

В середине XVIII века заводы Сысертского округа пребывали в прекрасном состоянии. Не зря их добывались и Строгановы, и Ягужинские. О заводской производственной базе можно судить по ведомости 1763 года. Полевской завод располагал домной и медеплавильной фабрикой с девятью печами, а Северский — двумя молотовыми фабриками и пятью молотами. Позднее на средства Турчанинова были построены по одному молоту на Сысертском и Северском заводах.

Вместе с заводами Турчанинов получил 3720 душ государственных крестьян мужского пола. Да при заводах уже имелось 1205 мастеровых и работных людей вместе с детьми. Кроме того, ему были отданы 40 сплавщиков и учеников. Таким образом, общее число работников на заводах, по той же ведомости 1763 года, составило 4965 человек.

Приписные к Сысертским заводам крестьяне жили в Кособродской и Полднейвой крепостях, Колчеданском остроге, Багарянской слободе, Ново-Ипатьевской и Капшинской деревнях, то есть на расстоянии от девяти до 135 верст от места работы.

Некоторое падение производства началось с 1761 года и связано с масовыми волнениями на заводах округа. Приписные крестьяне полагали, что заводовладелец требует от них работ сверх подушного оклада и вопреки установленному порядку. Полковник Лонатин, проводивший следствие о зачинщиках волнений, писал, что «от самой отдачи в партикулярное содержание заводов крестьянская упорчивость начало свое возымела».

Нередко эти выступления заканчивались вооруженными столкновениями. Наконец в дело энергично вмешалась комиссия Вяземского, прибывшая для расследования жалоб. Более 300 крестьян были наказаны кнутом, плетью и батогами, 57 зачинщиков сосланы на каторгу в Нерчинск и на Колывано-Воскресен-

ские рудники. Были и другие меры наказания. С Турчанинова же была взыскана в пользу крестьян смехотворно малая сумма — 732 руб. Порядок был восстановлен крутыми мерами, «чтобы хотя через страх утвердить непоколебимое... послушание».

Но «послушание» было недолгим. Грянуло пугачевское восстание. От набегов восставших больше всего пострадали Сысерть и ее завод, где были даже убитые среди местных жителей. Впрочем, об этом еще пойдет речь в следующем очерке.

В период бунта А. Ф. Турчанинов не только сумел удерживать в повиновении большую часть мастеровых своего округа, но даже способствовал подавлению народного волнения. В результате Екатерина Великая наградила его грамотой «за похвальные и благородные поступки, учиненные в годах 1773 и 1774» и возвела вместе «с рожденными и впредь рождаемыми детьми его и потомками» в дворянское звание Российской империи. Случилось это в 70-летний юбилей заводчика, в 1783 году.

Заслуги Турчанинова были отражены и в его дворянском гербе. «В знак императорской милости» на нем были изображены орлиное перо и серебряная цапля, державшая камень, — в знак того, что Турчанинов «бдением своим учинил многие как нам, так и государству услуги».

А что же представляли собой заводы турчаниновской поры?

Металлургия и металлообработка XVIII века стояла сплошь на древесном угле или дровах. Они использовались для «прожигания» руд, выковки железа, изготовления стали и других операций. Дров и древесного угля требовалось громадное количество. На выплавку одного пуда чугу-

Ручная мельница

Кусачки для
голов сахара

на тратилось до пяти с половиной пудов угля из сосны, ели или березы, а на один пуд железа — до восьми пудов угля. Лиственницу применяли на строительстве, из дуба и клена изготавливали заводские механизмы.

На Северском заводе топливо готовили крестьяне не только из окрестных сел и деревень, но даже из населенных пунктов Каменского завода, что находились на расстоянии 150–180 километров.

Углежогой получали по одной копейке с короба угля емкостью в два кубометра. За летний рабочий день конный крестьянин получал 10 копеек, пеший — 5. Зимой соответственно — 5 и 4 копейки. В то же время, как отмечал ученый-путешественник И. И. Лепехин, посетивший завод летом 1770 года, пуд ржаной муки стоил 13 копеек, пшеницы — 20, говядины — 40–50, коровьего масла — 1 рубль 80 копеек.

А повинность крестьяне несли нелегкую: добыча, сортировка и доставка руды на завод; заготовка дров на уголь, сборка в кучи, дернение, засыпка землей... Несли крестьяне и рекрутскую повинность.

Заработки мастеровых тоже были невелики: заводской мастер получал 60 рублей в год, плотинный — 36, лучшие слесари — до 30, обыкновенные — до 18.

Отказ крестьян от работы влек за собой наказание батогами за первый и второй случаи и плетью — в третий раз.

Судя по описанию берг-инспектора Пермской губернии П. Е. Томилова, Северский завод на рубеже XVIII–XIX веков представлял из себя следующее: «Кричная фабрика деревянная. В ней кричных горнов 10, молотов 5... При одном горне мастеров 2, подмастерьев 2, работников 2. Оные в неделю выковывают от 140 до 160 пудов. Для расковки меди есть печь и два молота. Имеется мукомольная мельница... деревянная кузница о 6 горнах... Плотина с нижней стороны выложена серым камнем... В полном скопе вода содержится 7,5 аршин, пруд разливается на 1,5 версты... Госпиталя нет. Богадельни и училища еще не заведено. Есть церковь деревянная во имя святой Троицы. Домов господских 3, мастерских 133, разночинцев 2. В них мужска пола 288, женска 302 души. Дома на кварталы еще не разделены... Курени углежогов отстояли от поселка от 6 до 16 верст».

Вышел Указ об отмене «горной свободы». Оформлен статус посессионных предприятий (1782).

Академик (с 1786 г.) Иван Филиппович Герман, автор «Минералогических исследований Урала», становится во главе заводов, «под ведомством Екатеринбургского горного начальства состоявших» (1802 – 1814).

Приписные и непривязанные

В первой половине XIX века черная металлургия Урала заметно замедлила рост производства. С начала века и до 1861 года выплавка чугуна едва удвоилась, давая средний годовой прирост менее одного процента.

В чем причины? Их несколько. Но прежде всего это жесткая эксплуатация и волнения приписанных к заводам крестьян, устаревшее заводское оборудование, технология и организация труда. Заводы старели, а потому на людей ложилась двойная нагрузка.

Императрица Елизавета Петровна за время своего правления подарила или продала за бесценок частным лицам много заводов, что привело тысячи государственных крестьян к превращению в крепостные. Екатерина II и ее сын Павел I тоже любили одаривать дворян государственными

Пожарная команда
Северского завода

крестьянами. В 1798 году Павел разрешит заводчикам-недворянам покупать крестьян к мануфактурам, а по указу 1799-го позволит помещикам ссылать крепостных, отдавать их в рекруты.

Пугачевское восстание вынудило Екатерину II подписать манифест, который облегчал участь приписных крестьян. Они освобождались от углежжения, лесорубные работы должны были проводить только в указанное в законе время, а вывозку древесного угля — с установлением санного, то есть зимнего, пути. Теперь заводчикам запрещалось направлять приписных крестьян на не указанные в законе работы. А кре-

Ткацкий станок

Секретная Горная комиссия выработала новые правила труда приписных на горных заводах (1765–1767).

стьяне могли жаловаться на начальство и сохранять права государственных. И они жаловались: на низкие расценки, отдаленность заводов от местожительства, на работу в страдное время, на жестокое обращение заводской администрации. Жаловались и на то, что с увеличением им поденной оплаты правительство одновременно вдвое повысило подать и цены на предметы первой необходимости.

Сезонные и вспомогательные рабочие, а часто и приписные кре-

стьяне не имели при заводе ни постоянных жилищ, ни собственных хозяйств. Они были оторваны от семей и не могли прийти к ним на помощь в крестьянском хозяйстве. Их то и дело «выводили» из деревни на заводы или перебрасывали с одного завода на другой. Раззорение хозяйств вынуждало приписных крестьян устраивать побег, нищенствовать, участвовать в массовых волнениях.

Да и самому государству содержание огромных масс приписных с их непроизводительным трудом обходилось дорого и было обременительно. Все больше чувствовалась потребность в постоянных квалифицированных и выгодных работниках.

«Масла в огонь» подлил указ 1805 года, отменивший праздничные и выходные дни. До него мастеровые и крестьяне работали по 250 дней в году, а в остальные занимались домашним хозяйством или подрабатывали на отхожих промыслах.

По другому указу приписанные к заводам крестьяне освобождались от заводских работ. Но не все: по рекрутской повинности из приписных выделялось необходимое число так называемых *непременных работников*. Но за свое «освобождение» остальные крестьяне должны были заплатить значительную сумму — чтобы снабдить *непременных* всем необходимым: лошадьми, жильем, деньгами. В среднем выкуп каждой души обходился примерно в 27–30 руб.

Если приписные крестьяне выполняли заводскую работу сезонно, то непременные работники — круглый год и отдавались заводам «навечно». Последние делились на пеших и конных. От уплаты податей они освобождались, их подушную подать оплачивала контора. Непременные работники обязаны были трудиться на заводе 30 лет, а их дети — 40. На самом деле и те и другие работали дольше.

Свято-Троицкая
церковь Северс-
кого завода

На уральских за-
водах происходят вол-
нения приписных
крестьян (1803–1895).

Людское терпение не бесконечно. На заводах то и дело случались волнения.

В 1807 году, собравшись вместе, мастеровые Северского, Полевского и Сысертского заводов наотрез отказались работать в праздничные дни. Они избрали своим уполномоченным полевлчанина Силу Степановича Головина и через него обратились с прошением об отмене распоряжения: сначала к вдове А. Ф. Турчанинова — Филицате Степановне, потом — в Екатеринбургский уездный суд. Когда там попросту не стали рассматривать прошение мастеровых, рабочие обратились с той же просьбой к пермскому губернскому, берг-инспектору, а затем и к министру финансов и внутренних дел А. Б. Куракину.

Начальник Уральского горного правления К. Ф. Модерах в феврале 1808 года направил на Сысертские заводы для «наведения порядка» советника горного правления Походяшина. Тот «навел» его по-своему: арестовал нескольких мастеровых и отправил их в екатеринбургский острог, где на них надели оковы. Результатом следствия уездного суда был приговор: арестовать дополнительно 23 «зачинщика». Но возмущенные мастеровые уже не дали его осуществить.

Для исполнения приговора в Сысерть прибыли члены земского суда. Их сопровождала воинская команда из 360 башкир. Мастеровые камнями и поленьями, заготовленными заранее, разогнали охрану, и Сысерть оказалась в руках

Внутреннее
убранство Свято-
Троицкой церкви

бунтарей. На всех трех заводах работа остановилась не только в праздники, но и в будни.

Турчанинова поспешила заявить, что в «показанные по табелю торжественные дни» заводские люди могут не работать, но было уже поздно. Волнение на заводах Сысертского округа разрасталось день ото дня и не на шутку встревожило губернские и столичные власти. В Сысерть из Шадринска было послано подкрепление — две роты солдат. Администрация и хозяйка округа покинули Сысерть, под которой разбили лагерь военнослужащие: прибыл гренадерский батальон Екатеринбургского мушкетерского полка в составе 500 человек. Только такими мерами волнение было подавлено. 906 его участников были подвергнуты публичному телесному наказанию на сысертской заводской площади: старики и дети — розгами, остальные — ударами палок. 23 руководителя после жестокого наказания были осуждены на пожизненную каторгу. Сам император Александр I приказал пермскому и вятскому генерал-губернатору К. Ф. Модеруху сурово наказать виновных мятежа. Архивы сохранили для нас имена «главных возмутителей». В их числе — мастеровой Полевского завода Сила Степанович Головин и неперемный работник Сысертского завода Василий Тупицын. Так закончилось одно из самых крупных на Урале волнений мастеровых.

Сысертские заводы были пущены в действие. Но вскоре взбунтовались заводские крестьяне села Полдневого и деревни Косой Брод, причисленные по указу 15 марта 1807 года к неперемным работникам. Причина была обычной — крестьянам не выдали денежного пособия на заведение домашнего хозяйства.

Утвержден проект
«Горного положения» для управления уральскими заводами (1806).

Автор книги «Урал» (Пг., 1917) П. Зыбин так писал о положении приписанных к Сысертским заводам: «Крестьяне подвергались необыкновенно жестоким наказаниям. Если верить народным легендам, бывали случаи, когда по приказанию заводского начальства живых людей бросали в доменные печи. Наказания плетью, батогами, надевание оков — было делом самым обыкновенным».

Крепостническая система в России близилась к гибели. Ее кризис можно было наблюдать в 50-х годах и на Сысертских посессионных заводах наследников Турчаниновых.

Крылатковское золото

В 1745 году шарташский крестьянин Ерофей Марков недалеко от своей деревни нашел рудное золото. Здесь и открылся первый золотой рудник России, сначала названный Пышминским, а затем — Березовским. Именно отсюда берет начало русская золотодобывающая промышленность.

Примеру Маркова последовали сотни старателей. В середине июля 1803 года, едучи «вниз по течению реки Чусовой, от деревни Кургановой в деревню же Макарову, в семи верстах сворота с дороги в правую сторону, в полуверсте по край степи, в болоте, в редком березовом лесу» государственный крестьянин из деревни Кургановой Андрей Крылатков обнаружил россыпное золото. В ста пудах песка его оказалось два фунта и два золотника, т. е. 830 грамм! Это было больше, чем на самом богатом — Березовском — месторождении!

А в августе этого же, 1803-го, его сын Петр Крылатков открыл в четырех верстах от родной деревни, недалеко от отцовского месторождения, другую богатую золотом россыпь. Позже оба рудника объединят и назовут Крылатковскими рудниками. Оба эксплуатируются и до сих пор.

Открытие золота на Чусовой подзадорило местных старателей: один за другим появлялись на берегах реки новые рудники — Баландинский, Макаровский, Бабинский, Моховский, Мочаловский, Железянский, Посакаухинский, Кособродский...

Бурный рост добычи золота на дачах Сысертского горного округа начался с 1823 года.

«Золотая лихорадка» охватила и заводовладельцев, которые стали посылать рабочих на золотые россыпи. За счет добычи золота (в 1827 г. — 27 пудов, в 1828 г. — 32,5 пуда) удалось значительно поправить дела на заводах.

Введен Указ о ликвидации института приписных крестьян и замене их неперемными работниками (1807).

«Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности», (СПб, 1906) сообщает, что на Железянском прииске в 1903 г. работало 311 человек и 99 ручных золотопромывальных стапков. За этот год здесь было промыто более 4 млн пудов песка, а добыто 9,5 пуда золота. На Посакаухинском же из 2,5 млн пудов породы извлекли лишь 2 пуда благородного металла.

Вышел Указ о предоставлении права всем российским подданным отыскивать и разрабатывать золотые и серебряные руды (1812).

Золотой самородок «Лопатинная голова», Село Косой Брод

Всего же с 1826 по 1916 год во всем Сысертском округе было добыто 1346 пудов золота. Интересно, сколько же песка было перелопачено? «Золото мыть — голосом выть», — говорит пословица.

В 1854 году заволновались мастеравые Сысертского и Полевского заводов, назначенные конторой на Посакаухинский, Семеновский и Павлово-Дмитриевский золотые прииски. Поводом послужили непомерно тяжелые нормы («уроки») выработки, которые были мастерским не под силу.

О том, как власти реагировали на жалобы, говорит архивный документ: «Когда мастеравые Посакаухинского прииска изъявляли претензии на отягощение, то многие из них были наказаны так жестоко, что едва поднимались после того с полу, а других сослали на Богословские заводы».

На рудничные работы назначались даже «слабосильные и болезненные и несовершеннолетние подростки, с которых взыскивалась работа как с полносильных работников».

Члены следственной комиссии воочию убедились в варварской эксплуатации детей на Покровской и Аннинской шахтах, увидев у выхода из шахты более 30 несовершеннолетних подростков в грязных рубанках, бледных, истощенных. На вопросы следователей об их положении дети долго не отвечали и вдруг разрыдались. Плача, они рассказали, что спины у них «испорчены», ноги болят от простуды, а в шахтах их держат в течение

всей смены и беспрестанно принуждают катать тачки с рудой без счету...

Под давлением неопровержимых доказательств следственная комиссия вынуждена была признать сам факт угнетения мастеравых, принуждения их к непосильному труду, чрезмерности телесных наказаний. Основными виновниками этого были названы приказчики Савелков и Старков, управляющий Сысертскими заводами К. И. Кокшаров.

Соломьинские

Дочери А. Ф. Турчанинова выходили замуж весьма удачно — Наталья Алексеевна стала обер-бергмейстершей Колтовской, Анна Алексеевна — генерал-майоршей Зубовой. Но миру между ними не было.

Правительствующий Сенат, Министерство финансов, три столичных департамента, и. о. обер-прокурора неоднократно занимались тяжбами Колтовской и Зубовой между собой, а также и обеих сестер с другими наследниками родительских богатств.

От гражданского брака с известным русским дипломатом Дмитрием Павловичем Татищевым Колтовская имела двух сыновей — Павла и Владимира, которым родители дали фамилию Соломирских. Первый был женат на дочери действительного статского советника, московского почт-директора князя А. Я. Булгакова — Екатерине Александровне. Второй — на известной петербургской красавице и страстной любительнице балов графине Марии Петровне Апраксиной, которая была моложе мужа на десять лет.

Сестра Екатерины Булгаковой-Соломирской Ольга вышла замуж за представителя княжеского рода Долгоруковых. Поэтому неудивительно, что Соломирские были близки к императорскому двору. Артиллерийский офицер В. Д. Соломирский даже состоял при нем камер-юнкером.

В 1832 году Павел Дмитриевич Соломирский, ротмистр лейб-гвардии гусарского полка, расквартированного в Царском Селе, выкупает «участие в заводах», то есть долю сыскертских владений — сначала у матери, потом у тетки Анны Алексеевны Зубовой и наконец — у своей двоюродной сестры Филицаты Алексеевны Софоновой. Новый владелец находит опытного организатора и талантливого инженера Ф.А. Хвощинского, который становится управляющим заводами.

В свои уральские владения П.Д. Соломирский прибыл уже после ухода в отставку в звании генерал-майора — накануне отмены крепостного права.

Согласно высочайшему манифесту, заводовладельцы обязаны были выделить своим мастеровым, отпускаемым на волю, наделы земли. Однако основная масса горнозаводского населения отказалась от нищенских наделов. Тогда заводчики, в том числе и П. Д. Соломирский, разрешили тем, кто выполняет заводские или вспомогательные работы по добыче и доставке сырья, пользоваться покосами, расчистками, лесом, а также бесплатно или за по-

Горный мастер Л.И. Брусицын открыл золотосодержащие россыпи на Урале (1814).

Д.П. Соломирский

Село Мраморское.
Отреставрирован-
ный циферблат
солнечных часов
1773 г.

ниженную плату — пахотными и усадебными участками.

В это же время правительство разрешило ввоз в Россию черного и цветного металла. У отечественных производителей появились конкуренты. Началось строительство железных дорог на юге страны, и Урал — главный промышленный центр России — оказался оторванным от других промышленных регионов.

На Сысертском округе лежала крупная задолженность перед банками, Государственным казначейством, Уральским горным правлением. Несмотря на убедительные доводы П. Д. Соломирского, округ у него отняли и на пять лет перевели на казенное управление.

«Раздробленность округа — вот причина его неудач», — убеждается заводчик. Он скупает у родственников их паи, и с 1869 года основная часть наследства А. Ф. Турчанинова стала принадлежать ему.

Теперь смело можно лезть в долги. Хотя за ссуды в четыре-пять миллионов рублей, предоставленные Турчанинову, Екатеринбургское отделение госбанка запросило залог, составляющий 70 процентов годовой продукции заводов округа. Как впоследствии писал его сын и наследник Дмитрий Павлович Соломирский, этот шаг отца позволил не только расплатиться с долгами, но и получать доход. Не сделай он этого, судьба заводов Сысертского округа была бы печальной: промышленные предприятия двенадцати округов-должников, переданные в казенное правление или в ведение правительства, в дальнейшем либо сменили хозяев, либо прекратили свою деятельность.

Поняв оплошность, которая привела страну к сильнейшему кризису, правительство к концу 80-х годов резко снизило ввоз металла из-за границы путем высоких пошлин, взимаемых золотом. К тому же было завершено строительство горнозаводской железной дороги Екатеринбург—Пермь. И со второй половины 80-х годов доходы заводчиков стали расти.

П. Д. Соломирский (он умер в 1870 году) оставил о себе хорошую память. На Северском заводе — вместо сгоревшей — возведена кирпичная кричная фабрика, пущен в действие доменный горн, построенный взамен упраздненного в Полевском заводе, а также механическая мастерская.

На Гумешевском руднике была достигнута рекордная добыча медной руды, из которой Полевской завод выплавил также рекордное количество меди. Соломирский поднял шанговую плотину, с помощью которой выкачивалась вода из шахт Гумешевского рудника, а на заводах начал опыты по применению торфа и хвои для пудлингования и удешевле-

12 ноября (30 октября по ст. стилю) 1841 г. указом Николая I в России были учреждены сберегательные кассы: «По уважению пользы, какую смогут приносить сберегательные кассы как в хозяйственном, так и в нравственном отношении, повелеваем учредить сберегательные кассы... для доставления через то недостаточным всякого звания людям средств к сбережению».

Пребывание
А.С. Пуплова
в Оренбургском
крае (1833).

Издан Манифест
об освобождении
крестьян от крепо-
стной зависимости
(1861).

Схема Сысертского горного округа

заводов Урала под руководством инженера Померанцева. Осмотрев месторождение и убедившись в том, что в выработку поступает большой приток воды и что рудник убыточен, комиссия решила подземные работы приостановить — и шахты быстро залила вода. В связи с закрытием Гумешек Полевской медеплавильный завод перепрофилировали на железодельный.

Земляки Даниила-мастера

В апреле 1735 года канцелярия Главного заводов правления в Екатеринбурге издала указ об обязательном клеймении изделий из железа и меди, производимых на горных заводах Урала.

Клеймом Северского железодельного завода на протяжении полутора веков была цапля, «держащая в правой ноге камень» и понавшая на товарный знак с дворянского герба Турчаниновых.

Собственное клеймо побуждало заводчиков держать марку. Этой же цели служили и всевозможные выставки.

В 1890 году одна из них проходила в Нижнем Новгороде. В горном отделе Всероссийской художественно-промышленной выставки были представлены заводы Сысертского округа — Верх-Сысертский, Ильинский, Полевской, Северский и Сысертский.

Северский завод экспонировал двадцать один чертеж с изображением общих планов, продольных и поперечных разрезов цехов. В атласе хорошо были изображены планы Северского завода и железодельной фабрики: плотины, сварочной, пудлинговой и кирпичеобжигательной печей, прокатной машины с боковым видом прокатных станков;

В Санкт-Петербурге вышла книга «Сысертские горные заводы», составленная В.Д. Черкасовым, родственником владельца округа, который недолгое время был его управляющим (1882).

воздуходувных мехов с горизонтальными цилиндрами, воздуходувной машиной и парового двигателя к ней — на время маловодья; шеститонного парового молота и т.д.

Два фотоальбома познакомили посетителей выставки со всеми пятью предприятиями Сысертского горного округа.

Из «продуктов заводского действия» северцы представили серый, половинчатый и белый чугуны, доменный, пудлинговый и сварочные куски металла, шлаки; из топлива — сосновый и березовый угли, резной торф с Месиловского и Казаринского болот; из материалов — кварцевый и шлаковый кирпичи, тальковый камень.

Многообразно был представлен и ассортимент северского «железа»: круглое, полосовое, угловое, обручное, каретное, котельное, четырехгранное, шинное, резное, переделочное, листовое кровельное, пудлинговые куски... А также и образцы сырья: марганцевая руда и бурый железняк — с Красногорского, Кособродского и Старо-Полдневского рудников; хромистый железняк — с Долгановской добычи (около села Полдневая) и с речки Шароглазки (у села Косой Брод). Кроме того, Полдневая демонстрировала на выставке драгоценные камни аметист и хризолит — с речки Бобровки, а также асбест — с Каменки.

Мраморский карьер и Гумешевский рудник привезли в Нижний Новгород сорта мрамора, поставляемые на Мраморский завод и Екатеринбургскую гранитную фабрику.

Полевская дача кроме прочего прислала драгоценный камень раух-топаз (с речки Мочаловки) и кварц с берега Полевского заводского пруда, применяемый для зашлаковки подов в сварочных печах и при изготовлении огнеупорного кирпича на Северском заводе.

Северская дача выставила образцы известняка, добываемого на берегу Северского пруда, белую огнеупорную глину, используемую для приготовления цемента при постройке доменных и других печей. Эту глину добывали близ деревни Кенчурки. Экспонировались также драгоценный камень топаз с Лазоревского золотого прииска, золотосодержащий кварц с Никольского лога и Кособродского прииска.

Белую опоку, огнеупорные — *горновой* и *тальковый* — камни, доломит и другие местные материалы, добываемые в Сысертском горном округе и используемые на Северском и Полевском заводах, увидели посетители выставки, дивясь богатству уральской земли.

Товарный знак заводов Сысертского горного округа, просуществовавший вплоть до 1917 г. (клеймо XVII в.)

Горка из Уральских камней

Полевчанин П.Е. Бессонов работал тогда помощником заведующего Мраморскими складами и представлял округ на Нижегородской выставке. У потомков Павла Егоровича и по сей час хранятся альбом и открытки с той выставки.

Высокой оценки продукция уральцев удостоивалась и на выставках других лет. За отличное качество металлоизделий, «за трудолюбие и мастерство» Сысертские заводы на Санкт-Петербургской Всероссийской мануфактурной выставке 1870 года, на Московской Всероссийской промышленно-художественной в 1832-м награждались серебряной медалью, а на Екатеринбургской Сибирско-Уральской научной в 1887-м — золотой.

Если рабочие Северского и Полевского заводов делили *коллективную* славу с другими заводами округа, то умельцы-кустари получали *персональные* награды, как говорится, из рук в руки.

Полевчанин Василий Лазарев был удостоен серебряной медали УОЛЕ (Уральское общество любителей

естествознания) за вырезанные из дерева иконостасы.

Крестьянин из села Полдневая Иван Попов за «чурку с пчелами» был отмечен бронзовой медалью Императорского Московского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии.

Неопределенность местожительства делает список земляков — участников выставок — неполным. Например, заказы рабочих Сысертского, Полевского и Северского заводов на изготовление медных «гранатных» кофейников, ваз, подсвечников, самоваров выполнял некий Василий Алексеевич Стихин. Кто он? Откуда? Фамилия вообще-то северская...

В естественноисторическом отделе Сибирско-Уральской выставки посетители восхищались «куском почковатого малахита из Гумешевского рудника, замечательного по величине и красоте», выставленного екатеринбуржцем Петром Михайловичем Бурнашевым.

Среди продукции гранитных промыслов было множество экспонатов, изготовленных из камня жителями села Мраморского. Например, Семен Панов представил бюст императора Александра II, отмеченный бронзовой медалью УОЛЕ.

Корреспондент «Екатеринбургской недели», комментируя результаты Сибирско-Уральской выставки 1887 года,

писал: «Внимание свежего человека будет вполне приковано многими действительно выдающимися по своей красоте, изяществу и трудности выполнения вещами, к числу которых нужно по справедливости отнести стол из мрамора Клевакина, мраморные умывальники и вазы Комарова, две вазы Костоусова (все — Мраморский завод)».

Была создана в селе Мраморском марте 1837 года артель кустарей под руководством И. Пермикина. В нее вошли двадцать мастеровых. Они изготавливали памятники и продавали их в Перми, Томске, Ирбите и других городах, где имели склады, лавки, амбары. Охотно участвовали на ярмарках и выставках. Мраморской школой искусств руководил выпускник Академии художеств Н. Е. Прокудин.

Замечательными произведениями искусства прославились мраморские каменотесы XIX века Е. Н. Клевакин, К. К. Комаров, К. Е. и С. С. Пановы, И. С. и Л. С. Пермикины, Н. Л. Самойлов, П. Е. Старцев и другие. Заказы им поступали со всей России. Прекрасные шкатулки делал из красного тагильского мрамора М. И. Петровских. Свое мастерство они передавали детям, а те — своим.

Так, в 1938 году на Свердловской областной выставке художественных работ из камня мраморчанин Семен Панов был награжден дипломом второй степени и денежной премией за мраморный бюст В. И. Ленина. (Эта работа потом экспонировалась в областной картинной галерее.) Прадед С. С. Панова — мастерской второй статьи Горнощитского завода (так именовался некогда старый Мраморский завод) Семен Панов — в 40-х годах XIX века работал над каминными

Открылось движение на Уральской горнозаводской железной дороге (1878).

Отец и сын Калугины южнее деревни Полдней обнаружили россыпь демантоидов — третьего по популярности драгоценного камня Урала (1874). В Полдней демантоиды и обрабатывали.

Огромная малахитовая чаша (2х1,43 м) и ваза высотой 2,5 м были показаны Демидовым на Парижской выставке 1878 г.

Малахитовая шкатулка

для столичных дворцов. Отец Сергей Семенович, сменивший родителя на его рабочем месте, выделывал из мрамора различные украшения, предназначенные для памятников, — декоративные листья, фигурки ангелов и другие художественные детали. Именно он сработал бюст императора Александра II, отмеченный бронзовой медалью.

Среди мастеров, чьи изделия восхищали посетителей выставок, были Киприан Аверкиев (вазы из селенита и серпентина), Иван Костоусов (резные вазы из мрамора), Иван, Павел и Алексей Новиковы (памятники, гробницы и пр.), Иван Пермикин (памятники и мелкие изделия), Федор Комаров (мраморные умывальники, вазы и др.), Никандр Самойлов (пепельницы из моховика, памятники из мрамора).

Кстати, внук И. Н. Костоусова, тоже Иван Николаевич, в 60–70 годах уже XX века в городе Полевском настилал мраморные полы и стены, облицовывал памятные стелы и памятники в учреждениях, кинотеатрах, магазинах. Участвовал он и в изготовлении современных солнечных мраморных часов, установленных на 41-м километре автострасы Екатеринбург–Полевской и недалеко от площади Коммунаров на проспекте Ленина в Екатеринбурге.

Совладелец Сысертского горного округа Дмитрий Павлович Соломирский, будучи страстным охотником, фотографом, представлял на выставках свои фотографии, чучела птиц. Он принимал самое активное участие в отборе производственных образцов, чертежей цехов и заводов округа, привлекая к участию сотрудников и население.

Учитывая заслуги Д. П. Соломирского в работе УОЛЕ и участие в выставках, общее собрание членов Уральского общества любителей естествознания присвоило ему в 1859 году звание почетного члена.

Взлет на исходе века

Полевские недра, как выяснилось в конце XIX века, отдали людям еще не все свои богатства. На территории Северной дачи были открыты Кулигинский, Сосновский, Смолодинский и Северский хромовые рудники, Аркадьевский и Рябиновский — железные. И Д. П. Соломирский строит вторую доменную печь, превратив Северский железодельный завод еще и в чугунолитейный.

Если основным источником топлива на заводах был древесный уголь, то источником энергии — вода. Иногда ее катастрофически не хватало, особенно в засушливые и ма-

лоспелые годы. Поэтому в 1876-м началось создание плотины для отвода воды речки Глубокой в реку Полевую с целью создания Глубочинского пруда. Между речками проложили подземный канал длиной 1100 метров, обложив его бревнами из лиственницы. Через каждые 100 метров выводили колодцы. Плотина возводилась по чертежам и под руководством управляющего округом инженера Хвощинского. Работы длились до 1887 года. Теперь вода из Глубочинского пруда поступала в Полевской, Штанговский и Северский пруды.

В это же время на всех пяти заводах округа появились электричество и телефонная связь, соединившая их между собой, а с 1898 года и с Екатеринбургом.

На Северском многое создавалось своими силами. На механической фабрике сделали три паровых машины для кирпичной фабрики, гидравлические пресс и насос, дробилку для измельчения руды системы «Блек» и другое оборудование. Фабрика имела токарно-слесарное отделение с различными станками, небольшую меднолитейную и модельную мастерские.

Уже в 1895 году завод освещался электричеством от динамо-машины «Шуккерта», имел внутреннюю и внешнюю телефонную связь.

Накануне XX столетия мартеновское производство Северского завода представляли две пяти- и десятитонные печи, газ для которых поступал от общих для всего завода генераторов, отапливаемых смешанным топливом — из дров, хвои, пней и торфа. Свод печи выкладывали из кварцевого кирпича местного изготовления. Он выдерживал до 370 плавов при бесперебойной работе печей.

На Всемирной выставке в Париже (1900) высшие награды получили создатели мозаичной карты Франции, выполненной на Екатеринбургской гранитной фабрике, и Каслинского чугуноплавильного павильона.

Прходная
Северского завода

Дома
Северского завода

На Всемирной выставке в Чикаго (1893) получили высокую оценку работы горного начальника Пермских пушечных заводов Н.Г.Славянова по электрической дуговой сварке.

90-е годы XIX века были для Северского завода периодом нового расцвета. Но не все. Голодные 1891–1892-е отмечены засухой. В эти годы стали практиковать «гулевые» дни, что отрицательно сказалось на заработной плате рабочих, развитии производства.

Д. П. Соломирский, борясь с конкурентами, старался всеми способами рекламировать свою продукцию. И начал интенсивно заменять кричное производство металла на пудлингово-сварочное. На Северском были возведены две газопудлинговые печи «Шпрингера» и «Сименса» и к ним четыре генератора, действующих на смешанном топливе. Для обжига кусков металла приобрели паровой пятитонный и три паровых котла, действующих на домашнем газе; газосварочную печь системы «Сименс» и турбину «Викторина» в 250 лошадиных сил. К действующей воздуходувной машине была добавлена 80-сильная паровая. Появились универсальный и ручной станы для правки котельного железа, листонагревательная печь, газовая регенеративная — для обжига кварцевого кирпича и многое другое.

Паровые машины входили и в обиход золотодобытчиков. Для Посакаухинского прииска приобрели 40-сильный локомобиль. А на Кунгурском построили конно-железную дорогу длиной в одну версту с приводом для подъема песков из открытого разреза, действующим от 6-сильной паровой машины.

И на Полевском железоделательном тоже обновлялось и расширялось производство. Были построены мильбар-

совая машина*, пудлинговые генераторы, две дровопудлинговые печи заменены одной двойной газопудлинговой системы «Сименса», построен конденсатор с холодильниками при пудлинговых хвойных генераторах; установлены паровой 30-сильный котел батарейной системы и турбина «Жонвала и Гага»...

Реконструировались все заводы округа. Д. П. Соломирский и его помощники имели немалый опыт ведения заводского дела. К концу XIX века они провели основательную, передовую по тем временам, реорганизацию всех заводов округа. И вовремя. В конце 1899 – начале 1900 года произошло резкое падение цен на продукцию предприятий черной металлургии – промышленный кризис вновь охватил большинство стран мира.

На ниве просвещения

В церковной летописи полевского священника 80-х годов XIX века И. А. Дергачева есть любопытные строки: «Здесь – в Полевском заводе – народонаселение приурочено было крепостным правом к одному роду занятий – к добыванию руд – меди и золота. Производство же в самом заводе никогда не восходило выше простой проплавки медных руд – в штыковую, то есть каждый житель знаком был только с двумя инструментами промышленности: кайлом и лопатой. Заняться же другим ремеслом он не имел, при крепостной зависимости, ни времени, ни свободы. Поощрять же владельца таковыя не было выгоды, ибо, чрез это, он мог лишиться нужных рудокопов. По этой же причине не поощрялась и грамотность в народе. Последняя считалась нужною только для одних приказных, в разряд которых и поступали мальчишки, только что успевшие научиться читать и писать, для чего и существовала заводская школа».

Тем не менее в начале 70–80-х годов при заводах Сысертского горного округа стали открываться начальные народные училища. Основные расходы по их содержанию несли заводовладелец (училища Северского и Полевского заводов) или земская управа вместе с заводовладельцем (женские школы и сельские народные училища). Женскую школу Полевского завода кроме заводчика П. Д. Соломирского содержали крестьяне А. Д. Поздеев, С. М. Вялов, Н. М. Сомов и другие. За счет населения нанимали прислугу, покупали топливо и для сельских учебных заведений.

* Мильбарс – полупродукт, получающийся при изготовлении сварочного железа путем прокатки обжато-го под молотом пудлингового куска в полосу.

Глубочинский пруд

В различные годы в Полевском районе были открыты следующие образовательные учреждения: Полевская словесная школа (1734–1735), Северская заводская (1741, 1858), Северское мужское начальное народное училище (1871–1907 – трехклассное, 1907–1908 – четырехклассное, с 1908 – пятиклассное или двухклассное министерское), мужское начальное училище при Полевском заводе, а потом при нем же – женская школа. В 70–80-х годах открыты начальные народные училища в селах Полдневом, Мраморском, Косом Броде, Курганово. Около 1900 года открылась трехклассная женская школа на Северском заводе.

В штат каждой школы входили учитель, один или два помощника и священник – учитель закона Божьего, иногда сторожа, прислуга.

Как следует из доклада ревизионной комиссии по народному образованию Екатеринбургского уездного земства 1884 года, один посещающий школу мальчик приходился более чем на 60 человек мужского пола, а девочка на 284 – женского.

Из документов Екатеринбургского уездного земства кон-

Принят закон о школьном обучении малолетних рабочих фабрик и заводов (1884).

Вышел циркуляр министра народного просвещения И.Д.Делянова о недопущении в гимназии представителей низших сословий – кухаркиных детей (1887).

Ученики Северского министерского училища (в центре С.П. Кузнецов, краевед). 1910 г.

ца XIX — начала XX века узнаем имена учителей, трудившихся на ниве народного просвещения по 25 и более лет! В Полевской мужской школе это были Н. А. Батаногов, Л. В. Солодянкина, А. Т. Распопова, в Кургановской — А. М. Первов.

За «особое усердие в деле народного образования» заслужили внимание земства учителя Импиенецкая (с. Мраморское), Шумкина (Полевская женская школа), Батаногов и Богомолов (с. Косой Брод), священники-«законоучители»

И. А. Дергачев (Полевские мужская и женская школы), А. Кожевников (с. Мраморское), учитель Северской школы Захаров и ее попечитель — С. А. Гайль.

Над каждой школой «шефствовали» попечительские советы, которые избирались на три года и утверждались на очередном уездном земском собрании гласных.

Добрый след оставил в округе выпускник Пермской духовной семинарии учитель Косбродского народного училища 80-х годов Павел Андреевич Некрасов — талантливый педагог, собиратель и издатель местного фольклора, автор учебников.

В производственно-техническом музее Северского трубного завода экспонируется свидетельство об окончании в 1916 году Северского двухклассного училища сыном крестьянина Порфирием Семеновичем Завьяловым. Указаны предметы, которые он благо-

получно усвоил: закон Божий, русский язык, церковнославянский язык, арифметика, геометрия и черчение, русская история, география, естествоведение, чистописание, пение. Знание всех предметов учеником оценено на «отлично».

Благодаря свидетельству мы знаем имена преподавателей училища: М. Совейкина, А. Бусыгина, П. Яхонтова, С. Бабичева и «законоучителя» — священника Свято-Троицкой церкви Владимира Кожевникова.

Гимназия.
Начало XX в.

Враги-подвижники

До 1826 года на Сысертских заводах, с принадлежащими к ним селениями, не было ни благоустроенной больницы, ни аптеки, ни доктора. Роль больницы выполняло ветхое здание, состоящее из двух комнат с чуланом, в которых помещалось 15 кроватей. Из медицинских приспособлений были только две клистирные трубки, бритва и «зубной инструмент». В 1880 году Екатеринбургский уезд был поделен на семь земских врачебных участков. Центром пятого стал Сысертский завод. Во врачебный участок входили волости: Полевская, Сысертская, Северская, Полдневская, Мраморская, Горноцитская, Арамилская, Нижне-Исетская с прилегающими к ним населенными пунктами.

Первым участковым врачом был В. А. Калашников. На сельских пунктах ему помогали фельдшеры Заложнов, Мартис, Николаев и Петров. Акушерскую службу исполняли сначала Пономарева, затем Симанова. После смерти Калашникова место земского врача занял П. А. Скворцов.

Участок был один из самых обширных, и потому врачи шли сюда неохотно, держались недолго.

В январе 1884 года на место Скворцова заступил Всеволод Александрович Доброхотов. В это время почти весь Екатеринбургский уезд был охвачен разного рода эпидемиями. Доброхотов почти не слезал с брички. Доставалось и всем пяти фельдшерам. Врач привлек к борьбе с эпидемиями местных жителей, что помогло ему локализовать очаги болезней.

Женское народное училище
Полевского завода.
Слева дом Бажова

Возникают первые заводские и земские больницы: Верх-Исетский госпиталь (1810), Нижнетагильская заводская (1826), Екатеринбургская железнодорожная (1901).

И. И. Мечников и Н. Ф. Гамалея создали первую в России бактериологическую станцию (1886).

Чтобы расположить врачебный центр поближе к населенным пунктам, Доброхотов перевел его с Сысертского завода в Полевской. Это позволило в кратчайшие сроки сделать прививки против оспы почти тысяче младенцев. Архивные документы сохранили нам имя мраморского фельдшера Пименова, который неустанно объезжал с прививками селения Мраморское, Горный Щит, Раскунху, Курганово, Макарово, Горнощитский прииск...

Интересен такой факт из врачебной практики Доброхотова. Фельдшерам, передвигающимся на лошадях и пеньком, очень нужна была дешевая и удобная походная аптечка. Проект ее разработал Доброхотов, а ящики для первых 25 аптечек сработал мастер Полевского завода Потоскуев.

Новый приемный покой в Полевском имел больницу на 10 кроватей, аптеку и амбулаторию.

О нагрузке, которую несли врач и его подчиненные, можно судить по цифрам, приведенным председателем Екатеринбургской земской управы Н. А. Клепешниковым в 1887 году: врач принял 5142 больных, фельдшера — 4681, оказав населению около 24 тысяч всевозможных «пособий».

Долговекую память о себе оставил и другой врач, выпускник медицинского факультета Казанского университета Николай Константинович Кокшаров, отец которого был одно время управляющим Сысертского горного округа.

Еще студентом за работу по офтальмологии он был награжден золотой медалью, а став врачом, полюбил хирургию. Приезжали на Полевской завод страждущие, чтобы попасть на прием к искусному эскулапу, который особенно прославился «извлечением катаракт».

Петропавловская
церковь при
Полевском заводе.
XVII в.

Новый врач переиначил назначение палат в Полевском госпитале, расширив операционную.

Кокшаров шел и ехал к больным в любую погоду, днем и ночью. Но молодому врачу судьба отвела короткую жизнь: возвращаясь из далекого селения, он сильно простудился и умер.

Вероятно, еще при жизни Н. К. Кокшарова, а может быть и при его участии, на Полевской врачевный участок был направлен тоже выпускник Казанского университета Яков Степанович Федулов. Он с честью продолжил дело своего предшественника, был таким же бесребреником.

В 1892 году по проекту Я. С. Федулова и под его руководством началось строительство новой кирпичной больницы, открытой через пять лет. В это время в Полевском проживало 12 тысяч человек. Медицинский персонал больницы насчитывал десять человек. В здании находились аптека, амбулатория, родильные и другие палаты. Вокруг больницы Я. С. Федулов разбил фруктовый сад, плодами которого могли свободно пользоваться больные.

Врач и общественный деятель А. А. Миславский провел в Екатеринбургe первые на Урале глазные операции (1853).

Смена хозяев округа

Война России с Японией усугубила промышленный кризис в стране: на Урале прекратили существование восемь горных округов и 32 завода. В Сысертском округе — Верх-Сысертский и временно — Сысертский.

Д. П. Соломирский понимал причины кризиса: слабо обновлялась техническая база, не строились подъездные пути

Полевской
криолитовый завод

Северский завод
и Свято-Троицкая
церковь

В 1905 г. пять месяцев длилась забастовка сысертских рабочих, мощная волна стачечного движения пронеслась и в 1912-м.

В Екатеринбурге открыто отделение Русского банка для внешней торговли (1903).

к заводам, к тому же округ был раздроблен между многими владельцами. Кое-что заводовладелец сделать успел: в 1906 году начала работать штанговая электростанция; в 1907-м на Зюзельском руднике приступили к добыче серпного колчедана и вступил в строй Полевской серпокислотный (химический) завод... Но общий промышленный кризис, война, усиливающееся революционное движение, отсутствие крупных капиталовложений для обновления производства уже не гарантировали конкурентоспособности и не предвещали добрых перемен.

И Соломирский стал подумывать о продаже своих владений, как это сделали уже многие.

В свою очередь иностранцы уже давно присматривались к округу, изучали строение и состав горных пород Гумешевского и Зюзельского рудников. В 1909–1910 годах в Полевском работали профессора Женевского университета Л. Дюпарк и Г. Сигг. Они составили карты и описание подземных разработок. Геологическими изысканиями занимались американские инженеры Сидней Болл и Норман Стейнс. Глаз на округ *положили* также и англичане. Они даже завезли в Полевской специальное оборудование, в том числе самые совершенные на то время алмазобуравые станки «Сулливан».

Соломирский начинает готовить округ к продаже. Специально было создано акционерное общество «Сысертский горный округ». В январе 1912 года оно утвердило свой устав, а 9

марга совершили купчую крепость, заплатив бывшим владельцам 2016 тыс. рублей. Акции АО «СГО» были скуплены английским АО «Сысертская компания» («Сысерт Компани Лимитед»). Д. П. Соломирский остался в нем лишь пайщиком.

Английский инженер-консультант доктор Симон пять раз побывал в Полевском и имел точную информацию о запасах руд в округе. В эти годы медь была много нужнее, чем чугун, стоила дорого, и потому англичане решили изменить направление хозяйства округа путем интенсивной разработки Зюзельского и Гумешевского месторождений.

Так закончилось более чем полторавековое владение Турчаншиновых и Соломирских одним из крупных уральских горных округов — Сысертским.

Утверждение новой власти (Хроника событий)

В результате массовой забастовки в июне 1905 года трудящиеся Сысертского горного округа добились 8-часового рабочего дня. Однако новые владельцы свои обязательства не выполняли. Это вызывало недовольство рабочих, служило поводом к их объединению. На заводах округа стали появляться группы РСДРП.

В Полевском первый социал-демократический кружок был создан в 1909 году горнорабочим С. А. Невзоровым. В 1915-м в Полевской была сослана группа латышей, к которым присоединился их бежавший из ссылки земляк Ф. Я. Кикур. Все они работали в волоочильном цехе Полевского железоделательного завода и вместе с несколькими местными единомышленниками в 1916 году создали нелегальную организацию РСДРП.

На Северском заводе до 1917 года такой организации не существовало, но большевистские листовки, брошюры, газета «Правда» из Сысерти и Екатеринбурга доставлялись аккредитованно.

О свержении правительства Николая II в Северской и Полевской волостях стало известно в начале марта 1917-го. На предприятиях сразу же были созданы Советы рабочих и солдатских депутатов, существовавшие наряду с земской управой. Советы добились 8-часовой рабочей смены, увеличения зарплаты, двойной оплаты за сверхурочные часы, установили контроль над администрацией предприятий.

К осени 1917 г. на Урале из 22 заводских округ... было акционировано 18. Их основной капитал принадлежал иностранцам. Например, Сысертское АО входило в систему английского Сибирского синдиката с центром в Лондоне. Прежде убыточные, они превратились в высокодоходные.

Первый съезд представителей бывших казенных и национализированных предприятий определил, что они должны управляться коллегиальными выборными органами — Деловыми советами, где две трети состава должны представлять рабочие, а одну треть — служащие (1918).

Командир полка
Красных орлов
А.С. Григорьев

Адмирал А.В. Кол-
чак объявил себя
Верховным прави-
телем России (1918).

Красная продоволь-
ственная диктатура
вызывала недоволь-
ство крестьян. Кре-
стьянские восста-
ния прокатились по
всему Уралу (1918).

14–15 апреля 1917 года в Екатеринбу́рге прошла первая свободная Уральская конференция РСДРП, руководил которой Я. М. Свердлов. Полевских представителей на ней не было, а от северчан участвовали столяр А. В. Кузнецов и литейщик П. П. Ушаков.

В сентябре в обеих волостях стали создаваться ячейки Социалистического союза рабочей молодежи (ССРМ).

27 декабря 1917 года на окружном совещании было объявлено о национализации округа, роспуске волостных управ, создании на заводах Деловых советов, окружного революционного трибунала и т.п.

Северский Деловой совет возглавил А. А. Неуймин, Полевской — Н. А. Белоусов, Окружной ревтрибунал — Ф. Я. Кикур. Вместо смещенного И. И. Чиканцева управителем Северского завода стал Блинов, пер-

вым Полевским военкомом — бывший командир 16-го кавалерийского полка Туркестанской дивизии В. Н. Калугин. В 1922 году его назначили первым красным директором Зюзельского рудника.

27 мая 1918 года в Челябинске начался мятеж солдат чехословацкого корпуса. На его подавление из Полевского был отправлен отряд под руководством Ф. Я. Кикюра. Под деревней Асаново враги неожиданно напали на спящих после боя бойцов и отряд был разбит. Погиб и его командир.

19 июля с Северского завода на фронт ушел отряд А. А. Ялунина, насчитывающий 452 бойца. В боях под Пермью А. А. Ялунин и его товарищ Н. Г. Широков попали в плен, бежали из него на Северский завод, который, как и Полевской, в конце июля захватили белые. В марте 1919-го оба были схвачены белогвардейцами и живыми сброшены в залитую водой гумешевскую шахту. После изгнания белых из Полевского тела погибших были захоронены на берегу Северского пруда, а на могиле установлен памятник.

Полевской и Северский 16 июля 1919 года освободил 37-й полк 5-й дивизии Красной Армии.

Из Северского и Полевского на фронт ушло несколько отрядов красноармейцев. В составе полка Красных орлов полев-

чане участвовали в освобождении от войск Колчака Челябинской области и Екатеринбурга. В боях против войск атамана Дутова сражалась вторая молодежная сотня добровольцев, которую возглавлял рабочий Полевского завода И. С. Хмелинин. Против чехословацкого корпуса полевские заводы выставили девять красногвардейских отрядов. Полевчане и северчане штурмовали Перекоп и Волочаевск, воевали на Украине, в Туркестане и Забайкалье, на Дальнем Востоке.

145 полевчан и северчан погибли на фронтах гражданской войны. Их имена — на памятниках города и в названиях его улиц.

15 июля 1929 года на вершине горы Думной, в центре поселка Полевского завода, был воздвигнут памятник, отлитый в Каслях. На постаменте молодой рабочий с винтовкой и молотом в руках. Ниже надпись: «Павшим борцам за свободу». Под памятником братская могила восьмерых местных жителей, расстрелянных белыми.

Памятник
на Думной горе

Северский и северцы

Удаленные на семь километров друг от друга, Полевской и Северский заводы с их рабочими поселками более двух веков (до марта 1942 г.) развивались самостоятельно в административном отношении — как волости Полевская и Северская. Посмотрим, что представляла из себя, например, Северская волость в первые десятилетия XX века.

На заводе, как уже говорилось, были две доменные печи. Материалы для плавки подвозили исключительно на лошадях. Обслуживание печей было ручным. Единственный механизм в доменном цехе — паровой подъемник для доставки руд и известняка с шихтового двора на колошник печи.

Руды к дробилкам (дробникам) подвозили на ручных тачках. Шихта в печь загружалась лопатами. Чугун увозили к мартеновским печам или на склад, а шлак — на свалку.

Производительность каждой домны — 30–35 тонн в сутки. Воздух (дутье) для горения угля в печи подавался от воздуходувки: от водяной, когда в пруду был большой запас воды, или от паровой — в засушливые и малоснежные годы.

Чугун на железо переплавляли две мартеновских печи. Одна располагалась рядом с домной, в здании прокатного

Контора
Северского завода.
Рубеж XIX–XX вв.

Проведено райони-
рование страны.
Создана Уральская
область с центром в
Екатеринбурге.
В нее вошли Перм-
ская, Екатеринбург-
ская, Челябинс-
кая, Тюменская гу-
бернии (1923).

Создан синдикат
«Уралмет», объеди-
нивший все круп-
ные предприятия
металлургической и
металлообработка-
ющей промышлен-
ности Урала (1922).

стана, другая — в специально для нее выстроенном здании. Первая печь была стационарной, вторая — «качающейся». Если для выпуска металла из первой нужно было только раз-
делать выпускное отверстие, то вторую наклоняли.

В качестве топлива использовался генераторный газ, вырабатываемый в специальных печах (генераторах) путем неполного сгорания дров, пенных и сосновой хвои.

Полученные на 10-тонной мартеновской печи железные слитки подвозились на лошадях к прокатному стану, а слитки железа от 5-тонной печи подавали в «прокатку» на ручных тележках, так как они находились в одном здании. Этот стан давал в основном *сутунку* — заготовку для дальнейшего получения из нее кровельного и сортового листа.

Во время первой мировой войны прокатный стан выпускал заготовку для проволоки. Ее оглаивали на Полевской завод, и там из нее делали для фронта колючую проволоку. Стан приводился в действие от водяной турбины, вода к которой поступала из пруда по круглому деревянному водоводу. Весь процесс прокатки тоже был ручным.

В непрерывно действующих цехах работали в три смены: с 5.00, 13.00 и с 21.00 часов. Выходных и праздничных дней для таких цехов не полагалось: две смены работали по 12 часов, а третья — отдыхала.

Мастеровые горячих цехов, чтобы сохранить валенки, подвизывали под подошву «колодки» — деревянные доски. На колодках работали, а нередко и домой уходили, потому что шкафов для сменной одежды не было.

Так как большинство рабочих имели подсобное хозяйство, скот, то на время сенокоса горячие цеха, кроме дом-

ны, останавливали на ремонт, а мастеровых отправляли в неоплачиваемые отпуска.

Первая мировая война, Октябрьская революция, гражданская война довели страну до разрухи и голода. Северский завод стоял бездыханным: были остановлены мартеновская печь, сортовой стан, домна, а затем и весь завод.

До 1917 года в поселке северских металлургов всем здравоохранением ведал один-единственный фельдшер. Торговля в Северском в основном была сосредоточена в руках купца Старостина. Он держал большой магазин и его филиалы — небольшие лавки в разных концах поселка. Кооперативный магазин, принадлежавший обществу потребителей, располагался на берегу Северского пруда. В нем рабочие покупали муку, фураж и прочее в счет зарплаты.

Детей в Северском заводе учили два народных училища — мужское и женское. Женская школа имела три класса. В ее здании помещалась и квартира заведующей.

В первом классе мужского училища располагалась библиотека-читальня. Книг было немного — всего два шкафа. Выписывались газеты, в основном издававшиеся в Екатеринбурге — «Уральская жизнь», «Голос Урала», а также журналы: «Дружеские речи», «Родина» и другие. В 1912 году библиотеку-читальню перевели в дом, расположенный рядом с мужским училищем.

В мужском училище ставились спектакли. Зрительным залом служил коридор, а сценой — учительская комната. Для удобства зрителей скамьи делали разной высоты, повышая их к задним рядам. За скамьями был помост для галерки, зрители которой смотрели представление стоя.

Актерами выступал учительский персонал, учащиеся старших классов и

Работники сварочного цеха Северского завода. Начало XX в.

Удостоверение

На Урале, в Оренбурге, открыт первый детский пролетарский клуб-театр (1919).

кое-кто из числа рабочих и служащих (супруги Щиплецовы, А. С. Григорьев, Г. К. Бочкарев, Г. П. Мошков, Н. А. Григорьев и др.).

Репертуар состоял из пьес Н. В. Гоголя, А. Н. Островского, Л. Н. Толстого. Пытались даже поставить оперу Рубинштейна «Демон». Главную роль исполнял артист Словцов из Екатеринбурга, приезжавший в гости к управляющему Северским заводом. Но опера, что называется, не прижилась.

Под сенью Иверской иконы

* Распятия узором передник, который надевается на шею — под ризу.

Храм Вознесения Господня

На рубеже веков претерпел изменения и Полевской завод. После реконструкции старых газопудлинговых печей выход металла с каждой увеличился почти вдвое. Механическая мастерская была одной из крупнейших в округе, с токарно-слесарным и столярным отделениями. Паровая машина приводила в действие шесть различных станков — токарных, винторезных, строгальных и сверлильных. В мастерской обтачивались прокатные валы.

Чугун для Полевского железодельного завода доставлялся с Северского.

Рабочий поселок был небольшим: семь тысяч жителей, мужская и женская школы, больница на 40 коек, две церкви — Петропавловская и Вознесения Господня. Последнюю строили с перерывами чуть не полвека, говорят, по образцу Царскосельской. Ее размеры, внутреннее убранство, внешний вид поражали красотой и роскошью. В ней пребывала икона Иверской Божьей Матери, а также атрибуты облачения священнослужителей — риза, епитрахиль*, поручи, — сшитые из одежд убитого императора Александра II. Эти реликвии подарила храму его невестка — императрица Мария Федоровна, с которой Д. П. Соломирский был знаком, о чем свидетельствуют многочисленные

письма и телеграммы, хранящиеся в фонде Соломирских Свердловского областного госархива.

С началом первой мировой войны на Полевском заводе создали специальный цех для изготовления тигнутой и колючей проволоки. Для нужд фронта здесь изготавливали также ручные гранаты, мины, штамповали головки для снарядов и прочее.

Однако к началу 1917 года производство на заводе было по существу парализовано.

Первая мировая война закончилась в марте 1918 года заключением Брестского мира. Много и полевчан, и северчан остались на полях сражений. Два георгиевских креста, медали «За храбрость» и «За спасение погибавших» привез вернувшийся домой Павел Александрович Бородин. Георгиевским кавалером приехал Василий Николаевич Калугин, отдавший защите Отечества десять лет. На всю жизнь потерял здоровье из-за немецкого отравляющего газа пехотинец Александр Платонович Баталов. Антон Александрович Юрковский воевал на Западном фронте в составе 9-го гусарского Киевского полка. Его разведгруппа из трех человек за два года сняла без потерь около сорока секретов противника, захватив более ста пленных.

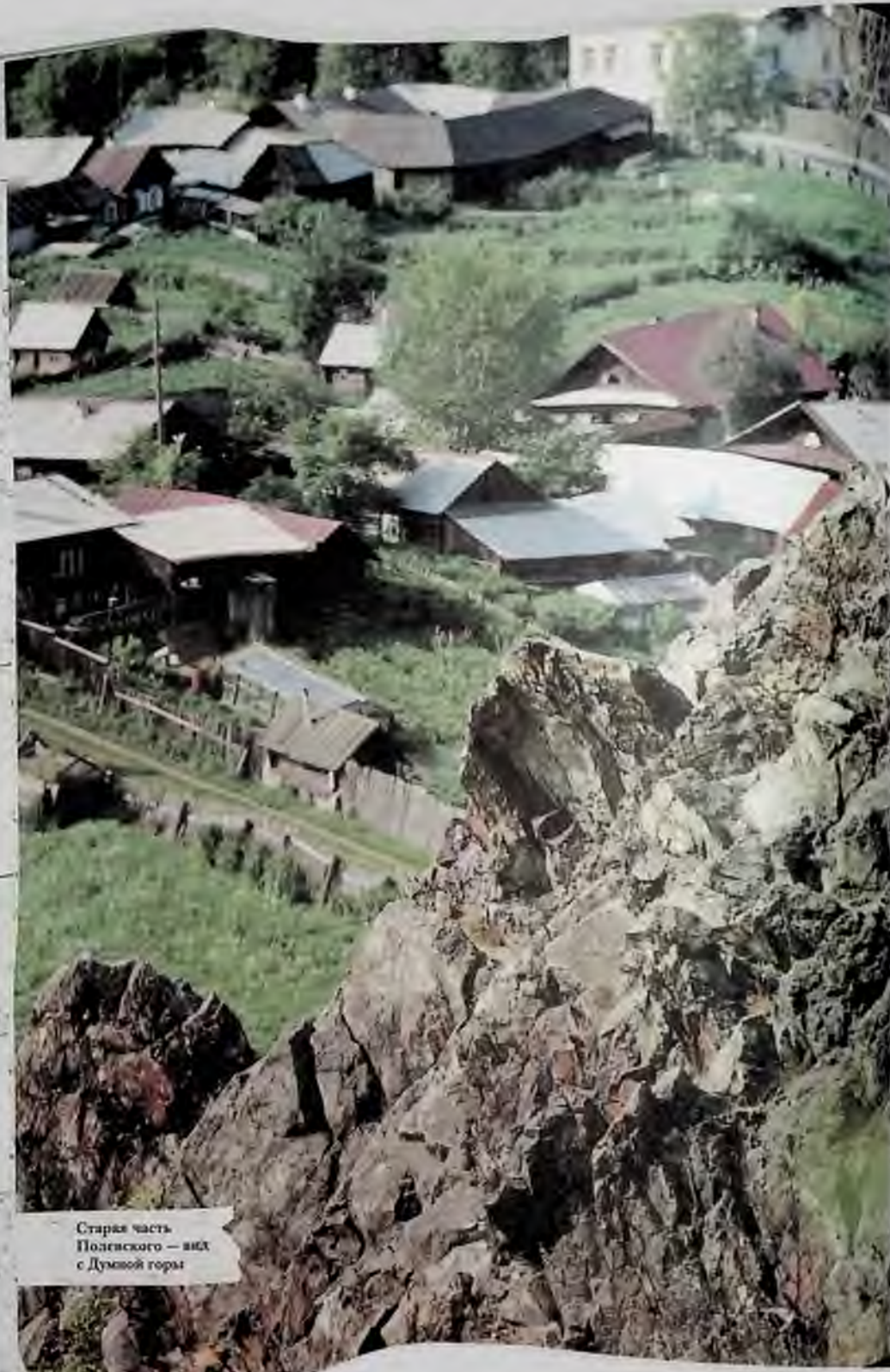

Сторожка
на Думной горе

Икону Иверской Божьей матери – «на ореховой доске в серебряной ризе» – из столицы в Полевской доставил сам Д.П. Соломирский (1883).

Комсомольцы
на уборке территории
после взрыва
храма Вознесения
Господня.
Начало 30-х гг.

Старая часть
Полевского — вид
с Думовой горы

В 1920-м два завода — Северский и Полевской — были слиты воедино и подчинены тресту «Гормет» (позже — «Уралмет»). Но дни заводов были сочтены. Полевской железнотельный кое-как перебивался остатками чугушной болванки остановленного Северского завода; утилизируя отвалы Гумешевского рудника, плавил медь. Едва теплились гвоздарный, волочильный, кузнечный, механический цехи. Производилась медная и железная проволока — катаная и тянутая.

К бедам гражданской войны добавились засуха и голод начала 20-х годов. Деньги обесценились, и зарплату выдавали сотнями тысяч, а то и миллионами рублей.

Наконец весной 1925 года предприятия закрыли за неимением перспектив. Железнодорожное оборудование увезли в Ревду, а в корпусах завода вскоре возник промкомбинат: пилили доски, катали валенки, делали горшки и крынки, а из привозного железа — разный ширпотреб. Вскоре на 79-м разъезде железной дороги начали добывать мрамор...

Полевской между тем жил — не унывал. Комсомольцам хватало дел в бригадах содействия милиции. Веселили своими концертами полевские «синеглазники»: самодеятельные артисты ездили со спектаклями даже в окрестные села: Косой Брод, Мраморское, Полдневую. Женщины-общественницы открыли детский дом, швейную мастерскую, столовую.

Сернокислотный цех страны

Зато пришло время Зюзельского рудника и Полевского химического завода. Уже ко времени революции на руднике насчитывалось восемь шахт. Некоторые достигали 130-метровой глубины. Серный колчедан был пужен стране и дорог.

В 1922 году Полевской химзавод перешел в ведение треста «Уралхим» и был преобразован в химкомбинат. Ему были переданы Гумешевские медеизвлекательный и медеплавильный заводы, Зюзельский и Гумешевский рудники, Штанговая и Северская электростанции. Вскоре заработал стеклозавод — изготовитель бутылей под кислоту, а также бытовой посуды. С пуском первого в стране сернокислотного цеха с башенным производством начался выпуск сульфата меди, алюминия, магния.

Полевская кислота употреблялась для извлечения меди, производства суперфосфата и других удобрений, была потребна в черной и цветной металлургии, текстильной, пищевой, электротехнической, военной отраслях.

В Ирбите состоялась ярмарка — первая и крупнейшая в стране после победы Советской власти (1922).

Производство и доставка кислоты в то время были трудоемкими и опасными. Бутыли с кислотой в виде купоросного масла возили на лошадях до железнодорожного разъезда «Сысерть» по грунтовой дороге. Бутыли спереди и сзади огораживали многопудовыми железными листами. Возчики восемь верст шли за телегами пешком. Так было, пока не наладили перевозку кислоты в свинцовых цистернах.

Большим облегчением стала двенадцатикилометровая железнодорожная ветка, соединившая химзавод со станцией Полевской-Промышленной, а значит, и с Северским, Екатеринбургом, Челябинском и другими городами страны.

Новые производства требовали и квалифицированных рабочих, а на комбинате многие были даже неграмотными. Поэтому по приказу директора А.Н. Волкова с осени 1924 года начались массовые занятия в различных школах, на курсах ликбеза. На химзаводе открыли школу ФЗУ, ставшую на многие годы кузницей заводских кадров. В 1940-м ее преобразовали в ремесленное училище № 15.

А тут начал выплавку меди восстановленный Гумешевский медеплавильный завод. Полевской химкомбинат вновь реорганизуют, выведя из его состава все полевские, гумешевские и зюзельские предприятия. В том же 1925-м все имущество Сысертского округа было передано в концессию английской компании «Лена Голдфилдс Лимитед».

Кроме башенного сернокислого цеха в период правления английской концессии на химзаводе был построен цех по производству фтористых солей — стал выпускать плавиковую кислоту, кремнефторид и фторид натрия, уралит, а из местных белых глин — сульфат алюминия, то есть сырье для производства криолита. Освоили также выпуск сернокислого магния, натрия, алюминия, а в помещении стеклозавода — соляной кислоты.

В 1929 году был принят план развития предприятия в первой советской пятилетке.

Рабочие химзавода жили неподалеку — в одно- и двухэтажных домах. На противоположном берегу Железнянского пруда началось строительство каркасно-насыпных бараков Первомайского поселка для сезонных рабочих. В первомайском клубе, красном уголке звучали песни молодежи, танцевальные мелодии, звуки гармошки.

В поселке химиков работала необычная столовая: она же одновременно пребывала и клубом, и театром, и кинозалом, и библиотекой. Были, кроме того, два детских сада, общеобразовательная школа № 5 барачного типа, учебный комбинат. В нем в разные годы находили крышу и школа ФЗУ, и

На Урал действовало 9 концессионных предприятий, объединивших более 6,5 тыс. рабочих. Среди них Латвийская концессия Струковича по добыче мрамора в Полевском районе (1925).

Первый автобусный парк Северского завода. Первая половина XX в.

курсы мастеров, и отделение вечернего химического техникума, где, кстати сказать, учился Е.И. Порошин — будущий командир «восемнадцати ребят» из известной песни «На безымянной высоте».

Еще в 1929-м в верховьях реки Чусовой возникло сельское подсобное хозяйство. Сначала его рабочие жили в землянках, но вскоре построили первый барак, разделив его на небольшие комнатки для четырех-шести жильцов. В столовые завода и детсадов стали поступать молоко, мясо, свежие овощи.

Криолитом по брагу

В начале тридцатых у Полевского появилась еще одна специальность — на химическом заводе началось строительство криолитового цеха и газогенераторной станции для него. Стройку посетил заместитель наркома тяжелой промышленности Ю.Л. Пятаков, и по его предложению завод с новыми объектами обрел и новое название — Полевской криолитовый. Страна получила первый отечественный криолит — сырье для производства алюминия, «молочного» стекла и эмали. Директором объединенного предприятия стал А.В. Злоказов.

Директора в ту пору менялись очень часто. На том же химическом, а потом криолитовом с 1920-го по 1942-й их перебивало одиннадцать. Судьба восьмерых неизвестна до сих пор: каждый очередной «выдвиженец» становился кандидатом на арест, а потом и расстрел.

Азов-гора

Председатель Делового совета Полевского металлургического завода Н.А. Белоусов в годы гражданской войны был разведчиком, комиссаром полка, инструктором политотдела 3-й армии. В 1920-м его избирают первым советским заведующим заводом. На Урале в эту пору свирепствует голод. Белоусов вместе с председателем завкома А.Н. Немешасвым зимой на двадцати подводах везут в Камышлов 800 пудов полового железа, чтобы обменивать металл на продукты. Многие сотни жизней спасли они, вернувшись с тысячами пудов ржаной муки и приведя стадо скота на убой. Впоследствии он работал помощником управляющего трестом «Уралстройэлектромаш», заместителем директора Уралхиммашстроя, директорствовал на Билимбаевском, Нижнесергинском, Бисертском, Воткинском, Уфалейском и Михайловском заводах, был членом губернского продовольственного комитета... В 1936-м Белоусова арестовали, и с тех пор его никто не видел.

Первого «красного директора» Зюзельского рудника В. Н. Калутин, георгиевского кавалера, впоследствии первым из полвчан награжденного орденом Боевого Красного Знамени, именным серебряным оружием, обвинив в троцкизме и контрреволюционном заговоре, арестовали также в 1936 году. Семья случайно узнала, что вместе с другими осужденными ГУЛАГа он строит в Архангельской области Северо-Печорскую железную дорогу. Там и настигла его смерть.

В.Н. Цой после окончания Ивановского химико-технологического института в 1937 году был направлен на Полевской криолитовый завод. Одно лишь наличие на полке домашней библиотеки молодого инженера японской литературы (на японском языке издавала в те годы книги корейская община в России) послужило поводом к нелепому обвинению его и жены в шпионской деятельности и ссылке вместе с четырехлетним сыном.

Что испытали полевчане в сталинско-бериевских застенках, рассказали в своих воспоминаниях Василий Николаевич Цой — в сборнике «37-й на Урале», и полевской писатель, узник Колымского ГУЛАГа, Сергей Федорович Стародуб в повести «Во имя памяти», опубликованной в журнале «Урал».

Завод по выпуску криолита вскоре вышел на проектную мощность. Но стране криолита все равно не хватало, так как в это время был пущен Уральский алюминиевый завод, а затем и сибирские предприятия.

В апреле 1940 года Полевской криолитовый начали реконструировать и расширять. Но получение стандартного криолита способом непрерывной варки произошло уже в дни войны — в августе 1941 года.

О трудовом героизме полевчан в тылу можно говорить много. Вот, к примеру, такой факт. В предпраздничные дни ноября 1943 года на завод пришел железнодорожный состав с серой для башенного цеха. Людей на разгрузку не хватало, и тогда десятник А. И. Луговых решил один разгрузить 20 тонн серы с открытой платформы. Взял лопату с длинным черенком, подстелил на пол лист железа, снял с себя лишнюю одежду, и через 1 час 25 минут платформа была пуста. Оказалось, что он выполнил норму на 628 процентов!

Увеличивать выпуск фтористых солей для алюминиевой промышленности с первых дней войны и до ее окончания было для криолитчиков важнейшей задачей: ведь от этого зависел выпуск самолетов. В годы войны продолжалось развитие производства. Заводчане своими силами построили станцию нейтрализации промышленных вод, здание центрального распределительного пункта. Кроме того, ввели в строй восемь подстанций, и теперь завод получал электроэнергию единого напряжения.

На заводском сельхозкомбинате, созданном в 1929-м, работали так называемые *вербованные*. Жили они на частных квартирах в селе Полдневая. Потом для них построили три барака, в одном из которых разместились красный уголок, комната для приезжих и медпункт.

По официальным данным, в Свердловской области (в нее входило и Прикамье) в 1936 г. было арестовано 2428 человек, в 1937-м — 28724, в 1938-м — 17016.

На Всемирной выставке в Париже экспонировалась и получила высокую оценку Карта индустриализации СССР, выполненная из драгоценных и цветных камней, золота, серебра. В ее создании участвовали уральские камнерезы из Свердловска и Кунгура (1937).

П. П. Бажов
с комсомольцами

В разгар контрнаступления советских войск под Москвой на Урале (Уралмаш) был выпущен первый танк. А 20 декабря на фронт отправлены 25 уральских «тридцатьчетверок» (1941).

Вступил в строй
Уралмаш (1942).

Комбинат содержал ферму на сто голов крупного рогатого скота, телятник на двести голов, свиноводник, конюшню, конный двор, зерно- и овощехранилища, кузницу. Тягловой силой были быки и лошади. Для освещения использовали керосиновые лампы и фонари «летучая мышь».

С реконструкцией криолитового завода появилось и высокопроизводительное подсобное хозяйство. Его основали за Верхним прудом, в двух километрах от города. Сеяли овес, картофель. На полях трудились и дети 10–12 лет, получая за рабочий день 250 граммов хлеба. Им помогали домохозяйки, работники криолитового завода.

Места покосов сельхозкомбината располагались в 20–30 километрах от Полевского. Чтобы перевезти сено, дрова и силос по санному пути с помощью тракторов, требовалось четыре месяца. К тому же досаждали снежные заносы — особенно зимой 1944 года. Тогда заводчане срочно изготовили 14 саней. На Кенчурке создали бригаду грузчиков, а в Центральном отделе — разгрузчиков, и проблема была решена.

Успевали полднечане учиться, умели отдыхать. На Полдневском участке открылась начальная «микрошкола» с учительницей А. С. Новокшеновой, заработала библиотека-передвижка, ставились спектакли. На Центральном (Полевском) участке появились детсад, ясли, медпункт.

Женщины шили военное обмундирование, собирали теплые вещи для бойцов. В 1942 году на фронт было отправлено 110 полушубков, 366 пар валенок...

200 заявлений подали заводчане с просьбой направить их в Уральский добровольческий танковый корпус, но удовлетворили просьбу только девяти человек: А. Бессонова, В. Бочкарева, В. Валова, Д. Девяшина, В. Дериглазова, П. Дурандина, Н. Ньюнкина, А. Толстых и С. Шляпникова.

Многие рабочие подписались на военный заем 1942 года в размере не менее 150 процентов месячной зарплаты. Они сдали в фонд обороны 1246 тысяч рублей, в том числе на строительство авиазвена «Криолитовец» — 325 510 рублей.

За годы войны на фронт ушли 1200 тружеников завода, почти 300 имен высечено на заводском памятнике. В феврале 1944 года 28 заводчан были удостоены правительственных наград, и среди них — Алексей Иванович Фарнин, первый обладатель ордена Трудового Красного Знамени. Медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» награждено 1362 криолитчика.

В день победы над фашистской Германией Богословский алюминевый завод выпустил свой первый металл (1945).

На Северском пруду

Северский характер

Четыре года простоял Северский завод на консервации. Положение безработных стало крайне тяжелым. И поселковый Совет решил обратиться за помощью в столицу. Вернувшиеся ходоки обнадежили: завод будет передан иностранной концессии.

И действительно, в 1925 году в Москве был подписан договор с английским АО «Лена Голдфилдс Лимитед». Визу под ним поставил председатель ВСНХ Ф. Э. Дзержинский. Принимать Северский завод прибыл его бывший управитель И. И. Чиканцев, теперь возглавлявший уральские предприятия концессии.

Что же представлял из себя Северский завод в это время?

Доменная печь № 2 была разрушена. Первую англичане «зажгли», но ее хватило лишь до 1932 года — пришлось остановить для большого ремонта разрушившейся кирпичной кладки. По заказу англичан харьковской фирмой был разработан процесс механизации поставки к этой домне руды и древесного угля с Осиповского рудника, что находился в 8 километрах от завода, с помощью воздушно-канатной дороги.

На месте печи № 2 установили вагранку, привезенную из Сысерти. Она давала три-четыре тонны чугуна в час. Из него в основном изготавливали изложницы для мартеновского цеха. На территории этой же печи помещались модельная мастерская и утиль-цех, а также стержневое (шипшольное) отделение. Шипшки* сушили в печах, отапливаемых коксом. Здесь же находилась печь для отливки валков и тяжелого чугуна. Топили эту печь дровами.

* Старое название стержней, и поныне используемых при изготовлении литых изделий.

Во времена концессии началось второе рождение завода. Акционеры решили возобновить работу сутуночного цеха, для чего построили нагревательную печь, снабдили ее наклонной топкой и рекуператором, но запустить ее в работу не успели. Стан выдавал до 105 тонн сутунки в сутки, а после реконструкции его производительность была доведена до 150 тонн.

Документы, хранящиеся в заводском музее, свидетельствуют, что оборудование для нового листопрокатного цеха было заказано концессионерами в Чехословакии, в фирме «Витковиц-Прага»: листопрокатный стан, краны и даже материалы для цехового здания. По проекту стан должен был катать миллион пудов листового железа в год. Правда, после разрыва договора технология прокатки была значительно изменена. А пущен цех лишь в ноябре 1935 года.

Немецкой фирме «Демаг» концессионеры заказали оборудование мартеновского цеха. Место было выбрано очень удачно — на горе из сплошного камня. Странительство здания мартеновского цеха было закончено в 1929 году — вместе с пуском в эксплуатацию печи № 1. Вторая была «зажжена» в 1933-м. Все делалось по последнему слову техники.

Начальник конструкторского бюро Северского металлургического завода В. В. Хильтерхаус, побывав в Германии, познакомился с работой печей фирмы «Демаг», что помогло северчанам наладить выпуск качественной стали на своих печах. Постепенно мартеновцы научились читать чертежи, качественно ремонтировать оборудование, совершенствовать его. Выпуск металла стал расти год от года.

Однако низкие расценки, несвоевременная оплата труда

Северская домна-музей претендует на место в ЮНЕСКО-вском кадастре мировых памятников промышленной архитектуры — как образец своеобразной уральской ветви русского классицизма. Домна представляет собой новый тип подобных сооружений, до 1860 г. неизвестных заводской практике.

вынудили заводчан бастовать и просить правительство страны расторгнуть договор с англичанами, что и было сделано в конце 1930 года. И началась чехарда с передачей завода из одного ведомства в другое — «Ленабанк», «Востоксталь», «Главметиз». А у семи нянек, как известно, дитя без глаза.

Делегация
первого областного
совещания

30-е годы завод заканчивал с кредитной задолженностью банкам в два миллиона рублей и при полном отсутствии четкого перспективного плана развития. Лишь с переходом завода в ведение Наркомата черной металлургии СССР, который только что возглавил Ф. А. Меркулов, дела стали меняться к лучшему. Нарком отправил письмо Председателю Совнаркома СССР В. М. Молотову с проектом реконструкции Северского завода. Предстояло ввести в действие новый сутуночный, листопрокатный, мартеновский цехи... Однако до начала войны расшевелить Совнарком не удалось. Как тут не вспомнить пословицу про «не было бы счастья...».

В конце июня 1941 года правительство сосредоточило все строительные ресурсы на ударных сверхлимитных стройках предприятий черной металлургии. В их числе оказался и Северский металлургический завод. В поселок были эвакуированы трест «Донбасстязстрой», Ворошиловградское строительство-монтажное управление. Уже в июле на завод прибыло четыре эшелона со специалистами, членами их семей и оборудованием Новомосковского жестекатального завода. Приехал директор В. И. Липухин, главный инженер С. М. Цейтлин. К 34 специалистам Северского завода добавилось 75 приезжих.

Большую часть новоселов разместили в дощатых шлакозасынных бараках Октябрьского поселка в километре от завода, а командный состав — в районе «Далеки» и на улицах рядом с предприятием. Новомосковцы сразу приступили к строительству листопрокатного механизированного цеха № 3. Тонкий стальной лист был необходим для изготовления корпусов гранат и других нужд фронта.

Увеличился спрос на огнеупорные изделия. Горному отделу завода пришлось срочно проводить новую разведку полевских недр и наращивать добычу глин, кварцитов, магнезита, талька и других минералов из уже открытых месторождений.

Построена первая
очередь Перво-
уральского ново-
трубного завода
(1936).

Выдал первый чу-
гун Новотатальский
металлургический
завод (1940).

Мужей, отцов и братьев, ушедших на фронт, в цехах заменили женщины и подростки. В листопрокатный посадчицей металла пришла Е. Г. Кузнецова, укупорщицей — А. Е. Чертулова, помощниками машинистов в ЖДЦ — Г. А. Чайковская, А. Б. Субботина, А. С. Охлупина. Молотобойцами трудились Г. Белькова и А. Лагунова, сифонщицами Н. С. Глазырина, О. Н. Кошкарлова, Л. И. Иванова. Подручной на *мартиновской канаве* работала Е. Гусева, мастером нечей — Н. Г. Кузубова. Из школ ФЗО к мартиновским печам и прокатным станам пришли юные А. Бабич, А. Русин, П. Колотиллов, П. Кравчук и многие другие подростки. Ширилось движение за перевыполнение заданий.

В 1942-м северские металлурги освоили производство автоматной дисковой, а также пружинной стали используемой на предприятиях танковой и авиационной промышленности, прокатку пружинной полосы для буферов железнодорожных вагонов и изготовления биметаллической ленты, которая шла на патронные гильзы, корпуса противотанковых гранат, защитные каски бойцов.

Завод в этот период «питался» мелким малокалорийным и многозольным хакасским углем, и на его территории скопились горы угольной пыли, которые можно было использовать для нужд производства. Инженеры и рабочие П. И. Широков,

С. П. Огуз, П. Я. Столбов, К. П. Хлопотов сконструировали специальные топки к нагревательным и обжиговым печам листопрокатного цеха, так что простои оборудования из-за нехватки топлива прекратились. На угольный отсев была переведена и печь для обжига огнеупорных изделий.

Едва в феврале 1942-го вступила в строй первая очередь «новосуточного» цеха, как в нем начали катать ленту толщиной 4,5 мм и осваивать прокат стали новой марки. Слитки углеродистой стали для стана выдавал мартиновский цех.

Ф. А. Меркулов,
парком черной
металлургии
(слева) с братом

В апреле 1942-го трест «Донбасстяжстрой» сдал в эксплуатацию листопрокатный цех № 2, затем достроил оцинковально-травильное отделение, и уже в сентябре завод выпустил первые железные оцинкованные листы.

Северцы ежемесячно отчисляли в фонд обороны одно- и двухдневные заработки, одна за другой появлялись бригады «двухсотников» — вальцовщика В. П. Шахмина, литейницы Н. П. Крылатковой, слесаря И. П. Петухова. Мастерами высокого класса проявили себя вальцовщик В. Б. Жидялис, старший печной М. М. Карманов и другие.

С пуском мартеповских печей № 3 и 4 одна завалочная машина не могла обслуживать все печи. Рабочие отыскали в металлоломе старую. За несколько суток она была восстановлена, и выплавка стали значительно увеличилась.

Самоотверженность заводчан не знала пределов. Однажды на топливный склад мартеповского цеха прибыл состав со смерзшимся углем. На его разгрузку направили бригаду Стихиной. Сутки с лишним двадцать молодых женщин кайлом и ломом разбивали огромные глыбы... При выполнении военных спецзаказов многие днями и ночами не покидали цехов.

Когда в марте 1943-го формировался Уральский добровольческий танковый корпус, заявления подали 500 заводчан. Однако «повезло» только шестнадцати. Более 300 тысяч рублей

Полевской
(Верхний) пруд

Фрезеровщик Нижнетагильского завода Д. Ф. Босый, выполнив норму на 1480 %, положил начало движению ты-
сачников (1942).

В разгар войны Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 27 марта 1942 г. поселку Полевской был придан статус города.

Азов-гора,
поселок Зюзеда
и Северский пруд

внесли жители Северского на формирование и оснащение корпуса.

Еще осенью 1941 года в поселок металлургов доставили первых тяжелораненых бойцов. Под госпиталь приспособили здание далекинской школы № 4. Не хватало медикаментов, коек, медперсонала, оборудования. Врачам Р. И. Левич, З. Ю. Струинской, О. И. Кофман и другому медперсоналу приходилось работать по 10–15 часов.

Санитарками и медсестрами становились женщины и дети. Они писали для раненых письма, давали концерты, читали вести из дома, сводки Информбюро — лаской, добрым словом, улыбкой помогали выздоровлению. В марте 1942-го, когда эвакогоспиталь № 3103 был перебазирован ближе к линии фронта, вместе с ним уехали и многие северские медики, в частности, медсестры С. П. Твердохлеб, А. К. Кадникова.

Многие десятки работниц завода добровольно или по мобилизации попали на передовую: водила поезда М. С. Сидорова, была снайпером Т. Д. Шерстобитова, минометчицей — А. К. Гаева, автоматчицей — О. А. Тагильцева, зенитчицами — Е. М. Бугакова, Н. М. Лаврова, фронтовой регулировщицей А. С. Жабреева. На защите дальневосточных границ в стрелковом бронепоезде командовала отделением зенитчиц участница финской войны А. С. Григорьева. Командиром морских орудий, установленных на многоосных вагонах, воевала гвардии старший матрос А. Н. Старостина. Она погибла в конце февраля 1945 года и похоронена в братской могиле в латвийском городе Лиепая. Ее имя — единственное женское среди 327 имен, выбитых на мраморных плитах мемориала у полевской школы № 14. До конца войны поддерживала связь с самолетами штурмовой авиадивизии радистка Е. И. Юферова, охраняли небо столицы К. В. Макарова, А. П. Нестерова и другие.

9 мая 1966 года перед той же школой был установлен памятник, изваянный супругами Тульскими. На его мраморных плитах высечены имена тружеников Северского металлургического завода, не вернувшихся с войны. Памятники, стелы, мемориальные доски и плиты возвышаются в скверах, на территориях заводов и цехов, сел и деревень Полевского района и самого города.

На Сталинградский фронт прибыла эскадрилья самолетов «Магнитогорский металлург», построенных на средства магнитогорцев (1942).

Вступил в строй и начал выпуск грузовых машин Уральский автомобильный завод (1944).

По липы Красного Креста 300 тыс. женщин получили специальность медсестер, 300 тыс. — санитарок, свыше 500 тыс. — сандружинниц МПВО. В молодежных подразделениях Всевобуча подготовлено 222 тыс. девушек-снайперов, связисток и др.

Полевские адреса москвичей

Второе рождение Полевского произошло в годы довоенных пятилеток. Но сильнейший толчок развитию здесь промышленности дала Великая Отечественная война.

В Полевском были размещены несколько эвакуированных предприятий. В декабре 1941 года на территорию райпромкомбината (бывший медеплавильный завод) переехал Московский машиностроительный — «Красный металлист».

Комбинат быстро освободил свои помещения, разделившись на два предприятия: промкомбинат, нашедший себе место в гаражах у подножия горы Думной, и металлозавод, занявший здание бывшей Петропавловской церкви и соседствующие с ним торговые павильоны базара.

Москвичи прибыли на железнодорожную станцию Сысерть. За дело сразу же взялись директор завода П. М. Потанов, главный инженер М. А. Березин и, конечно, руководители Полевского района, местных предприятий. Люди работали по 12–14 часов. На монтаж и пуск станка отводились одни сутки.

Грузы с разъезда Сысерть возили на лошадях, так как машин не было. Станочное оборудование устанавливали на плотно утрамбованную щебеночную подушку, поверх которой стлали толстые деревянные доски. К ним с помощью железных костылей крепили оборудование. Было установлено 40 револьверных, 25 токарных, 20 фрезерных, 16 сверлильных станков.

В короткий срок «Красный металлист» был возрожден в Полевском и начал выпускать корпуса для снарядов, а с 1944-го — ленточные конвейеры, дисковые питатели, челюстные бункерные затворы. Было налажено также производство снегоочистителей для расчистки аэродромов.

Прибывшие с семьями рабочие завода были расселены в домах местных жителей. Менее месяца ушло на комплектование завода рабочими, в основном полевскими юношами и девушками 14–17 лет. Учениками слесарей и токарей, например, пришли на завод подростки Коля Забродин (позже

По инициативе трудящихся Среднего Урала начали создаваться школы рабочей молодежи (1943).

Анна Крылаткова, водитель «скорой помощи» Северского завода. 1950-е гг.

Полевской
с Думной горы

стал начальником ведущего цеха), Женя Косых, Боря Некрасов и многие другие. До конца войны работали молотобойцами и кузнецами бывшие домохозяйки Татьяна Белькова и Аписья Лагунова.

В конце каждой смены на Доске показателей отмечались результаты работы, фамилии передовиков. В цехах, общежитиях читали газеты, последние сводки Совинформбюро.

Одна за другой возникают на заводе комсомольские фронтовые бригады, множится число «двухсотников» и «трехсотников».

После войны столичные рабочие с семьями и все оборудование «Красного металлиста» были возвращены в Москву. Но на уральской земле остался преемник столичного предприятия — новый полевской завод «Красный металлист». Он перешел в систему треста «Союзпроммеханизация» и стал изготавливать контейнеры, подъемно-транспортное оборудование.

8745 полевчан ушло на фронт. Они принимали участие во всех крупных сражениях второй мировой войны. Свыше 3500 из них были награждены орденами и медалями. А Н. В. Кологойда, С. П. Даньшин, А. И. Жилин, Н. С. Полежаев, В. И. Медведев и Е. Ф. Зеленкин были удостоены звания Героя Советского Союза.

3176 полевчан остались на полях сражений, умерли в плену, госпиталях, пропали без вести. Сегодня их имена — в названиях улиц, на памятниках и мемориальных досках, в изданной земляками «Книге памяти».

Принято постановление ГКО о мобилизации 25 тыс. женщин в ВМФ (1942).

Главный строитель

Биография треста «Северскстрой» — главного строителя города Полевского — характерна для своего времени. Как быстро этот «младенец», дитя войны, рос, выросел! А все потому, что город в нем нуждался.

Сразу после войны Северский завод, наряду со сталью и прокатом, начал производить белую и оцинкованную жель, стал едва ли не главным ее поставщиком для пищевой промышленности страны. Понадобились кадры, и северские строители возвели для завода ремесленное училище на четьреста учащихся.

А на самом заводе за пятнадцать послевоенных лет трудом строителей поднялся лудильно-оцинковальный цех, фильтровальная станция, подверглись реконструкции мартеновские печи.

Строительное управление постепенно наращивало «мускулы». В те же годы в Полевском появились колбасная фабрика, хлебозавод, благоустроенные жилые дома, детские сады, кино-театр «Металлург», Дворец культуры северцев. Усилиями строителей город обрел и городскую статью.

Теперь и собственный «мундир» строительной организации становился тесноват. Тем более что предстоял огромный объем строительно-монтажных работ на возведении трубных цехов — завод начал специализироваться на производстве труб для нефтяной и газовой промышленности.

И вот постановлением Свердловского Совнаркома от 11

Сдан в эксплуатацию один из крупнейших в мире рельсобалочных станков на Нижнетагильском металлургическом комбинате, изготовленный Уралмашзаводом (1949).

Улица
Коммунистическая

апреля 1962 года строителям поменяли «мундир»: на базе стройуправления был создан трест «Северскстрой». Первым его управляющим стал И. И. Никитенко.

Со временем мощность треста наращивалась: в его состав вошли бывшее управление «Уралспецстрой», Сысертская ПМК, Невьянское СУ. В 1972-м появилось управление производственно-технической комплектации.

Теперь силами своих подразделений трест сам прокладывал дороги, инженерные сети и коммуникации, оснащал свои объекты механизмами, материалами и инструментом. То есть становился организацией самодостаточной. У строителей теперь был свой профилакторий, пионерский лагерь, спорткомплекс с плавательным бассейном, детские сады и даже свое подсобное хозяйство.

Вместе с трестом мужал и город, обретая лик и достоинство районной столицы. Уже появились в Полевском свой широкоформатный кинотеатр «Родина», несколько новых школ. А Северский метзавод был переименован в трубный.

В 70-е годы рост продолжался. Трест обзавелся своей автобазой, профтехучилищем для выучки собственных кадров и строил, строил... На криолитовом заводе возвели цехи плавиковой кислоты, солевой и печной; на Северском трубном — трубоэлектросварочный цех и первую очередь прокатного цеха-гиганта, мануфактурный завод... Всего даже и не перечислить.

Многоликий Полевской

На месте бывших пустырей и грязных улиц с деревянными домишками выросли корпуса крупных промышленных предприятий, новые жилые массивы и культурные комплексы.

В сравнении с началом XX века население города увеличилось в 6,5 раз и составило 65 тысяч человек, а с учетом пяти сельских Советов — свыше 75 тысяч.

Вот чем владел Полевской в начале 80-х: 16-ю промышленными предприятиями, двумя автотранспортными, трестом «Северскстрой», совхозом «Северский», лесопромышленным комбинатом, Мраморским зверохозяйством, широкой сетью современных предприятий торговли, общественного питания и бытового обслуживания.

Ряд производств с полевской пропиской — Гумешевский рудник, колбасная фабрика, завод мраморных изделий, молокозавод — были филиалами свердловских предприятий.

Уралмаш начинает выпускать тагающие экскаваторы-великаны с емкостью ковшей 25 кубометров (1949).

В состав Уральского экономического района входили Свердловская, Челябинская, Пермская, Оренбургская, Курганская области, Удмуртия и Башкирия (1982).

Новый жилой микрорайон на берегу Полевского пруда

На территории Урала сосредоточено более 300 научно-исследовательских, проектно-конструкторских, технологических институтов и организаций (1986).

Среднегодовой объем полевской продукции, которая использовалась во многих отраслях народного хозяйства и экспортировалась в десятки зарубежных стран, составлял свыше 280 миллионов рублей.

В 1926 году общественный жилой фонд города составлял всего четыре тысячи кв. м. ветхого, без коммунальных удобств, жилья, а в 1982-м только за год построено и сдано в эксплуатацию 33 тысячи квадратных метров. 145 тысяч благоустроенных квартир имели централизованное водоснабжение, канализацию и отопление, значительная часть домов была обеспечена природным газом, пришедшим на Урал из Бухары.

В 1919 году в городе открыли первый детский сад. Питание детей было исключительно за счет родителей и приусадебного участка. В 1982-м же в 55 дошкольных детских учреждениях воспитывалось около 6,5 тысячи ребятишек. В 17 школах обучалось 8600 учащихся. Медицинская служба города включала шесть больниц. В распоряжении полевчан были два Дворца культуры и Дворец спорта, восемь сельских Домов культуры, 44 библиотеки, три кинотеатра, две музы-

кальные школы, краеведческий музей, художественная школа, современные спортивные сооружения, парки и дома отдыха, профилактории...

Полевчане участвовали в движении за «Город высокой культуры». Действовали десять общественных пунктов охраны правопорядка, 28 добровольных народных дружин.

Ведущим предприятием, определяющим общественный потенциал Полевского, был орден Трудового Красного Знамени Северский трубный завод им. Ф. А. Меркулова. Вторым — тоже орденосный криолитовый завод. Он по-прежнему оставался одним из основных в стране производителей ценного химического сырья для алюминиевой промышленности и других отраслей народного хозяйства страны.

В тройку крупнейших входил и машиностроительный завод, выпускающий подъемно-транспортное оборудование: ленточные конвейеры, электротали. Многие из его ассортимента экспортировалось за рубеж.

Горнодобывающую промышленность представлял Гумешевский рудник, входивший в состав Дегтярского рудоуправления. Кроме Гумешевского были и еще карьеры: мраморной крошки (недалеко от Гумешек), Поддневский и Мраморский, где открытым способом добывали мрамор и известняк. На базе Мраморского месторождения работал завод изделий из мрамора.

На базе Полевского и Ревдинского леспромхозов было создано объединение «Полевсклес».

Производством сельскохозяйственной продукции был занят совхоз «Северский», созданный на базе нескольких подсобных хозяйств — трубного, криолитового заводов, треста «Северскстрой» и других предприятий. Это было крупное объединенное хозяйство овоще-молочного направления с от-

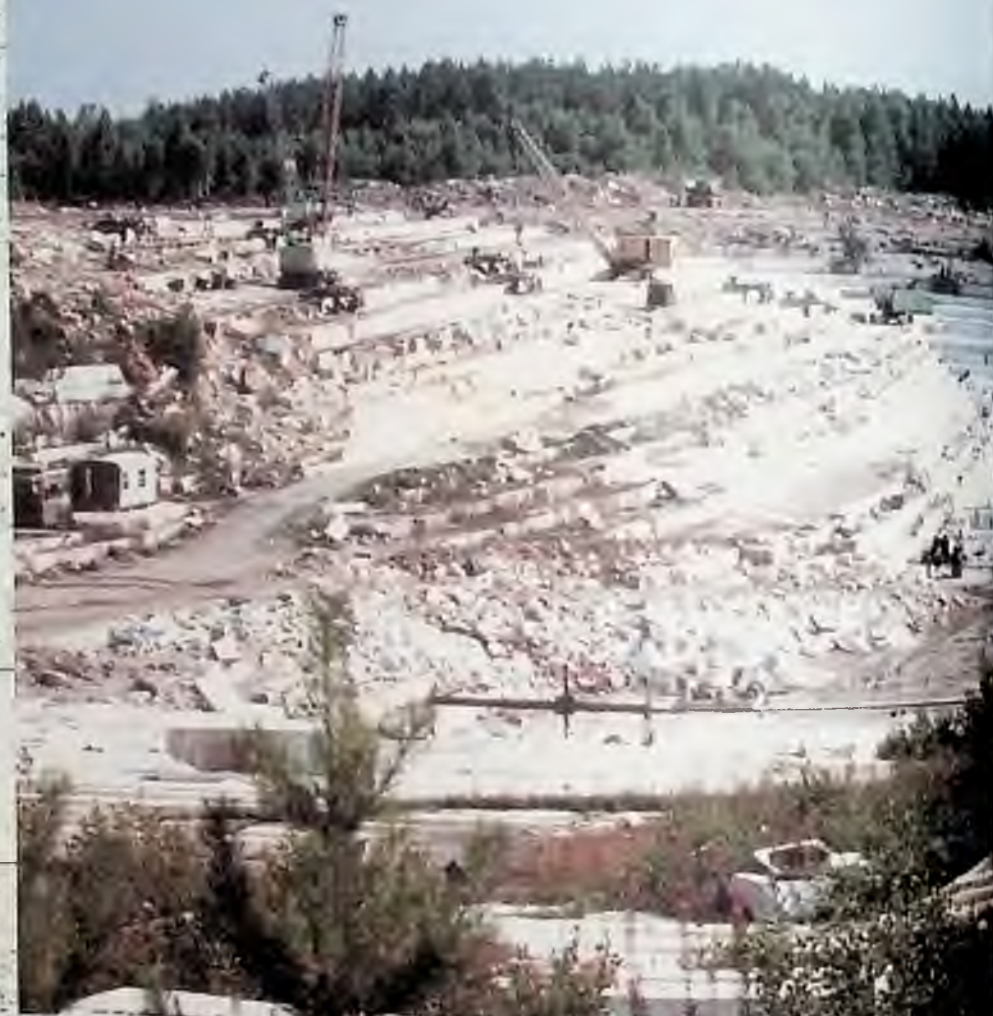
делениями: Центральным, Кособродским, Полевским и Поддневским. Его посевная площадь составляла около 3000 гектаров. Выращивали картофель, овощи, корнеплоды. Совхоз содержал 2800 голов крупного рогатого скота, в том числе 1500 коров.

В 80-х годах в совхозе «Северский» построены телятник и машинно-тракторная мастерская;

Уральский научный центр АН СССР преобразован в Уральское отделение АН СССР (1987).

Народный учитель СССР В.И. Назаров (в центре) в кругу коллег

Карьер по добыче
мрамора, севернее
села Мраморского

Парк культуры
и отдыха

на Северском трубном заводе — водоочистные сооружения, электрофильтр, газоочистка мартеновского цеха, гидропресс и другие важные объекты; на криолитовом — пункт проката. Город получил от строителей школу, детские сады, магазин, жилые дома, в том числе в новом микрорайоне «Зеленый бор».

Городу Полевскому, стиснутому горами, прудами, промышленными и санитарными зонами, становилось тесно. Был разработан проект генерального плана его развития до 2010 года. С учетом того, что численность городского населения вырастет до 100 тысяч человек.

В южной части города строительство жилья сосредоточилось во Втором микрорайоне. Его границами стали улицы Володарского, К. Маркса и Верхний пруд. Здесь намечалось построить около 60 тысяч квадратных метров жилья, детский сад-ясли, школу, 9-этажные дома — как по берегу пруда, так и в Первом микрорайоне. И часть объектов была построена.

На севере Полевского жилье строили в микрорайоне «Со-сновый бор» по улице Декабристов.

За три года двенадцатой пятилетки строители передали городу ключи от четырех детских садов; построили магазин и столовую в «Зеленом бору»; клубы в пионерских лагерях «Юный строитель» и криолитового завода; физкультурно-оздоровительный комплекс, автомобильную газонаполнительную компрессорную станцию; теплую стоянку автобусов в автопредприятии; очистные сооружения металлофурнитурного завода; газоочистку криолитового; кормоцех в Полдневском отделении совхоза «Северский». Полевской видел и приближал свое будущее.

Флагман полевской промышленности

А будущее Полевского тесно и неразрывно связано с судьбой главного предприятия города — Северского трубного завода.

Здесь общими усилиями десяти строительных организаций был возведен трубопрокатный цех-гигант № 1. В конце 1967 года заложили его фундамент, а через десять лет коллектив цеха прокатал уже 100-тысячную тонну труб.

Одновременно обновлялся и мартеновский цех завода. В результате производство стали увеличилось. Теперь сталевары плавят для трубопрокатчиков сталь, а труженики фасонно-литейного и ремонтно-механического цехов делают изложницы для этой стали.

Затем вступили в строй отделение обсадных труб и еще одна нарезная линия, обеспечив прирост мощностей на 50 тысяч тонн. Построенный в то же время участок термичес-

Северский трубный завод, как некогда чугунолитейный и железоделательный, стал градообразующим предприятием Полевского. Доля завода в производстве товарной продукции по промышленным предприятиям города составила более 85 % (2000).

Северский завод

В.Г. Вершинин,
директор Северского металлургического завода
(1949–1961)

Северский трубный завод наряду с Волжским трубным и Кузнецким заводом ферросплавов вошел в состав Трубной металлургической компании (2001).

кой обработки сделал возможным выпуск высокопрочных труб для нефтяной и газовой отраслей.

После введения во втором трубоэлектросварочном цехе двух очередей стана 102-220 его продукция — особотонкостенные трубы — полностью обеспечила потребность в них производителей дождевальных установок «Фрегат» и «Кавказ». В 1984-м коллектив завода впервые произвел миллион тонн труб.

Между тем заказчики северской продукции все требовательнее подходили к ее качеству. Появилась потребность в новом комплексе трубопрокатного цеха № 1 — с нарезной линией, гидропрессом для испытания труб, двумя муфтонарезными станками. А с пуском термоотдела № 2 стало возможным выпускать обсадные трубы, стойкие к сероводородным средам.

А в 1986-м появился на заводе цех товаров народного потребления. Его продукция — металлическая посуда, каркасы для садовых домиков, металлические гаражи, мебель для офисов, школ, бытовая и многое другое.

Тогда же за заслуги в развитии черной металлургии, обеспечение народного хозяйства трубами высокого качества коллектив завода Указом Верховного Совета СССР был награжден орденом Трудового Красного Знамени. Опыт работы северцев рекомендовали использовать на других предприятиях страны.

Улучшался и быт заводчан. В 1988 году сданы под жилье 278 квартир, спортивный комплекс, санаторный детсад с плавательным бассейном и кабинетом лечебных процедур. В основных цехах были оборудованы оздоровительные центры с медицинским обслуживанием и лечебно-профилактическими процедурами, вошли в быт заводчан сауны, тренажерные залы, комнаты психологической разгрузки. А в 1989-м открылся заводской оздоровительный центр.

Между тем Минчермет и Минцветмет объединились в Министерство металлургии СССР, а к концу 1990 года завершилось образование концернов. Северский трубный завод вошел в состав концерна «Трубыпром».

С начала 1990-х годов на заводе началось внедрение международных стандартов (немецких, американских), систем обеспечения качества продукции.

Продолжалось и расширение предприятия: вводились новые, более мощные станы, цех по производству газоси-

ликальцитных изделий, отделение по переработке мартеновского шлака, цех сувениров.

Северский трубный завод давал работу одиннадцати тысячам полевым и жителей близлежащих населенных пунктов, вкладывал большие средства в благоустройство города, его экологические программы.

С помощью завода были обновлены детская поликлиника, хирургическое и родильное отделения, Дворец культуры и техники, домна-музей; благоустроивался поселок металлургов, строились школы, магазины, дошкольные учреждения.

До 1992 года продукция завода отправлялась в 58 стран мира.

И сейчас ОАО «Северский трубный завод» выпускает трубы по нескольким международным сертификатам. Его продукция — это стальные бесшовные горячекатаные трубы общего назначения и для нефтепроводов; обсадные — для нефтяных скважин; электросварные (термально обработанные и необработанные) трубы — в «черном» виде и оцинкованные; заготовки для производства бесшовных труб; трубы для котельных и автомобилестроения; другие товары народного потребления из стали. Продукцию предприятия используют нефтяники и газовики Западной Сибири и Дальнего Востока, автомобилестроители ВАЗа, АвтоЗИЛа и КамАЗа, строители магистральных газонефтепроводов.

Завод награжден несколькими международными наградами: «Факелом Бирмингема», «Золотым Меркурием», «Международной Золотой Звездой за качество», призом «За лучшее товарное имя», «Большим Золотым Клише», отечественной — «Лидер российской экономики» и другими.

Современные заказчики предпочитают трубы, стойкие к «вредной» среде, холоду и коррозии. К сожалению, существующий на заводе мартеновский способ производства не позволяет выпускать сталь в необходимом объеме и качестве. Поэтому начата реконструкция сталеплавильного производства. Первый ее этап предусматривает установку агрегата комплексной обработки стали (АКОС) — электропечи, в которой будет происходить разлитие в ковш стали, что по-

Продукция северских трубников

62-е место из 150 по России занял Северский трубный завод в рейтинге журнала «Коммерсант-Деньги» (2000).

За минувший год заводчане добились двукратного увеличения производства труб. К середине 2000 г. оно составило 12% от общего объема российской трубной продукции.

В мартеновском цехе

Научно-техническая конференция, посвященная перевооружению производства для нужд нефтегазового комплекса РФ, состоялась на Северском трубном заводе. Участвовали представители НИИ, а также крупных нефтяных компаний «Лукойл», «Башнефть», «Юкос» и других (2000).

зволит улучшить ее химический состав и удалить вредные примеси — фосфор, серу и т.д.

Проектирование установки и поставку ее оборудования производит немецкая фирма «Маннессман-Демаг», которая помогала строить мартеновский цех еще в 1927 году.

Финансирование строительства установки «Печь-ковш» осуществляет сам Северский трубный завод.

Впервые в мартеновском производстве разработана и внедрена механизированная футеровка сталеразливочных ковшей методом заливки кварцевой массы. Состав этой массы запатентован в Швеции, Франции, Японии.

Сталеплавильщики освоили непрерывный замер температуры жидкой стали в ковше в процессе разливки, смонтировали устройство для сушки ковшей под крышкой, осуществили переход на неразъемные центровые, разливку стали через шибберные затворы. А трубопрокатчики — производство обсадных труб с трапециевидальной резьбой. Причем северцы единственные в отрасли, кто делает такие трубы.

Сейчас основная продукция ОАО «Северский трубный завод» по своему качеству не уступает лучшим мировым достижениям.

Впрочем, социально-экономический кризис, инфляция, спад производства в стране в начале 1990-х годов сильно отразились на работе предприятия. Резко сократился объем производства труб и другой продукции, как и число их заказчиков. На складах скопились тысячи тонн труб. Совсем был остановлен стан 102-220.

Чтобы сохранить платежеспособных потребителей и выдерживать конкуренцию, завод был вынужден не повышать цены на свои трубы. И начал «оживать». Правда, очень медленно. Только свое 260-летие в 1999-м встретил более-менее благополучно.

В аналогичной ситуации пребывали в период реформ и другие предприятия города.

Школьники помогают заводчанам убирать урожай не безвозмездно: часть урожая идет в школьные столовые. За собранный ребятами металлолом деньги перечисляются тоже в школьный бюджет. 25 % школьников бесплатно посещают бассейн Дворца спорта Северского трубного завода (2000).

Возродится ли древний рудник?

О восстановлении Гумешевского рудника начали думать, когда здесь работала Дегтярская геологоразведочная партия. Ей предстояло отыскать запасы медной руды. Уже первые скважины глубокого бурения выявили значительные ее залежи, подтвердили необходимость восстановления рудника.

В 1940 году после откачки воды горняки приступили к восстановлению шахты «Георгиевская» и к проходке разведочной «Южной». Чтобы дать заключение о перспективах рудника, прибыла экспертная группа из Академии наук СССР во главе с академиком А. Н. Заварицким (он, будучи студентом, проходил практику на Гумешках еще в 1916 году). Ученые высказались за скорейший ввод рудника. Однако война остановила работы по его реконструкции.

В 1950 году по проекту института «Унипромедь» работы возобновились. С помощью новейшей горной техники Гумешевское месторождение возродилось — стволами шахт Южная и Капитальная. Последняя достигла глубины 250 метров. Бетоном покрылись ее стенки, рудничные дворы, уловительные камеры, площадки подземных бункеров. Десятки тысяч кубометров воды способны были принимать специальные подземные водосборники.

Значительно облегчился труд горняков — все тяжелые подземные работы теперь выполняли механизмы, бурение велось перфораторами, погрузка — машинами, очистные работы — скреперными лебедками. В штреки пришло элект-

На базе полеской школы № 16 открылся компьютерный центр — установлено 12 современных компьютеров. Здесь будут обучаться ребята из пяти городских школ, а также пос. Зюзельский и Полдневая. «Виноградники» повешества — городской бюджет, Полеской криволинейный и металлофурнитурный заводы (2000).

А. Н. Заварицкий.

Более 70% бюджета г. Полевского формируется за счет налоговых отчислений от Северского трубного. По итогам областного конкурса налогоплательщиков завод получил серебряный «сертификат доверия» (2000).

ричество. Остались в прошлом обушок, лопата, тачка...

Химические анализы проб гумешевской руды, проведенные Всесоюзным институтом минерального сырья, подтвердили наличие в них золота, серебра и многих других химических элементов.

В декабре 1957 года Государственная комиссия приняла пусковой комплекс первой очереди Гумешевского рудника и решила его дальнейшую эксплуатацию. В этот день горняки праздновали его 250-летие.

Рудник продолжал развиваться. С помощью сотрудников института «Унипромедь» здесь впервые удалось применить щитовую систему добычи руды, внедрить гибкие искусственные перекрытия.

Словом, за четверть века работы рудника после его возрождения руды было выдано на-гора в несколько раз больше, чем за всю дореволюционную историю. Он представлял собой высокомеханизированное предприятие с передовой технологией и добытчиками высокой квалификации.

Но в 1994 году горные подземные работы были прекращены — ввиду отработки запасов руды в центральной части месторождения и большим притоком воды.

Теперь идут разведочные работы, чтобы определить запасы окисленных медных руд. Именно их намерено добывать и перерабатывать созданное на бывшем руднике предприятие «Уралгидромедь».

С 1998 года добычу этих руд открытым способом с извлечением малахита, меди и других ценных металлов начал Гумешевский участок производственного кооператива «Артель старателей «Крылатовская».

В мае 1996 года городская газета «Рабочая правда» опубликовала интервью с начальником Полевской геологоразведочной партии Д. Д. Штейнбергом. Геологи считают, что реальные запасы меди — 500 тысяч тонн, а с учетом прогнозов — и до миллиона — даже при минимальной цене меди дадут государству два миллиарда долларов! И без дополнительной разведки запасов хватит лет на пятьдесят.

Словом, полевчане и разведчики недр верят, что древний Гумешевский рудник обязательно возродится.

Зюзельский колледж

После затопления шахт Гумешевского рудника в 1876 году на поверхности остались обширные отвалы. Полагали, что извлечение из них меди — занятие неэффективное. И все же попробовали. За два года вручную было получено около ста тысяч пудов меди!

Но как ее эффективнее извлечь из породы? Инженер А. А. Гофман провел множество опытов и пришел к выводу: это можно сделать с помощью слабого раствора серной кислоты и осаждения меди на чугуне. Но тогда потребуется огромное количество кислоты. Где ее взять? Нашли ответ и на этот вопрос: в пяти верстах от Гумешевского рудника есть Зюзельское месторождение серноколчеданных руд. Однако из них кислоту еще надо получить.

В 1906 году Зюзельский рудник выдал на-гора первые тонны руды. А в сентябре 1907-го одновременно вступили в строй два новых завода-смежника — Гумешевский медеизвлекательный и Полевской сернокислотный.

Оказалось, что извлечение меди из отвалов промышленным способом осуществилось впервые в мире!

По договору с владельцами Сысертского горного округа строительство, а затем и эксплуатацию химического завода осуществлял Торговый дом «Братья Злоказовы». Договор был действителен до конца переработки отвалов. Строили завод по проекту немецкой фирмы «Гартман и Бенкер».

Оборудование Гумешевского медеизвлекательного заво-

В 1907 г. в России
меди выплавляли
всего 520 тыс. пудов.

В 10 раз больше, чем
ему дает государ-
ство, тратит на эко-
логию Полевской
криолитовый завод.
Стоимость экологи-
ческого оборудова-
ния составляет 8 %
от стоимости всех
остальных основ-
ных фондов (2001).

Вид
с Думной горы

М.П. Крамской
и П.П.Бажов

Старший механик
кислотного цеха
В.Н.Коростелев –
представитель са-
мой старой династии
Полевского
криолитового за-
вода. Стаж его рабо-
ты – 340 лет. Еще
дед Владимира
участвовал в стро-
ительстве завода.

да размещалось под открытым небом и использовалось только летом. По этой причине серная кислота зимой ему была не нужна. Ее превращали в купоросное масло, то есть в концентрированную кислоту, и продавали. Выбатывали также соляную и азотную.

В ноябре 1925 года иностранные концессионеры вместе с заводами получили от Уральского совнархоза Гумешевский и Зюсельский рудники. Планы были у них большие, в том числе извлечение из руд меди, золота, серебра...

Однако руды, что побогаче, англичане вывозили за границу. А в 1928 году и вообще поставили Зюсельский рудник на консервацию. После расторжения договора о концессии рудник переходил из рук в руки, пока не оказался в составе треста «Кировградмедьруда».

Вместо того чтобы заняться возрождением рудника, руководители треста предложили закрыть его и вывезти демонтированное оборудование. Тогда горняки написали письмо наркому тяжелой промышленности Г. К. Орджоникидзе. В итоге в 1936 году получили средства на реконструкцию рудника и строительство новой шахты «Капитальная».

Стали меняться рудник, поселок и люди. На Зюзелке обозначились первые улицы – Первомайская, Красноармейская, Октябрьская и другие. Поднялась своя начальная школа.

В 1938-м началась проходка шахты «Капитальная». Выдавала на-гора серноколчеданную руду «Пролетарка».

В 1939 и 1940 годах гостем зюсельских горняков бывал автор «Малахитовой шкатулки» Павел Петрович Бажов. Во второй раз он приехал с археологом Н. Н. Бортвиным. Приехал не гостить: учащиеся полевской школы № 1 обнаружи-

ли на вершине самой высокой в районе горы Азов сорок культовых изделий, изготовленных из меди и бронзы почти 2500 лет назад!

Горняки радовались жизни, работали с воодушевлением, строили дома, обзаводились семьями. Но грянула война. Около 200 мужчин, весь рудничный транспорт были мобилизованы на фронт. Все жители Зюзелки, от мала до велика, помогали руднику. С какой радостью узнали зюзельчане, что бывший горняк Николай Сергеевич Полежаев за свой фронтовой подвиг получил звание Героя Советского Союза!

После войны бывшие фронтовики вновь спустились в шахты. Значительных трудовых побед добилась бригада Леонида Васильевича Муртазина.

А поселок Зюзелка рос, хорошел. В 50-х годах в нем построили больничный городок, плотину питьевого пруда на Железянке. Ожили кирпичный завод, механические мастерские, лесопилка, шахта «Капитальная»... В 60-х годах шахтное рудоуправление построило детям трехэтажное здание школы.

Но вскоре геологоразведка вокруг действующих шахт рудника показала — запасы меди в недрах поселка иссякают. В 1977 году шахта «Капитальная» была закрыта. Горняки ушли работать на Северский трубный, на Полевские заводы — криолитовый, машиностроительный, металлообрабатывающий и металлофурнитурный, в лесную промышленность.

Город в «Малахитовом кольце»

Миновали 90-е годы XX века. В условиях рыночной экономики выстояли два градообразующих предприятия — ОАО «Северский трубный завод» и «Полевской криолитовый завод». Другие и по сей день испытывают серьезные трудности. Но если оглянуться на год 2000-й, то станет очевидным — Полевской расправляет плечи.

За этот год в городе сделано больше, чем за пять предыдущих лет, — восстанавливались дороги, благоустраивались и освещались улицы, вовремя стали выдавать зарплату работникам бюджетной сферы...

Полевской сегодня — один из самых динамично развивающихся городов области. Истоки ощутимых позитивных перемен — в устойчивой работе трубников, криолитчиков, машиностроителей, металлообработчиков, фурнитурщиков — всех полевчан.

А журнал «Коммерсант-Деньги» отнес рейтинг завода к числу самых высоких среди предприятий Российской Федерации.

В Полевском вводится в эксплуатацию плавильный комплекс медных и алюминиевых сплавов. Сюда переезжает из Верхней Пышмы ЗАО «Завод точных сплавов». Предприятие будет заниматься переплавкой лома и отходов цветных металлов в сортовые алюминиевые и медные сплавы (2001).

В школе № 20 состоялась презентация сборников пяти юных поэтов литературного объединения «Рассвет», которым руководит поэт А.Азовский. Книжки появились на свет благодаря фонду Язева и его программе поддержки гуманитарного образования. Благодарственные письма и премии юным поэтам вручил министр образования области В.Нестеров (1999).

**Дары Хозяйки
Медной горы**

Полевской криолитовый завод заключил договор с Румынией на поставку синтетического сырья высшего сорта. Прежде румыны получали его из Филляидин. Для криолитчиков это первый опыт экспорта своей продукции (2000).

Третий раз в Полевской средней школе № 21 прошел турнир по баскетболу, посвященный памяти любимого учителя физкультуры и тренера Ю.Коваленко. Итоги турнира подвела его жена Валентина Ивановна, тоже физорг этой школы (2001).

Другой градообразующий завод — ОАО «Полевской криолитовый» стал членом «СУАЛ-Холдинга» — Сибирско-Уральской алюминиевой компании, второй в России после компании «Сибирский алюминий». И вот результат: помимо выпуска основных видов продукции завод сумел завершить реконструкцию хозяйственной канализации — важнейшего для города объекта. Закончено составление геофизической карты дна Железянского пруда. Теперь на ее основе совместно с НИИ водного хозяйства начнется очистка хозяйственных вод — естественным путем, с помощью растений.

Волнует полевчан судьба закрытого Гумешевского рудника. Ведь, по некоторым оценкам, Гумешки располагают миллионом тонн окисленной меди. Только вот технология выщелачивания у нас практически не применялась.

Увидеть свой город объектом туризма, хотя бы регионального масштаба, полевчане мечтали еще в середине 80-х годов. Было даже создано специальное бюро. В городе был открыт памятник П.П. Бажову, площадь, улица и библиотека названы его именем. На зданиях, которые «помнят» Павла Петровича, установлены мемориальные доски. Регулярными стали посвященные великому сказителю выставки книг, картин, фотогографий...

В 1998 году полевчане вернулись к «Бажовской программе». И в том же году начали ее осуществлять — из печати вышел первый том книги «Полевской край». Она была создана местными авторами.

В ноябре 1999 года Дума муниципального образования «Город Полевской» утвердила конкретных исполнителей «Бажовской программы», сроки ее выполнения, объем и источники финансирования.

Скалы Ворота
на Азов-горе

Более 50 предприятий стали спонсорами чемпионата РФ по парашютному спорту «Европа – Азия – Атриум» в селе Курганово (2001). Чемпионат получил высокий статус не только в России, но и за рубежом.

Предстоит организовать культурно-экспозиционные комплексы, связанные с именем П. П. Бажова, открыть курсы экскурсоводов, завершить регистрацию и паспортизацию местных памятников истории, культуры и архитектуры... Благодаря улучшению социально-экономической обстановки в городе многое из намеченного уже начато.

Правительство области поддержало полевчан. Город включен в туристскую программу «Малахитовое кольцо Урала». Его маршрут пройдет через Екатеринбург, Сысерть, турбазу «Солнечный камень», Челябинскую область, поселок Асбест, село Косой Брод, город Полевской и завершиться в Екатеринбурге.

Полевчане наметили обновить дороги, по которым пролягут автомобильные и пешие маршруты, создать гостевые и смотровые площадки на горах Думной и Малаховой, отремонтировать и пополнить новыми экспонатами городской музей, создать экспозиционный комплекс-музей на Гумешевском руднике, а на территории литейного двора снеженной доменной печи № 2 на Северском трубном заводе – производственный музей под открытым небом.

Гости Полевского увидят восстановленную на Думной горе сторожку дедушки Слышко, на Гумешевском руднике их встретит Хозяйка Медной горы, они смогут отдохнуть в городе и на горах – Думной, Малаховой, Азов-горе.

Полевскому и его окрестностям есть чем сверкнуть в драгоценном ожерелье Среднего Урала.

Хроника Полевского

- 1680 — основана деревня Чусовая в районе нынешнего с. Курганово.
1700 — первое документальное упоминание деревни Полевской.
1702 — на *гуменцах* открыто месторождение медных руд.
1709 — основан Гумешевский медный рудник. На реке Полевой открыты медные и железные руды.
1718 — основан Полевской медный рудник и первое поселение.
1720 — основаны деревни Курган, Косой Брод, Раскуиха и Красная Гора.
1723 — построены Горнощитская, Кособродская и Полевская крепости.
1724 — начато строительство Полевского медеплавильного завода.
— начата добыча кособродского мрамора.
— заложена домна для плавки местных железных руд.
1725 — прекратил работу Полевской медный рудник.
1726 — в Полевском родился выдающийся гидротехник XVIII в. К. Д. Фролов (умер в Барнауле в 1800 г.).
1727 — завершено строительство медеплавильного завода.
1731 — возведена деревянная церковь во имя святых Петра и Павла.
1734 — получен первый чугун в домне Полевского завода.
1735 — началась добыча железной руды в Косом Броду.
— построены Северская, Кунгурская и Полдневская крепости.
— начато строительство Северского железоделательного завода и Кунгурской пыльной мельницы.
1739 — пущен Северский железоделательный завод.
1751 — при Северском заводе построена камнерезная фабрика.
1755 — в Северской слободе открыта церковь во имя Живоначальной Троицы.
1757 — Полевской, Северский и Сысертский заводы, образовавшие Полевской горный округ, проданы казной А. Ф. Турчанинову.
1758 — в Гумешках открыты мощные залежи углекислой меди.
1765 — генерал-майор Я. Даниленберг начал строительство Горнощитской мраморной фабрики в селе Мраморском.
1770 — Полевской посетили академические экспедиции П.С. Палласа и И. И. Лепехина.
— на Гумешевском руднике добыта глыба малахита весом 96 пудов, подаренная А. Ф. Турчаниновым императрице Екатерине II.
1780 — на Северском заводе дотла сгорела кричная фабрика.
1787, 21 марта — умер А. Ф. Турчанинов. Похоронен на кладбище Александро-Невской лавры в Санкт-Петербурге.
1798 — на Гумешевском медном руднике установлена первая на Урале паровая машина для откачки воды из шахт.

1807–1808 — на заводах округа прошли волнения мастеровых.
1812 — для нужд армии в округе было изготовлено 94 тыс. ядер и бомб.
1822 — умерла вдова А. Ф. Турчанинова — Филицата Степановна.

- прекратила выплавку чугуна домна Полевского завода.
- 1825 — волнения мастеровых и горняков в связи с задержкой жалования.
- 1829 — проведена реконструкция плотины Северского завода.
- 1832 — «участие в заводах» купил внук А. Ф. Турчанинова ротмистр П. Д. Соломирский, который после 1856 г. станет основным владельцем.
- 1839 — на Северском заводе сгорела кричная фабрика.
- 1854 — волнения рабочих на заводах и золотых приисках округа.
- 1860 — на Северском заводе построена доменная печь № 1.
- 1861–1864 — заводы округа за долги перед банками на пять лет отданы в казенное управление.
- 1870 — умер П. Д. Соломирский; его наследником стал сын — Д. П. Соломирский, владевший заводами до 1911 г.
 - в поселке Полевского завода открыта мужская земская школа.
 - на Гумешки приехала комиссия правления горных предприятий Урала во главе с инженером Померанцевым для «освидетельствования» рудника.
- 1871 — прекращены работы на Гумешевском руднике, в связи с чем Полевской медеплавильный завод перестроен в железоделательный.
- 1872 — открыты Полевская женская школа и Полдневское начальное училище.
- 1876 — начато строительство Глубочинского пруда. Сооружение плотины закончено в 1887 г.
- 1884 — начаты разработки хромистых руд на Северском месторождении.
- 1887 — на Северском заводе построена доменная печь № 2; начались реконструкция и расширение завода.
- 1880-е гг. — открыты рудники: Кулигинский, Сосновский, Рябинновский, Северский, Аркадьевский, Смородинский, Осинковский и др.
- 1893 — на Северском заводе пущена мартеновская печь № 1.
- 1893–1895 — проживание семьи П. П. Бажова на Полевском заводе.
- 1895 — начато строительство больницы округа в Полевском заводе.
- 1896 — открыто железнодорожное движение Екатеринбург–Челябинск.
- 1898 — в Полевском появились электроосвещение, а также телефонная связь — с Екатеринбургом, Сысертью и внутризаводская.
- 1905 — прошла пятимесячная забастовка рабочих Сысертского и Полевского заводов.
- 1906 — пущена Штанговая электростанция.
 - начата добыча серного колчедана на Зюзельском руднике.
- 1907 — основан Полевской серноокислотный (химический) завод.
 - начал работу Гумешевский завод по «мокрому» извлечению меди из старых отвалов.
- 1909 — в Полевском заводе создана группа РСДРП.
- 1911 — пущен Гумешевский медеплавильный завод для выплавки меди из зюзельских сульфидных руд.
- 1912 — Сысертский горный округ продан в собственность русско-английского АО «Сысерт Компани Лимитед» с конторой в Лондоне.

- 1913 — ликвидирована контора «Торговый дом «Братья Злоказовы».
- 1914 — остановлена доменная печь № 2 на Северском заводе.
- 1915 — Полевским химическим заводом осуществляется поставка Артиллерийскому управлению серной кислоты.
- 1917, март — созданы Советы рабочих депутатов в Северском и Полевском.
- 1917, июнь — на заводах введен рабочий контроль.
- 1917, октябрь — власть в округе перешла в руки Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов.
— начата организация отряда Красной гвардии.
- 1917, декабрь — национализация заводов.
- 1918 — ушли на фронт отряды добровольцев Полевского и Северского.
- 1918, 21 июля — Полевской и Северский поселки заняты белыми.
- 1919, 16 июля — Полевской район освобожден от белочехов и колчаковцев.
- 1919, октябрь — на фронт ушли 78 северчан; против чехословацкого корпуса заводы отправили 9 красногвардейских отрядов.
- 1920 — Полевской железодобывающий и Северский металлургический заводы переданы тресту «Гормет».
- 1921 — Северский завод поставлен на консервацию.
- 1922 — химзавод передан в трест «Уралхим» и преобразован в комбинат.
- 1923 — Полевской железодобывающий завод стал цехом Сысертского завода.
— возобновлена добыча руд на Зюзельском руднике.
- 1925 — прекращена деятельность Полевского завода, а заводы и рудники перешли в ведение концессии «Лена Голдфилдс Лимитед».
- 1927 — на базе Полевского завода создан райпромкомбинат.
- 1929 — на Думной горе воздвигнут памятник полевчанам, погибшим в годы гражданской войны.
— на химзаводе впервые в стране получены фтористые соли.
- 1930 — ликвидирована английская концессия.
— создан колхоз «Красный партизан».
- 1927–1930 — на промкомбинате появились лесопилка, пимокатный, столярный, гончарный, механический и другие цеха.
- 1930 — на химзаводе открылся химический техникум.
— начато строительство криолитового завода.
- 1932 — начато возведение поселка Ленинский.
— на химзаводе начат выпуск многотиражки «Полевской химик».
— в поселке металлургов построена средняя школа № 4.
- 1933 — вступил в строй криолитовый завод; получена первая партия отечественного криолита.
- 1934 — застройка поселка Зюзелка.
- 1935 — массовое распространение стахановского движения.
— на Северском заводе введен листопркатный стан № 1.
- 1936 — первая заводская олимпиада художественной самодеятельности.
- 1938 — в Ленинском поселке приступили к строительству многоквартирных каркасно-засыпных домов.
— начато восстановление Гумешевского рудника.

- 1939 — стахановец криолитового завода А. И. Полежаев первым на предприятии награжден медалью «За трудовую доблесть».
- 1940 — Гумешки посетила экспедиция Академии наук СССР во главе с геологом академиком А. Н. Заварицким.
- 1941 — в Полевской эвакуирован московский завод «Красный металлист».
— на Северском заводе обособились московский жестекатальный завод, управление «Донбасстязжстрой» и другие организации.
- 1942 — закончено строительство железнодорожной ветки от Зюзельского рудника до станции Сысерть.
— на Северском заводе освоен выпуск оцинкованного листа.
- 1943, 11 сентября — во время 201-го боевого вылета погиб командир эскадрильи бомбардировщиков дальнего действия гвардии майор Герой Советского Союза С. П. Данышин.
- 1943, 17 ноября — звание Героя Советского Союза присвоено Е. Ф. Зеленкину.
- 1944, 15 января — за форсирование Днепра А. И. Жилину присвоено звание Героя Советского Союза.
- 1944, 10 февраля — орденами и медалями награждены 28 работников Полевского криолитового завода.
- 1944, 22 февраля — Звание Героя Советского Союза присвоено Н. В. Кологойде.
- 1944 — на Северском заводе введен в действие листопрокатный стан № 3.
— открыта школа рабочей молодежи.
- 1945, 27 февраля — звание Героя Советского Союза присвоено И. С. Полежаеву.
- 1945 — заложен первый в городе коллективный сад.
- 1946 — на криолитовом заводе освоено производство особо чистой серной кислоты.
- 1947 — на Северском заводе прокатан первый лист *белой жести*.
- 1948 — введена в строй средняя школа № 6 в Октябрьском поселке.
- 1951 — на берегу р. Чусовой открыт пионерский лагерь для детей северчан.
- 1952 — открыт кинотеатр «Металлург».
- 1953 — введен в строй новый стадион криолитового завода.
- 1954 — вблизи с. Курганово открыт Дом отдыха северских металлургов.
- 1955, 7 ноября — вышел первый номер многотиражной газеты «Белая жесь», ныне «Северский рабочий».
— в Полевском открыт консультационный пункт Нижне-Тагильского металлургического техникума.
- 1956 — Северскому металлургическому заводу присвоено имя Ф. А. Меркулова.
- 1957 — на Северском заводе открыт профилакторий.
— дал первую продукцию молочный завод.
— на Ленинской площади состоялось открытие Дворца культуры металлургов и памятник В. И. Ленину.
- 1958 — директору Северского металлургического завода В. Г. Вершинину и сталевару А. М. Русину присвоено звание Героев Социалистического Труда.
- 1959 — возобновил работу Гумешевский рудник.

- вышло постановление о строительстве на СМЗ трубоэлектросварочного цеха № 2.
- 1960 — на заводе «Красный металлист» открыт вечерний машиностроительный техникум.
- 1961 — «Красный металлист» и завод оцинкованной посуды объединены в машиностроительный завод.
- 1963–1965 — на Северском металлургическом заводе пущены в работу трубоэлектросварочные станы, постановлением СМ СССР от 12 ноября 1965 года завод переименован в трубный.
- 1966 — сталевару Северского трубного завода Ю. А. Смирнову присвоено звание Героя Социалистического Труда.
- 1967 — впервые в СССР освоено производство труб с помощью токов радиочастоты.
- 1968 — полевичане отметили 250-летие своего города.
- 1971 — аппаратчику криолитового завода А. Е. Бояринцеву и прокатчику Северского завода В. М. Брянцеву присвоено звание Героев Социалистического Труда.
- проведено общесоюзное совещание по координации научно-исследовательских работ в области производства фтористых соединений.
- 1972 — открыт Дворец спорта северских металлургов.
- 1974 — в поселок криолитчиков подана горячая вода с центральной водогрейной станции завода.
- введены в строй новые цеха — печной и солевой, а также первая очередь комплекса ПКЗ по производству фторосолей.
- 1975 — полным ходом идет строительство первой очереди комплекса трубопрокатного цеха.
- 1976 — принята в эксплуатацию вторая очередь криолитового завода.
- введена в строй первая очередь комплекса трубопрокатного цеха № 1.
- выдал первую продукцию новый металлофурнитурный завод.
- на предприятиях города внедряется комплексная система управления качеством продукции.
- 1977 — вошло в строй отделение по производству обсадных труб.
- 1978 — гостем полевичан был летчик-космонавт А. А. Егоров.
- 1980 — в объединении «Полевсклес» принят в эксплуатацию комплекс цехов по производству речных щитов.
- 1981 — Северский совхоз награжден Дипломом 1-й степени ВДНХ СССР.
- 1982 — открыт Дом культуры строителей.
- 1983 — начата застройка жилого массива «Зеленый бор».
- 1984 — на Северском трубном сдана в эксплуатацию вторая очередь трубопрокатного цеха-гиганта.
- 1985 — в северной части города построен новый автовокзал.
- 1986 — сданы в эксплуатацию сооружения Глубочинского гидроузла.
- 1987 — рекомендован для широкого распространения почин северчан «Трудовой и общественной дисциплине — гарантию коллектива».

- 1989** — на заводах города созданы оздоровительные комплексы.
- 1991** — Полевской криолитовый и Северский трубный переходят в подчинение вновь созданных концернов.
- 1993** — предприятия города преобразованы в акционерные общества.
— на предприятиях создаются филиалы «Уралпромстройбанка».
- 1994** — в южной части города вступила в строй новая АТС.
- 1997** — на предприятиях города происходит реорганизация отделов с учетом условий.
- 1998** — полеванчане отпраздновали 280-летие города; к этой дате издан краеведческий сборник «Полевской край».

Герман ИВАНОВ
В ДОЛИНЕ ТУМАНОВ

Преддверие

Герман Иванов – поэт, публицист, член Союза писателей России. До последнего времени возглавлял журнал «Уральский следопыт». Живет в Екатеринбурге.

Место, с которого без труда можно окинуть взглядом самые отдаленные уголки старинного уральского поселения – города Сысерти, его нынешние обитатели называют по-разному: Караульная гора, гора Бессонова или Бесенкова, а кто помоложе, – просто Бесеновка.

Впрочем, все эти названия, как утверждают краеведы, возникли значительно позже, во времена путачевского бунта. Летом же 1731 года, когда, согласно местному преданию, обозревал здешние окрестности знаменитый заводоустроитель, генерал-лейтенант, начальник Уральских горных заводов Вилим Иванович де Геннин, возвышенность была еще безымянной.

За двенадцать лет правления де Геннина, наделенного самим российским императором Петром Великим почти неограниченной властью над судьбами тысяч людей, утвердились на карте города-заводы: Невьянский и Каменский, Алапаевский, Нижнетагильский, Екатеринбургский, Чусовской, Уткинский... Нескончаемым потоком, конным и водным путями, переправлялись в центральные губернии, а потом и дальше — за границы — изделия из чугуна, железа, медь, золото, серебро, драгоценные и поделочные камни... Чем щедрее были на дары уральские недра, тем ненасытнее становились аппетиты хозяев здешних производств. Да и потребности с каждым годом возрастали, особенно в продукции из металлов — пушках, ядрах, холодном оружии, ибо честолюбивые планы Петра, казалось, не знали границ.

Посадке де Геннина на невеликую речку Сысерть предшествовала полученная им докладная записка, в частности, гласившая: «...около 1680 года близ речки Сысерти найдены были железные руды, и крестьяне Арамилской слободы давно уже делают из них железо в малых печах и продают его, платя десятину в Арамилскую контору».

Сведения эти, полученные генералом от крестьянина Федора Бабина, были тщательно проверены, и незамедлительно последовало распоряжение: «мужикам в малых печах крицы делать запрещу, и хотя из оных многие... кормилися, и чтоб впредь могли кормиться, повелеваю им вместо кричной работы железную руду копать и нам к заводам продавать по указанной цене, а им без обиды...»

Именно в 1722 году и зародилась у де Геннина мысль о строительстве нового казенного завода. Однако, занятый другими многочисленными делами, он приступил к ее осуществлению только спустя пять лет.

Окрестности, которые оглядывал генерал с самой высокой точки, поражали своей дикой первозданной красотой. Во все стороны волнами разбегались лобастые предгорья, покрытые малахитовым ковром стройных мачтовых сосен, а по низовьям и болотцам

Сысерть и корпус старого завода с горы Бессоновой

В. Н. де Геннин

расцвеченные пятнами белоствольных берез. Тоненькими питочками, прихотливо извиваясь между ними, прокладывали себе дорогу две лесные красавицы реки — Сысерть и Черная. Незначительные в то время следы деятельности человека надежно скрывала буйная растительность...

Только вряд ли ум почтенного государственного деятеля, обремененного насущными заботами, был предрасположен к столь поэтическому восприятию окружающего. Скорее всего, де Геннин острым и наметанным взглядом опытного инженера оценивал возможности сложившегося веками природного ландшафта с сугубо практической точки зрения. А именно: где выгоднее, дешевле для казны, ставить новый завод. И после долгих размышлений и прикидок решил: плотину строить надлежит в месте слияния двух рек.

Так ли было принято это решение или после иных многотрудных изысканий, неизвестно. Однако в исторических документах неопровержимо засвидетельствовано: строительство Сысертского завода, а следовательно, и самого селения Сысерть, переросшего спустя двести лет в культурно-промышленный районный центр, началось весной 1732 года.

Плотина

Непременным условием для возникновения чугуноплавильного и железоделательного производства было наличие неподалеку от него залежей железных руд и всех компонентов для их переработки: воды, больших лесных массивов, из которых черпалось сырье для отжига древесного угля, огнеупорных материалов — глины, талька, асбеста, строительных — дерева, камня, песка, различных присадок*, словом, уникального сочетания рудных, лесных и водных ресурсов.

Место, выбранное для строительства Сысертского завода, идеально отвечало этим требованиям.

Энергетическим сердцем заводов в XVIII–XIX веках были водяные колеса. Паровые, а тем более электрические двигатели появились значительно позже. Поэтому первой же и главной задачей было возведение плотины.

Самым подходящим по конфигурации берегов реки, характеру ее грунта для строительства первой плотины (потом были возведены еще три) оказалось место слияния рек Сысерти и Черной. Все здесь благоприятствовало скорейшему началу дела. Для его осуществления требовалось одно —

* Добавок.

Годом раньше произошло слияние Мануфактур-коллегии и Берг-коллегии в центральное учреждение, ведавшее горно-рудной промышленностью России (1732).

умелые рабочие руки. На Урале уже интенсивно работали многочисленные казенные и частные предприятия. Но даже на них ощущалась острая нехватка трудовых ресурсов. Известные по литературным источникам ожесточенные схватки между уральскими промышленниками, их ухищрения по части переманивания и закрепления за хозяевами рабочей силы были в самом разгаре. Опытных старателей, углежогов, рудокопов требовалось все больше.

На заводы, возводящиеся на казенный кошт*, царевыми указами со всех концов центральной России переселялись «приписные»** крестьяне. В большинстве своем они использовались на трудоемких строительных работах, не требующих большой квалификации. Но постепенно из их среды выходили настоящие мастера своего дела — металлурги, углежог, строители, камнерезы и талантливые управленцы.

К Сысертскому заводу были приписаны Ольховская, Красномыльская и Крутихинская слободы (ныне Курганская область), а также село Предтеченское и Ильинский острожек (Пермская область), которые находились от места строительства за триста с лишком верст. В работниках числилось 3510 душ мужского пола.

За недолгое уральское лето, до ледостава, необходимо было завершить строительство плотины, иначе работа теряла всякий смысл.

Кайлами, ломами, лопатами, а там, где скальные породы не поддавались, пороховыми зарядами поднимались и перемещались с помощью лошадиной тяги тысячи тонн грунта. Сооружаемая на Сысерти плотина числилась по тем временам одним из крупнейших гидротехнических сооружений. Планом предусматривалось, что длина ее составит 120 сажен, ширина — 18 и высота — три с половиной.

Прежде всего по всей длине будущей плотины отрыли ров до твердой породы, глубиной много ниже речного дна. По краю рва, обращенному в сторону будущего пруда, вбили три ряда могучих свай. На сваи уступами настелили бревенчатую обрешетку — *реж*. Места соприкоснове-

* Государственное содержание.

** Крестьяне, вместо уплаты подати работавшие на казенных и частных заводах.

Плотина Верх-сысертского пруда

Плотина Верх-
сысертского пруда

В годы, когда начиналась Сысерть, в Петербурге по проекту Д.Трезини возводилось здание 12 коллегий – будущий университет (1722–1734).

*Горный чин, соответствовавший XII классу. Табели о рангах (подпоручик).

ния со сваями тщательно переложили мхом, добытым из соседних болот, промежутки между поперечными бревнами плотно забили болотной глиной, которая не растворяется в воде. (Подробности технологии заинтересованный читатель может почерпнуть в книге «Индустриальное наследие Урала».)

И каков же результат строительства? Без малого два с половиной столетия, до своей реконструкции, затеянной в 1978 году, плотина, сооруженная уральскими умельцами с помощью самых примитивных орудий труда, с честью служила людям – собирала энергию воды и сдерживала гигантский ее напор во время паводков.

Одновременно с возведением плотины велось строительство домны с двумя печами для плавки чугуна, трех фабрик, оснащенных шестью мощными молотами, кузницы, складских помещений для хранения готовой продукции, «пробной» избы, где железо испытывалось на годность. Рубились избы для приказных служителей и мастеровых. Вокруг завода вставала крепостная стена с четырьмя бастионными башнями.

Всеми работниками, как свидетельствуют документы, руководил выпускник московской инженерной школы гитен-фервальтер* Игнатий Никитич Юдин со своими многочисленными помощниками. С ноября 1722 года этот горный офицер будет командовать строительством одного из Пермских медеплавильных заводов – Пыскорского.

Озеро Малое
Карасье в окрест-
ностях Верхней
Сысерти

В академическую экспедицию по Сибири отправлялись И.Тмелин, Г.Миллер, Делиль, С.Крашенинников (1733).

Вышел Указ императрицы Анны Иоанновны о папальствениной передаче бродяг и нищих на фабрики (1736).

Уже в августе 1733 года на новом заводе было произведено железо. Однако первый блин получился комом. При испытаниях металл не прошел пробу. Оказалось, что чугуны, выплавленные из разведанных к тому времени руд, не соответствовали нужным стандартам. Об этом тотчас было доложено де Геннину, и он принял решение: смешивать сысертский чугун с привозным — каменским, чтобы «железо было лутче и на пробе стояло».

В результате за первый год работы завода было произведено около 25 тысяч пудов (более 400 тонн) железа. Поскольку на заводе установили технику, считавшуюся по тем временам самой производительной и передовой, такое количество продукции явно не удовлетворяло высшее руководство. Надежды на быструю отдачу от Сысертского завода не оправдывались. Одна из причин та, что государственных средств на оплату труда выделялось мизерно мало. Все попытки заставить приписных крестьян работать более интенсивно кончались неудачей. Ввиду нищенской зарплаты за каоторжный подневольный труд они всеми способами старались избежать повинности.

Документы того времени свидетельствуют, что развитие завода фактически приостановилось. Даже спустя 19 лет после пуска он производил в год всего 35 тысяч пудов чугуна. Вихри, поднятые Петром, постепенно затухли. Наступала пора чиновников-временщиков, более радеющих о собственной, чем о государственной, выгоде. Казенные уральские заводы стали настолько перепентабельны, что правительство, подсчитав все убытки, приняло решение о продаже многих из них частным лицам.

Судьба Сысертского завода вверялась новому хозяину.

Турчанинов

Царствование императрицы Елизаветы Петровны (1741–1761).

Претендентов на покупку у государства казенных заводов оказалось великое множество. Среди них числились небезызвестные Строгановы и другие, не менее знатные и богатые люди. Для того чтобы получить во владение лакомый кусок, в ход были пущены всевозможные средства: знакомства, связи, скрытые — в виде пожертвований и подарков — и откровенные взятки. Однако всех соперников в конце концов обошел Алексей Федорович Турчанинов.

Чем же покорила неприступных государственных вельмож Берг-коллегии безвестный солепромышленник и купец из провинциального уральского городка Соликамска?

Об этом не сохранилось никаких прямых свидетельств. Можно лишь предполагать, что желание получить заводы было настолько сильным, что он, по собственному признанию, «не одну площадь истоптал и не одни башмаки износил».

Весьма загадочны не только обстоятельства приобретения Турчаниновым Полевских заводов. Сама биография этого человека — странная цепь загадочного и необычайного везения.

О происхождении нашего во многих отношениях замечательного заводчика есть несколько версий. Вот одна из них. В 1730 году богатый купец М.Ф. Турчанинов принимает в свой дом мальчика-сироту из города Соликамска — Алексея Федоровича Васильева. Поначалу мальчик служил в доме на побегушках, выполняя различные мелкие поручения. Ловкость и смекалка, веселый и безбидный нрав приемыша настолько понравились по сердцу Михаилу Филипповичу, что он стал поручать ему все более сложные и ответственные дела. В конце концов подросший и возмужавший Алексей Васильев был назначен приказчиком.

К моменту смерти старика Турчанинова в сентябре 1733 года в руках молодого приказчика сосредоточились все бразды правления огромным хозяйством солепромышленника. Наследниками богатства становились жена и больная от рождения дочь Михаила Филипповича. Алексей Васильев предпринимает решительный шаг: он делает предложение дочери Турчанинова. По росписи приданого (*рядной записи*) все громадное состояние перешло к Алексею Федоровичу. Осталось поставить последнюю точку. В день бракосочетания он принял фамилию тестя.

Бывший сирота, а ныне богатый промышленник задумывает и весьма активно приводит в исполнение ряд новых честолюбивых планов. Приобретая во время службы приказчиком многочисленные знакомства, Алексей Федорович вскоре завязывает деловые связи с заводчиком Демидовым и добивается от него права на выгодных условиях пользоваться залежами медного рудника, расположенного близ села Красное. Одновременно он реконструирует Троицкий медеплавильный завод и строит при нем фабрику металлических изделий.

При этом затраты на художественную медную посуду, «ко-

А. Ф. Турчанинов

Вышел Указ императрицы о запрещении лицам недворянского сословия покупать крепостных (1746).

Указ о приватизации казенных горных заводов был введен еще императрицей Анной Иоанновной (1739).

Фрагмент памятника А.Ф. Турчанинову

С.А. Чумшиным открыты рудные богатства горы Благодать (1735).

торой доньине не видано», производимую приобретенными Алексеем Федоровичем лучшими мастерами, были выше стоимости самого товара. Однако молодой предприниматель оказался не только расчетливым, но и дальновидным: он сознательно шел на некоторые нужные расходы. Убыточные изделия весьма пригодились. Много дорогих вещей, в частности великолепный столовый сервиз, «разузоренный» русской финифтью, послал Турчанинов Высочайшему двору. Немало роскошных «штучных» подарков получили нужные люди — высокие вельможи и чиновники.

Императрица Елизавета Петровна благосклонно заметила старания молодого предпринимателя. 30 марта 1753 года Правительственный Сенат выдал ему патент на чин титулярного советника. В патенте значилось, что «по соизволению Императрицы пожалован он, Турчанинов, в чин титулярного советника, в ранг сухопутного генерала, за службу его солепромышленником и фабрикантом Троицкого завода». Ему, по слухам, покровительствует и один из самых влиятельных при дворе вельмож — граф П.П. Шувалов.

Алексей Федорович, набравшись практического опыта в управлении медеплавильным производством, спешил расширить дело, пока ему сопутствует удача. Прошение, которое он подал 14 июня 1756 года в Правительственный Сенат, гласило, что вследствие уничтожения соляных промыслов хозяйство терпит большие убытки, поэтому он просит отдать ему «безденежно» Полевские (в том числе и Сысертский) заводы с кунгурской пильной мельницей, а также с находящимися при заводах мастеровыми людьми в количестве 611 душ.

И Сенат принял постановление, по которому Турчанинов получал заводы в вечное и потомственное владение.

Но и соперники Турчанинова, бароны Строгановы, не были намерены так легко уступить в борьбе. Они на основании жалованных грамот утверждали, что земли, где построены Полевской и Северский заводы, принадлежат их предкам, и на этом основании просили, чтобы заводы были отданы им.

Разбирательство, которое по поручению Сената вела канцелярия Главного правления Сибирских заводов, длилось более года: было доказано, что владений Строгановых в тех местах никогда не было, и Берг-коллегия уже окончательно решила передать заводы Турчанинову.

Условия передачи состояли в следующем: «всему, имеющемуся при заводах, заводскому строению с плотинами и механизмами, а также квартирам, лавкам, площадям... составить подробную опись и справедливую оценку; составить подробную ведомость о количестве всех заводских материалов с указанием цен, по которым они обошлись казне, доставить сведения о вновь открываемых и открытых медных и железных рудниках и о приграниченных заводу лесах... За все припасы, руду, уголь, чугун, дрова и прочее Турчанинов выплачивает казне их стоимость в течение пяти лет, а при неуплате их в

Оффцеры горно-
заводских войск.
1. Оффцтер горно-
заводских войск
2-я пол. XVIII в.
2. Штаб-оффцтер
Корпуса горных
инженеров. 1834.
3. Обер-оффцтер
Корпуса горных
инженеров. 1855.
4. Горный инже-
нер. 1885.
5. Штейгер. 1896.
6. Горный инже-
нер. 1904.

срок в последующие десять лет — с начислением шести процентов... Турчанинов обязывается содержать заводы в полной исправности: распространять и умножать сильною рукою и крайнее иметь старание, чтобы выковка железа и выплавка меди, против казеннаго содержания, была приумножена».

Кроме того, новый владелец без разрешения Берг-коллегии не имел права возводить какие-либо технические сооружения, обязывался платить за мастеровых, рабочих людей и приписных крестьян, используемых в производстве, подушные подати, поставлять в случае надобности для казенных нужд медь, железо и чугун или изделия из него по строго определенным ценам. Ставился еще целый ряд условий и ограничений, которые Турчанинов должен был неукоснительно выполнять.

За отданные ему
строения и фаб-
ричные запасы
Турчанинов в те-
чение 10 лет дол-
жен был выпла-
тить казне нали-
чными деньгами
146 685 руб. 67 коп.

Деревня Авериное,
к югу от Сысерти

Крестьянин-рудоз-
натец Г.Н. Постни-
ков начал геологи-
ческие изыскания
на Северном Урале
(1753).

Вышел Указ импе-
ратрицы об отмене
внутренних тамо-
женных пошлин
(1753).
Начал работать
Березовский золо-
топромывальный
завод (1753).

Учреждены пер-
вые в России заем-
ные государствен-
ные банки — дво-
рянский и купе-
ческий (1754).

Сысертский завод располагал тогда доменной печью, пятью кричными горнами, якорной фабрикой, двумя медеплавильными печами и горном для переливки меди в слитки. Чтобы поднять производительность, Турчанинов прежде всего восстановил две остановленные медеплавильные печи, завел листокатальное. В сжатые сроки была введена в строй слесарная фабрика, где вскоре начался выпуск различных изделий из меди.

Уже через год стало ясно, что нововведения Алексея Федоровича дали мощный импульс развитию производства. Количество выкованного железа возросло с 32447 пудов до 55416. В два с лишним раза больше было выплавлено меди. Причем особое внимание Турчанинов обращал на качество: железо отличалось от продукции иных производителей своей гладкой поверхностью, то есть идеальной обработкой, а медь имела «приятный» для глаза цвет.

Легенды и были о жестокости Алексея Федоровича, его «жесткой руке» и крутом праве широко известны благодаря стараниям историков и краеведов, особенно советского периода. Действительно, многие факты свидетельствуют об этом. Из песни слова не выкинешь. Но при этом необходимо помнить, что Турчанинов был верным сыном своего сурового века и в поступках руководствовался принятыми правилами поведения.

Высокая производительность достигалась не только введением новых мощностей и совершенствованием организации труда, но и за счет интенсификации трудовых процессов, жесточайшей экономии средств, незаконного привлечения рабочей силы. Вот характерный пример, взятый из журнала «Исторический вестник» за 1883 год.

«Перестроилась плотина. Работали баширцы из нелегальных. Вдруг нагрянула полиция. Не в ладах с ней был Турчанинов. Он велел поднять затворы. Вода хлынула и до сотни работавших на плотине смыла и похоронила их, а вместе с ними и вину Турчанинова».

Возможно, что это вымысел, а вот крестьянские волнения во времена правления заводами Алексея Федоровича — факт непреложный, подтвержденный многими историческими документами. И немудрено. Ведь основные тяготы от нововведений Турчанинова легли на плечи приписных крестьян. Весной 1759 года ожесточение некоторых из них достигло предела. Приписные Багаряка, Новоипатова и Колчедана самовольно оставили заводские работы и разъехались по своим деревням. Встревоженный заводчик отправил донесение в главное управление заводов,

которое отреагировало на него приказом: «Выслать на работы приписных немедленно, неприемля от них никаких отговорок».

Впрочем, крестьянские волнения продолжались недолго, ибо власти приняли самые крутые меры для их подавления и примерного наказания бунтовщиков.

Приписные и нелегальные рабочие эксплуатировались нещадно, их старались обмануть и обсчитать самым бессовестным образом. Однако к заводским квалифицированным мастерам и управленцам среднего звена отношение хозяина было совсем иным. Турчанинов отказался от услуг иностранных специалистов, пребывавших на уральских заводах. «На Сысертских заводах нет ни одного иностранца и весь состав распорядителей заключается в самых простых заводских людях, получивших здесь свое техническое образование и отличающихся практическим искусством», — свидетельствует один из документов. Значит, обучение среднего звена управленцев велось постоянно и целенаправленно, для чего выделялись необходимые средства.

Тот же принцип был заложен в подготовку квалифицированных «мастерков» — литейщиков, кузнецов, гранильщиков, столяров. Именно для этого Алексей Федорович перевел из-под Соликамска на новые заводы своих лучших специалистов. Сохранились для потомков фамилии некоторых из них: Степан Емельянович Стрежнин с сыном Михаилом, Пантелей Феклистович Суслов, Матвей Никифорович Большаков и его сыновья Федор и Дмитрий, Иван Алексеевич Чаплин. Они и многие другие оставшиеся в забвении мастера передавали свой бесценный опыт ученикам.

Об особом отношении А.Ф. Турчанинова к мастеровым свидетельствует и письмо Александра I пермскому губернатору: «Турчаниновы сами делают поблажки рабочим, подавая тем самым дурной пример для мастеровых других заводов». И хотя оно написано спустя много лет после смерти Александра Федоровича, это лишнее подтверждение того, что и наследники старались придерживаться порядков, установленных в свое время рачительным хозяином.

«Поблажки» эти заключались в следу-

И.И.Ползунов разработал проект первого в мире универсального парового двигателя непрерывного действия (1763).

Императрица Елизавета Петровна. Гравюра И.Соколова по оригиналу Л.Каравяка. 1746

Происходила массовые волнения приписных крестьян на заводах Урала (1754–1763).

Дворцовый переворот в пользу императрицы Екатерины Алексеевны. Убийство Петра III (1762).

Прибытие на Урал следственной комиссии по подавлению крестьянских волнений и расследованию их причин во главе с генерал-квартирмейстером А.А.Вяземским (1762).

Вооруженное выступление яицких казаков против местной администрации; появление на Яике Емельяна Пугачева (1772).

ищем: жителям Сысерти бесплатно выделялся лес для строительства жилых и хозяйственных помещений, жерди, дрова, закреплялись участки для покосов. Раз в год рабочим предоставлялся месячный отпуск с содержанием. Бесплатными были лекарства, медицинское обслуживание, обучение в школе.

Не следует, конечно, преувеличивать «гуманизм» Турчашинова. Скорее всего, его действиями руководил экономический и психологический расчет. В частности, отпуск мастеровым традиционно предоставлялся в летнее время, в страдную пору. Этим достигалось сразу несколько целей. На заводе приостанавливалось на месяц-полтора основное производство, чтобы привести в должный порядок износившиеся доменные печи, отремонтировать оборудование, поправить плотинное хозяйство и т.п.

И в то же время рабочие получали возможность использовать отпуск для заготовки сена и дров на долгую уральскую зиму, отремонтировать хозяйские постройки, переделывать массу других нужных дел, выполнять которые требовал сам уклад горнозаводской жизни. Ведь в сущности сносное существование заводских семей достигалось путем ведения полунатурального хозяйства, ибо на один заработок «кормильца» жить можно было только впроголодь. Как писал П.П. Бажов в своих «Уральских былях», «рабочий, имевший клочок покосной земли, старался использовать его для ведения хозяйства, в котором большинство рабочих видело единственную возможность стать независимым от заводского начальства».

Тот же экономический расчет лежал в основе бесплатного школьного обучения и медицинской помощи. Грамотного человека гораздо легче обучить нужной для завода профессии, от немощного и больного на работе один убыток. Искусство управления заводским хозяйством по-турчашиновски состояло, по всей видимости, в том, что он, насколько это было возможно для личных интересов, старался не перегибать палку и потому, по сравнению с другими хозяевами, в глазах заводчан выглядел чуть ли не благодетелем. Недаром ведь сысертские мастеровые не только не приняли участия в пугачевском бунте, но и дали решительный отпор повстанческим отрядам.

Осада Сысерти

В самый разгар Крестьянской войны, в феврале 1774 года, большой (около 800 человек) отряд Ивана Грязнова, сподвижника Емельяна Пугачева, попытался овладеть Сысертским заводом, однако неожиданно натолкнулся на крепкое и хорошо организованное сопротивление местных жителей — мастеровых и служащих. Что же помешало пугачевцам, повсеместно находящим поддержку и сочувствие среди работных людей, крестьян и аборигенов-башкирцев, одержать победу над относительно малочисленной (до 300 человек) командой ополченцев?

Еще в октябре 1773 года Турчанинов, предвидя все последствия крестьянского бунта, предпринял ряд мер по предотвращению смуты, искоренению и подавлению революционных настроений среди подчиненных ему людей. Он потребовал от своего приказчика Шварева установить строжайший контроль за мастеровыми и работными людьми. Три раза в сутки надежные нарочные проверяли каждый дом и в случае отсутствия кого-либо из них тотчас объявляли розыск, арестовывали домочадцев, допрашивали их и принимали меры к поимке беглеца. Крамольные разговоры тщательно фиксировались доносчиками, «болтунов» незамедлительно заковывали в кандалы, изолировали. Рабочим строго воспрещалось без ведома конторы отлучаться из завода даже на малое расстояние.

Кроме репрессивных мер применялись и чисто агитационные. Среди заводчан искусно сеялись слухи о насилиях и зверствах повстанцев, особенно инородцев.

В своих письмах-приказах из соликамских владений, где Турчанинов лично организовывал оборону, он писал Ивану Швареву: «Хотя подлежащая обстоятельства и не предвещают опасности, однако то-ж надобно иметь всегдашнюю крайнюю осторожность: ружья чтоб были во всякой исправности и готовности, в праздничное время всех мастеровых от пьянства удерживать, чтоб всегда были в трезвом состоянии; караул иметь надежный денно и ночно и чтоб он был приумножен; особлив ж башкирцев ни под каким видом не только в завод, но и близь заводов отнюдь не допускать».

Опасения по поводу «башкирцев», сбор информации об их настроениях в деревнях, расположенных около озера Иткуль, как впоследствии оказалось, были вполне оправданы. Едва ли не все жители окрестных башкирских поселений приняли самое деятельное участие в бунте.

Работа секретной Горной комиссии по выработке новых правил труда приписных на горных заводах (1765–1767).

Первый манифест Пугачева от имени Петра III: начало Крестьянской войны (1773, сентябрь).

**Сысерть
и Сысертский
пруд с горы
Бессоновой**

Взятие Татищевской крепости и неудачная осада Оренбурга (1773, сентябрь, 1774, март).

Окружение Уфы башкирскими повстанческими отрядами (1773, ноябрь).

Распространение Крестьянской войны на заводы Южного Урала и Прикамья (1773, декабрь).

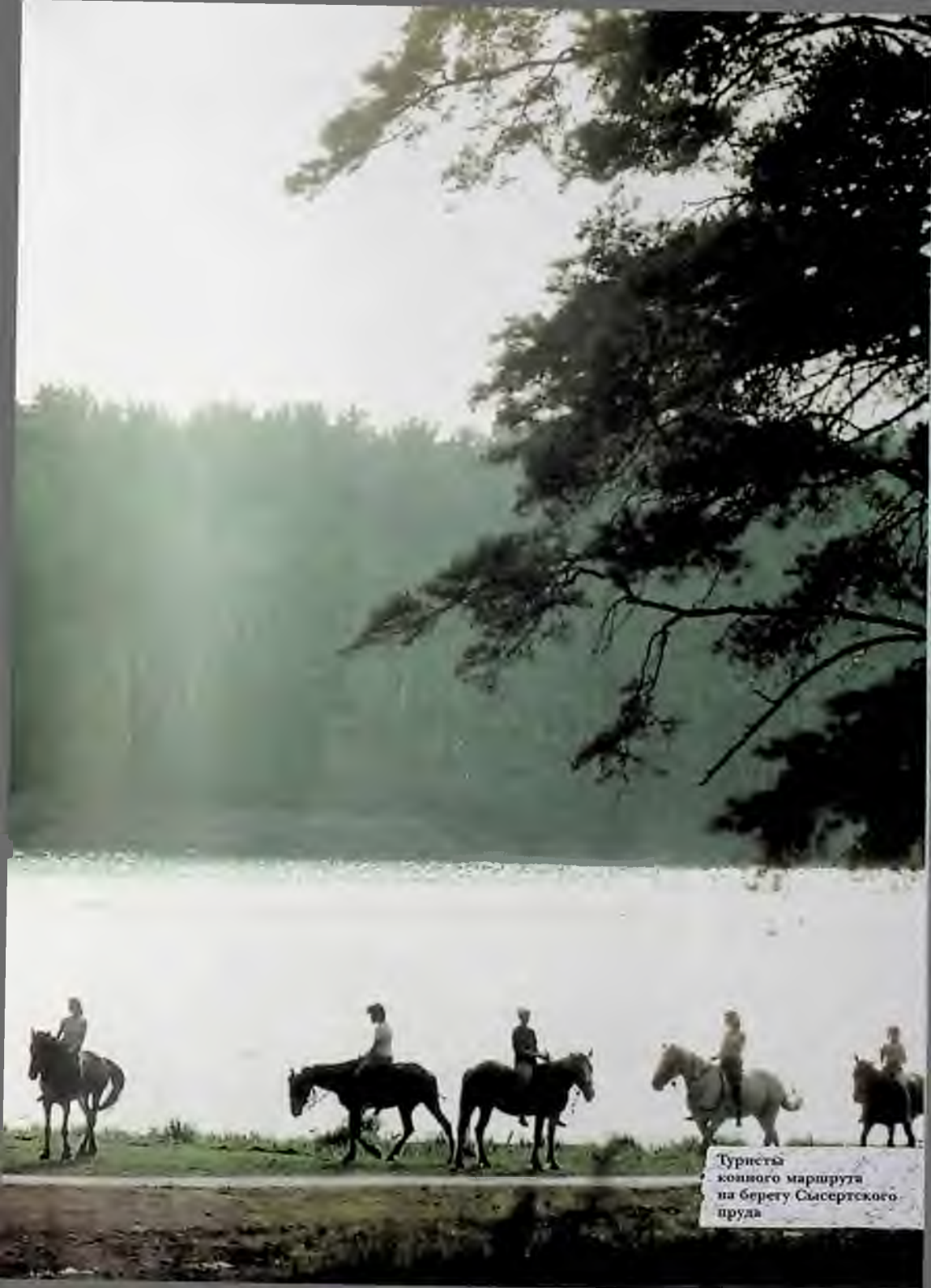
Взятие повстанцами Красноуфимска (1774, декабрь).

По прямому указанию заводовладельца была произведена перепись всех мужчин — мастеровых и вольнонаемных рабочих, начиная с пятнадцатилетнего возраста до семидесятилетних, способных выступить на защиту Сысерти. Всего в отряд ополчения вступило около 300 человек.

Не жалея затрат, Турчанинов загодя подготовил Сысерть к долговременной и надежной защите. Завод за короткое время был превращен в крепость с ледяным валом, рвами, рогатинами. Ополченцы были снабжены пушками, ружьями и холодным оружием, благо, всего этого на заводе было предостаточно. На всех подъездных путях устанавливались сторожевые пикеты. Даже лед на пруду, который к тому периоду уже заматерел, предусмотрительно был взорван, чтобы пугачевцы не смогли пробраться по нему к наиболее уязвимым местам обороны.

Утром 4 февраля 1774 года хорошо вооруженные отряды пугачевцев под предводительством Прязнова, обманув бдительность сторожевого пикета, расположенного на Щелкунской дороге, смяли его и вошли в заречную часть поселка, с ходу попытавшись взять штурмом и заводскую крепость, однако натолкнулись на ожесточенное сопротивление мастеровых.

Завязалась упорная схватка с применением всех видов оружия, в некоторых местах бойцы сходились врукопашную. Известная истина, что атакующие при хорошо организованной обороне несут большие потери, в полной мере подтвердилась. Ряды повстанцев быстро таяли, и в конце концов они вынуждены были отступить.

Турне
конного маршрута
на берегу Сыасертского
пруда

Емельян Пугачев

После боя защитникам завода с помощью женщин и детей, которые до поры прятались от обстрела в импровизированных укрытиях, пришлось долго тушить возникшие пожары.

Спустя всего две недели выяснилось, что неудача отнюдь не охладила пыл повстанцев. Отряды Грязнова вновь появились в окрестностях Сысерти. На этот раз они не стали спешить, решив хорошо подготовиться к решительному штурму. Их лагерь стоял на месте, известном нынче как лесопарк Лебяжье. Прежде всего на господствующей высоте, Караульной, с которой как на ладони просматривались цели, пугачевцы установили пушки и стали методично обстреливать завод и поселок, стремясь внести панику в ряды защитников. Лишь после артподготовки они пошли в решительную атаку.

Бунтовщики были уверены, что удача в этот раз будет на их стороне. Одного, вероятно, они не учли. Заводчане к тому времени получили солидное подкрепление. На помощь сысертицам успели подойти военные во главе с поручиком Томиловым. Хорошо обученные солдаты при дружной помощи мастеровых хладнокровно встретили врага, который, не выдержав сопротивления, был вынужден отойти на прежние позиции.

Дом Турчаниновых

Вид с плотины
Верхсыертского
пруда

Бунтовщики послали нарочных за помощью и уже на следующее утро, 17 февраля, усиленными отрядами в третий раз совершили нападение, но после долгого упорного боя были выбиты из завода, на этот раз уже окончательно.

В советской краеведческой литературе это событие обыкновенно умалчивалось. Действительно, на фоне быстрой и почти повсеместной сдачи хорошо укрепленных городов и крепостей пугачевцам, несомненно поддержанным работными людьми, а также местным башкирским населением, этот факт выглядит как исключение.

В бою, согласно преданию, был смертельно ранен сержант лейб-гвардии Бессонов, похороненный на горе Караульной, которую и станут звать Бессоновой (ныне чаще Бессовкой).

А.Ф. Турчанинов и на сей раз оказался дальновиднее и прозорливее остальных заводовладельцев, сумел найти нужный подход к умам и чувствам своих подданных. Барин, действуя и кнутом, и пряником, тонко сыграл на их экономических интересах. Так, не поскупился он на награды отличившимся — раздал мастерам 1000 рублей и приказал в честь победы выкатить несколько бочек казенного вина.

Осада Екатеринбурга войсками Белобородова и других пугачевских атаманов (1774, январь, февраль).

Впрочем, не остался без награды и сам Турчанинов. Спустя десять лет указом Екатерины II «за похвальные и благородные поступки, особенно учиненные им в 1773 и 1774 годах, Всемилостивейше пожалован с рожденными и впредь рождаемыми детьми его и потомками в дворянское достоинство Российской империи». Наконец-то сбылось то, к чему он всеми силами стремился всю жизнь. Но в это время Алексей Федорович, больной и уже дряхлый, про-

Поражение восставших в бою Татищевской крепости (1774, март).

Пленение и выдача
Пугачева властям
(1774, сентябрь).

Казнь Пугачева и
его соратников в
Москве (1775, ян-
варь).

живал в Петербурге, вверив управление заводами приказчикам.

Заслуги Турчанинова в становлении Сысертского завода трудно переоценить. Но хочется отметить еще одну, в некотором роде экзотическую для прижимистого хозяина прихоть. В захолустном заводском поселке появился зоопарк, рос зимний ботанический сад, содержались минералогический и археологический музеи и солидная по книжному собранию научная библиотека.

Алексей Федорович Турчанинов умер 21 марта 1787 года на 87-м году жизни. Прах его покоится в Санкт-Петербурге, в Александро-Невской лавре. На его могиле был установлен памятник, сделанный по проекту помощника архитектора Исаакиевского собора Николая Давыдова. В подножии памятника две символические фигуры мужчины и женщины. Одна из них олицетворяет Время, другая — Добродетель.

Новые хозяева Сысерти

Недаром русская народная пословица гласит: «Без хозяина дом — сирота». Смерть Турчанинова положила начало новому витку бесхозяйственности на Сысертском заводе. Огромное налаженное хозяйство, разделенное на части (законом запрещалось дробить округ между наследниками, так что он мог находиться лишь в совместном ведении семьи), по сути дела перестало существовать как единый организм.

Раздел имущества официально был оформлен 21 марта 1787 года. Свои доли наследства получили жена Турчанинова, Филицата Степановна, трое его сыновей и пять дочерей. Три дочери к тому времени еще не достигли совершеннолетия, и потому их паи были приняты в ведение опеки. Опекунами стали сама Филицата Степановна и коллежский советник Алексей Иванович Шнязе.

Каждый владелец получал в свое распоряжение соответствующую долю дохода от годовой выработки металлов. Все обязательства, взятые на себя прежним хозяином перед государственной казной, естественно, переходили и на наследников. Каждый из своей прибыли обязан был строго определенную часть вкладывать в «заводское действие». Вот здесь-то и неумеренная корысть, и неумелое управление хозяйством через «предприимчивых» приказчиков проявились в полной мере. Нужные средства выделялись поначалу частично, а вскоре управление совсем перестало получать какие-либо деньги на заводские потребности.

Деревня Малые
Сидельники вош-
ла в историю мес-
торождением ро-
донита (горного
ортеца).

На Нижнетагильских заводах открыта первая в России железная дорога с использованием паровоза Е.А. и М.Е. Черепановых (1834).

Русский физик и электротехник Б.С. Якоби изобрел электродвигатель (1834).

Издано «Учреждение о губерниях», увеличившее число губерний в России до 50; оно способствовало привлечению дворян в уездные и губернские учреждения (1775, ноябрь).

Шла русско-турецкая война. Войска Суворова разгромили турецкий десант под Кинбурном (1787).

Немудрено, что производительность Сысертского завода резко снизилась. Если в 1815 году здесь выплавлялось 27 тысяч пудов меди, то в 1834-м уже всего около восьми тысяч.

Беда не приходит одна. То, что рачительному во благо, — моту только в убыток. В 1832 году неподалеку от Сысерти были обнаружены золотые россыпи. Началась золотая лихорадка. Новые заводовладельцы в ущерб производству снижали рабочим с домен, кричных горнов, молотов и отправляли на добычу драгоценного металла. Наследники считали, что золото дает более быстрый и верный барыш.

Долги тем временем росли. Зятя Филицаты Степановны — Колтовской и Титов — уже успели накопить таковых опекунскому управлению до 60 000 рублей. Не намного отстал от них и сын Филицаты — Петр.

Несостоятельность завода, его малая производительность в конце концов обеспокоили правительство. В 1797 году Турчанинова была вызвана в Санкт-Петербург и волею неволей предстала с отчетом перед чиновниками Берг-коллегии. Естественно, ее объяснения не смогли удовлетворить правительство. Но еще большее недовольство проявили наследники. Завязались бесконечные споры, пошли бесконечные жалобы и на мать, и друг на друга.

Выяснения, кто виноват и кто кому должен, окончательно запутали дело. Действительный тайный советник Державин, определенный Высочайшим указом новым опекуном над имением дочери Турчанинова — Натальи Алексеевны Колтовской, расхлебывал кляузное дело около трех лет, но не добился никакого толка.

Пользуясь неразберихой, наследники вновь обратились к властям, обещая, что сами разберутся между собой. Их просьба была удовлетворена, представленный расчет одобрен правительством, однако вслед за этим они сами умудрились его опровергнуть.

Время шло, заводы по-прежнему оставались без денег, кредитование их было приостановлено. Производительность, а следовательно, и доходы стремительно снижались. Поэтому некоторые из наследников не выдержали и стали продавать свои пай.

Наталья Алексеевна Колтовская оказалась проворливее и расчетливее других и постепенно скупила права на заводовладение у части родственников, таким образом сосредоточив в своих руках значительную часть наследства.

По купчей крепости ее укрупненный пай вместе с наследственной долей был оформлен на сына Колтовской — ротмистра лейб-гвардии гусарского полка Павла Дмитриевича

Соломирского. Это событие произошло 29 апреля 1832 года — ровно через столетие со времени пуска Сысертского завода. Соломирскому в скором времени удалось прикупить пай еще некоторых наследников, и он стал обладателем восьми из четырнадцати их частей. Овладев, как сейчас говорят, контрольным пакетом акций, Павел Дмитриевич сумел, где уговорами, где применяя экономическое давление, заключить мировые сделки с остальными пайщиками. Только тогда наконец закончились имущественные споры.

Выплавка меди на заводе была прекращена. Все внимание стало уделяться производству чугуна, который перерабатывался на кричное железо. Полным ходом шла реконструкция предприятия: установлен прокатный стан, приводимый в действие водяным колесом, построены дровяные пудлинго-сварочные печи. Вследствие введения в строй новых мощностей завод уже не успевал перерабатывать весь выплавляемый чугун, поэтому в 1849 году в девяти верстах к юго-востоку от Сысерти был построен переделочный цех, названный Верх-Сысертским. Здесь на семи кричных горнах стали выделывать полосовое железо.

Но и на этом реконструкция не остановилась. В 1854 году небольшую реку Сысерть вновь перекрыли плотиной, на этот раз в нижнем течении. В шести верстах от основного встал Ильинский листокатальный завод. На нем сосредоточили переработку кричной болванки, поступающей из Сысертского и Северского заводов, на прекрасно выделанное листовое железо.

Неподалеку от основного завода построили каменный корпус механических мастерских. В нем разместились токарно-слесарное, меднолитейное, столярное отделения. Второй этаж занимали слесарная мастерская для мелких полодок и канцелярия. В этом же корпусе размещались водяные двигатели, кузница и котельное отделение. Мастерская снабжала весь завод токарными и слесарными изделиями, производила мелкий ремонт износившихся механизмов. Ее здание сохранилось на территории Уралгидромаша до наших дней.

**Ильинский
листопрокатный
завод**

Пермское и Вятское наместничества преобразованы в губернии (1797).

**Механический
завод**

Сысертский завод, осваивая окружающее пространство, быстро приобретал облик большого промышленно-торгового поселения. Росло число мелких кустарных производств, торговых лавок и магазинов, подсобных хозяйств, строилось новое жилье.

Особое внимание П.Д. Соломирский уделил устройству тюрьмы, где без суда и следствия содержались строптивые рабочие.

Впрочем, сам хозяин, Соломирский, мало вникал в производство и хозяйственные нужды заводских обитателей. Через него осуществлялось только общее руководство делами, где главным интересом хозяина было получение прибыли. И пока она поступала, Павел Дмитриевич ни во что не вмешивался.

*Гусар! ты весел и беспечен,
Надев свой красный доломан,
Но знай: покой души не вечен
И счастье на земле – туман.*

Эти строки написаны М.Ю. Лермонтовым в 1832 году. Именно в это время поэт служил в лейб-гвардейском гусарском полку, которым командовал богатый красавец, любимец дам петербургского света, Павел Соломирский. Михаил Юрьевич состоял в знакомстве и с семьей брата-близнеца своего командира, Владимира. Находясь под арестом, поэт получил от его жены, Марии Петровны, сочувственное письмо и в благодарность посвятил ей стихотворение «Над бездной адскою блуждая...».

П.Д. Соломирский

Хорошим состоянием своего хозяйства Павел Дмитриевич был обязан прежде всего новому управляющему — Федору Александровичу Хвоцинскому. Он слыл отличным специалистом-хозяйственником, вел дела крайне экономно и в особенности радел о ведении лесного хозяйства, которое после долгих лет хищнического лесопользования требовало заботливого и бережного отношения. Для охраны лесов и наблюдения за правильностью их эксплуатации на трех участках заводских дач — Сысертской, Северской и Полевской — содержались на службе трое лесничих да 106 человек постоянной конной стражи, ответственной за свои участки, а в пожароопасное время — весной и летом — нанимались до 180 пожарных-огневщиков с целью тушения возникающих пожаров.

При Хвоцинском впервые на Урале в качестве топлива при пудлинговании был

применен торф, введены в эксплуатацию контазские кричные горны. Управление Хвоцинского, как отмечает в исследовании «Сысертские горные заводы» А.Е. Гузеев, «замечательно сверх того тем, что он образовал многих заводских людей, из коих впоследствии вышли прекрасные деятели».

К сожалению, благоприятный для развития Сысерти период с уходом Хвоцинского подошел к концу. Осенью 1853 года новым управляющим был назначен горный инженер Кокшаров. По соглашению с владельцами он получил право на десять процентов прибыли от заводских доходов. Уже одно это обстоятельство предвещало беду. Выколачивая деньги из вся и всех, экономя на мелочах и не вкладывая в развитие производства ни копейки, новый управляющий довел хозяйство до полного разорения. К 1861 году знаменательному для России отменой крепостного права, владельцы Сысертского завода имели 2300 тысяч рублей частных долгов и 220 тысяч рублей казенных недоимок. Скандал разрастался. Завод был вновь взят на казенное содержание и даже назначен «в свободную продажу».

Желающих приобрести разоренное предприятие, видимо, не нашлось, и 9 июня 1864 года последовало Высочайшее повеление об отмене продажи Сысертских заводов. Владения вновь вернули Соломирским на льготных условиях — с рассрочкой казенного долга на 26, а позднее и на 37 лет.

В последней четверти XIX века Сысертские заводы полностью перешли во владение Соломирских. Павел Дмитриевич передал своему сыну в наследование свыше 80 частей заводских паев. Тот без особого труда скупил у последней Турчаниновой оставшиеся 20 процентов и, в отличие от прочих заводчиков, обыкновенно проживавших в Москве и Петербурге, прочно обосновался в Сысерти.

Бытуют разные мнения о личности Дмитрия Павловича Соломирского. Одни им восхищаются, другие говорят с пренебрежением. Сама неоднозначность оценок — верный признак того, что человек он был неординарный.

Учившись на математическом факультете Московского университета, Дмитрий Соломирский получил еще и юридическое образование. Служебную карьеру он начал в 1861 году в качестве мирового посредника по Пермскому уезду. Должность эта хлопотная и многотрудная, требующая изрядной доли выдержки, терпения и такта в разрешении споров между конфликтующими сторонами.

К.И. Кокшаров

Стоимость содержания лесной стражи обходилась в 28 тыс. рублей, но эти деньги обеспечивали хозяйственное лесопользование.

Металлурги горный инженер П.М.Обухов организовал отечественное производство стальных орудий (1857).

Утверждено положение о порядке освобождения различных категорий горнозаводского населения из крепостной зависимости (1861).

Д.П. Соломирский

В России создан особый комитет для обсуждения условий освобождения крепостных крестьян и рабочих (1858).

1 января 1858 года по инициативе сестры Дмитрия Павловича — Ольги Павловны — в Сысерти был открыт детский приют, который получил название «Иверский» в честь образа Иверской Божней Матери, пожертвованного основательницей.

Нужно заметить, что на Сысертских заводах с давних времен существовали училища, где обучались исключительно мальчики. Девочки же в своем большинстве оставались совсем безграмотными. Только малая часть более состоятельных родителей могла отдать своих дочерей на обучение полуграмотным учительницам-старушкам, которые помогали им освоить азбуку. Умение читать Псалтырь и

Часослов — вот максимум того, что они могли дать своим ученицам.

Загоревшись идеей распространения женской грамотности в Сысерти, Ольга Павловна, еще с разрешения своего отца, поручила управляющему разработать проект учреждения приюта. В постановлении главной конторы Сысертских заводов от 26 ноября 1857 года по этому поводу, между прочим, говорилось: «...потребность в благоправных, религиозных и грамотных женах между обитателями заводов ясно сознавалась инициаторами просвещения, так как по справедливому их мнению только жены, обладающие вышеозначенными качествами, могли иметь благотворное влияние на смягчение невежественных и грубых нравов своих мужей, а также и на воспитание в духе православия будущего поколения».

Кроме этих высоких целей преследовалась и более будничная — призреть (т.е. дать кров и пропитание) беднейших сирот, живущих в Сысерти.

Средства на открытие приюта и его содержание до 1861 года выделялись заводоуправлением. После отмены крепостного права сысертское общество постановило выделять на содержание приюта деньги, вырученные от взимания налогов за место на торговой площади и арендного сбора от торговых лавок. Однако их оказалось явно недостаточно. Пожертвования доброхотов тоже представляли мизерную сумму, поэтому заводская контора возобновила субсидирование, но уже в меньших размерах. Если в 1858 году оно составило 2224 рубля, то с 1865 года постоянно выделялось по 600 рублей дополнительно к обязательным сборам.

Поначалу приют размещался в обыкновенном частном

доме. Но вскоре воспитанницы были переведены в заводское здание, стоявшее на углу торговой площади.

Обстановка в приюте вполне удовлетворяла тогдашним требованиям в отношении гигиены. Были отдельные спальные комнаты, столовая, чайная и больница. Прачечная и баня отделялись от других помещений теплым коридором. Три комнаты с большой прихожей предназначались для школьных занятий, позже, когда по инициативе Д.П. Соломирского девочек стали обучать башмачному ремеслу, они превратились в мастерские.

Воспитательные функции возлагались на смотрительницу приюта. Ею долгое время состояла Анна Сидоровна Карпова, женщина, как и положено по ее должности, глубоко религиозная и высоконравственная. Она постоянно жила в приюте в отведенном ей помещении. В помощницы Анне Сидоровне выделялась одна из старших воспитанниц, поначалу исполнявшая свои обязанности безвозмездно, но уже с 1862 года ей полагалось денежное вознаграждение.

Преподаватели посещали приют только в учебные часы. Им предоставлялись казенная квартира и готовый стол, а также помощница — воспитанница приюта. Такое положение существовало до 1890 года. С открытием Сысертской земской школы все учителя были переведены туда вместе с помощницами. Это училище и стали посещать воспитанницы, достигшие школьного возраста.

В приют принимались девочки не моложе четырех лет. При достижении 17-летия, если находился достойный человек, приютских выдавали замуж или просто отпускали «на вольные хлеба». В обоих случаях за счет заводууправления им на руки полагалось по 100 рублей выпускных.

Девочки выходили в «мир» довольно подготовленными к взрослой жизни. Наряду с обучением грамоте, счету, Закону Божьему давались уроки кройки и шитья, вязания и вышивания, а с 1890 года воспитанниц стали обучать башмачному ремеслу. Занятия проводил опытный мастер, услуги которого оплачивались заводоуправлением.

Д.П. Соломирский с дочерью

Первая женская школа

Сапожная мастер-
ская

Вышел закон «О порядке поступления свободных людей в заводские работы и на службу на горных заводах и рудниках по добровольным условиям с залогом управлен-
ем» (1862).

Благотворительная деятельность Дмитрия Павловича не ограничивалась только помощью сиротам и заботой о пожилых людях, для которых строились небольшие избушки. Он ввел специальные стипендии. За их счет в Уральском горном и Кушурском техническом училищах получали образование способные дети рабочих и мелких служащих. Молодые техники и горняки после окончания учебных заведений получали места на заводах округа.

Приток на завод грамотных энергичных специалистов дал толчок к его техническому перевооружению: были построены газопудлинговые печи. Они были значительно усовершенствованы местными умельцами, отличались особым устройством пода. Благодаря нововведениям без увеличения расхода топлива выход металла возрос с 350 до 600 и более пудов в сутки.

Все пять заводов Сысертского горного округа были связаны телефонной линией, что позволяло оперативно принимать управленческие решения. В 1895 году для перевозки торфа, на котором вместо дров и хвой стали работать все газогенераторы в пудлинговом производстве, был построен рельсовый путь.

Роль Д.П. Соломнирского в техническом перевооружении несомненна. Без воли и согласия владельца оно стало бы не-

Д.П. Соломирский с девочками из приюта

возможным. Однако не заводские дела, в которые он вникал с истинным старанием, были настоящим, доходящим до фанатизма, увлечением Дмитрия Павловича. Его страстью были занятия наукой и коллекционирование.

Сысертские обитатели, конечно же, с большой долей иронии относились к странному времяпровождению своего барина. Среди заводчан в отношении Соломирского бытовало устойчивое мнение: «Митрий Павлыч у нас — душа-человек, только в заводском деле *тютя*». «Наш Пучеглазик» — такую добродушно-пренебрежительную кличку получил он в заводской среде.

Результаты деятельности любого человека, особенно занятого научными изысканиями, обычно оцениваются лишь со временем. Сейчас уже ясно, что чудаковатый «барин», бродивший по лесам в обычной одежке среднего служащего, в надвинутой на высокий лоб фуражке с «дворянским» красным околышем, внес свой неоспоримый вклад в развитие уральской науки, особенно музейного дела.

Действительным членом Уральского общества любителей естествознания Соломирский становится в 1888 году. Будучи человеком состоятельным и щедрым, Д.П. Соломирский не раз оказывал УОЛЕ финансовую помощь. Например, во многом благодаря его пожертвованиям общество сумело основать Зауральскую рыбноводную станцию.

Но гораздо более значителен вклад Дмитрия Павловича в пополнение

В Санкт-Петербурге попытка кнута, составленная управляющим округа В.Д. Черкасовым, Сысертские горные заводы. Краткий очерк их развития и современного состояния» (1882).

Д.П. Соломирский в кабинете

Поселок
Верхняя Сисерть

Музей

имущество, он, в отличие от многих людей богатых и знатных фамилий, не пожелал эмигрировать и остался в Екатеринбурге. Некоторое время он жил у друзей, страшно нуждаясь. Благодарные сотрудники музея, стараясь облегчить его положение, ходатайствовали перед комиссией по улучшению быта ученых об оказании ему материальной помощи. Некоторое время Соломирский даже работал в качестве сотрудника музея. Но, очевидно, недолго. Не осталось достоверных сведений ни о времени его кончины, ни о месте захоронения.

Мастера и умельцы

Рассказывать о деяниях, делах и делишках бывших хозяев Сысерти можно долго и достаточно достоверно, основываясь на подробных записях в многочисленных архивных документах, ссылаясь на мемуарные и литературные источники. Гораздо труднее, по сути почти невозможно, отыскать в веках документальные свидетельства о судьбах «простых» людей, тех мастеров, чьими талантами собственно и воплощались конкретные идеи их хозяев.

Известный ученый и путешественник П.С. Паллас в своей книге «Путешествия по различным провинциям Российского государства», ознакомившись с работами сысертских мастеров, с восхищением отметил, что они медные и стальные работы справляют почти «превосходнее английских».

Благодаря искусству рабочих сысертское железо по своим качествам ценилось очень высоко. Сысертский завод за

В Екатеринбурге открыт горный институт – первое высшее учебное заведение в городе (1817).

отличную продукцию награждался на Всероссийских мануфактурной 1870 года и промышленно-художественной 1882 года выставках серебряными медалями, а на Сибирско-Уральской научно-промышленной выставке 1887 года в Екатеринбурге — золотой медалью. Вся слава досталась хозяину, имена же «мастерков» оказались в забвении.

Более повезло некоторым кузнецам, столярам, медникам, изобретателям. В краеведческих музеях Екатеринбурга и Сысерти сохранилось немало образцов их выделки.

История сохранила имя замечательного умельца Афанасия Кичигина. Кузнец и литейщик, он отливал из чугуна или ковал металлические решетки, которые по красоте и сложности, мельчайшим проработкам деталей уподоблялись кружевам искусных мастериц. Сочетая камень и железо, он создавал подлинные произведения искусства. Самой высокой оценки заслуживает его видовая картина «Зимний вечер на заводе», изготовленная именно таким способом.

Непревзойденным мастерством славился в среде столяров умелец Медведев. На заводе ему поручались самые тонкие столярные работы. Он был настолько увлечен своей профессией, что и дома посвящал ей все свободное время. Медведев, ради собственного удовольствия, в домашней мастерской изготовил действующие модели толчен^{*}, кривного молота и мельничного колеса. На это чудо приходили дивиться его знакомые-сысертицы.

В ряду известных классических примеров, когда случай приводит к большому открытию (Архимед, Пьютон, Менделеев), стоит и изобретение Алексея Шипова, решившего проблему шлифовки ядер пал... рыбалке. Страстный любитель природы, он все свое свободное время отдавал созерцательному отдыху с удочкой в руках. И однажды его осенило: то, что он видел десятки и сотни раз, а именно, как вода до тонкости отшлифовывает речные гальки, и есть принцип работы машины, над которой Шипов давно бился.

Изобретение Шипова, буквально сказать, пришлось ко двору. В самый разгар Отечественной войны с Наполеоном армия Кутузова, до этого вынужденная применять грубо обработанные снаряды — ядра и картечь, которые постоянно травмировали руки канониров, а самое главное, быстро выводили из строя пушки, вдруг получила из Сысерти идеально отшлифованную продукцию. Все уральские заводы быстро внедрили в производство шиповское изобретение, дав армии более десяти миллионов снарядов.

Больше всего сведений сохранилось о сысертских мастерах-медниках. Известно, что еще А.В. Турчанинов перевел сюда

*Большое колесное устройство для толчения (водяное, ветряное, паровое).

В Златоусте пушена в строй фабрика холодного оружия (1817).

Изобретение инженера И.Ф. Макаровым на Нижнетагильском заводе оригинального метода получения «литого железа» (1835).

Бывший карьер
по добыче талька
в окрестностях
Сысерти —
Тальков Камень

Сувенир из уральских камней жителя Сысерти Ц. Баранова к юбилей города

Исследование состояния и перспектив развития уральской горнозаводской промышленности-экспедицией ученых во главе с Д.И. Менделеевым (1899).

самых искусных специалистов. Умельцы с Троицкого (Соликамского) завода стали первыми учителями медников Сысерти. Правда, со смертью старого хозяина отпала большая надобность в изготовлении изысканных, а зачастую и вычурных штучных изделий. Зато больше появилось добротных медных вещей, используемых в повседневном быту. В Сысертском краеведческом музее есть интересный документ. Это каталог Сибирско-Уральской научно-промышленной выставки, проходившей в Екатеринбурге в 1887 году. В отделе «Кустарная промышленность» были выставлены изделия многих мастеров-медников из Сысерти. Среди других особенно часто встречается фамилия Стихиных.

Василий Алексеевич Стихин представил на выставку кофейники, вазы, подсвечники, самовары. Его заведение работало к тому времени всего десять лет, но

уже расходовало не менее 15 пудов меди в год.

Петр Дмитриевич Стихин выставил самовары различной конфигурации, самобытные подсвечники и медные пепельницы. Он работал в мастерской отца и выполнял заказы жителей Сысерти и окрестных деревень.

Николай Дмитриевич Стихин привез на выставку кофейники, чайники с дужкой и подсвечники. Мастерская, где он трудился, существовала к тому периоду уже более ста лет. Примечательно, что мастер выполнял заказы только в свободное от заводских работ время.

Еще один Стихин — Алексей Дмитриевич — доставил на выставку не только самовары различных конструкций, но и оригинальной работы колокольчики. Его мастерская выпускала продукцию уже 35 лет. Наряду с отцом в ней работали два его сына.

Большинство Стихиных носили отчество Дмитриевичи и, по всей вероятности, были братьями.

Есть еще более ранние упоминания о мастерах-медниках, освоивших эту профессию в XVIII веке. Матвей Никифорович Банников и его сыновья, Федор и Дмитрий; Степан Емельянович Стержин и его сын Михаил; Пантелей Феклистович Суслов, Иван Алексеевич Чаплин тоже внесли свой вклад в развитие художественных промыслов. Наверняка их работами — узорчатыми подносами, ковшми, изящными по

Рабочие мастер-
ских Сысертского
завода

форме кувшинами и ларцами — до сих пор восхищаются посетители Государственного исторического музея в Москве и Свердловского областного краеведческого музея. Жаль только, что авторство на этих замечательных изделиях не обозначено. Известно лишь одно — их изготовили сысертские мастера.

Популярными камнерезами в XIX веке были Григорий Печерских и его сыновья — Ефим и Федор. Они прославились своими изделиями из хрусталя и поделочного камня.

Имена многих мастеров, внесших свою лепту в создание оригинальных интерьеров в знаменитых домах Москвы и Санкт-Петербурга, остались в забвении. Да и какие имена у заводских! Все больше прозвища: Евлаха Железко, Данило-мастер, Прокопич... Такими они остались в бессмертных сказах Павла Петровича Бажова — еще одного уроженца Сысерти, оригинального и неповторимого творца слова.

Уральские заводы
приняли участие в I
Международной
промышленной
выставке (1851).

Быт и нравы

В любом достаточно давно оспованном поселении людей, будь то крупный город или маленькая деревенька, складывается своя, особая атмосфера взаимоотношений. Предкам нынешних жителей Сысерти в какой-то степени повезло. В отличие от маргиналов, которые стихийно сходятся в одном месте, каждый со своими привычками, порядками и уставом и долго приспособливаются друг к другу, они прибыли, пусть и не по своей воле, на новое место жительства кучно, с крепкими родственными связями.

Школа. В центре –
А.Т. Филиппов.
1905.

В Екатеринбурге
основан заводской
музей (1836).

Объединенные общим делом, крестьяне нескольких деревень быстро находили линии поведения, устраивающую всех. Благо, что и делить-то особо было нечего. Принятые, обращенные волей своих хозяев в рабочих людей, сообща осваивали новые условия существования и вырабатывали новые традиции.

О быте горнозаводских рабочих Урала, составлявших в 80-е годы XIX столетия почти шестьдесят процентов всего горнозаводского населения России, есть немало сведений и в очерковой, и в художественной литературе. Более всего повезло в этом отношении жителям Сысерти. Знаменитый сказочник П.П. Бажов в «Уральских былях» очень красочно живописует быт своих земляков. Правда, в отношении начальствующего состава различных уровней он бывает, пожалуй, чересчур язвительным и категоричным в оценках...

Павел Петрович в своих былях рассказывал нам о своих современниках, живших в Сысерти в конце XIX – начале XX веков. Но думается, что самобытные основы их жизни не претерпели за два века особых изменений. Новые веяния достигали Урала со значительным опозданием, да и зачастую просто не приживались здесь за неадаптированностью.

Ритм жизни всем жителям Сысерти – служащим, рабо-

чим и их домочадцам — диктовало заводское расписание. Первыми, задолго до восхода солнца, поднимались хозяйки. Они топили печи, управлялись с домашней скотиной и спешили приготовить работникам-мужчинам горячую пищу.

Работа в «огневых» цехах: доменном производстве, в литейно-прессовом, на прокатных станах и посейчас считается самой тяжелой и вредной. Недаром же она обусловлена целым рядом льгот — сокращенной рабочей сменой, более длительным отпуском, ранним уходом на пенсию. И все же, как пишет один современный поэт, на своем опыте вкусивший все его «прелести»:

*Если Бог эту землю выдумал,
То работу такую — черт!
И смеемся и зло, и весело,
Ощущая огонь в руках...
Наши огненные профессии
Не нуждаются в слабых.*

Действительно, слабым здоровьем и волей не под силу было выдержать двенадцатичасовую напряженную смену. В одном из отчетов чиновника, члена горного комитета, посетившего завод в конце XIX века, говорится: «Работа у литейных, пудлинговарочных и кричных печей поистине адская... Уже по прошествии трех минут рабочий обливается потом, с раскрасневшимся лицом, налитыми кровью глазами, страшно учащенным пульсом и дыханием выбегает на холод и тушит свой внутренний жар огромным количеством воды». Поэтому предки наши заслуживают особого уважения.

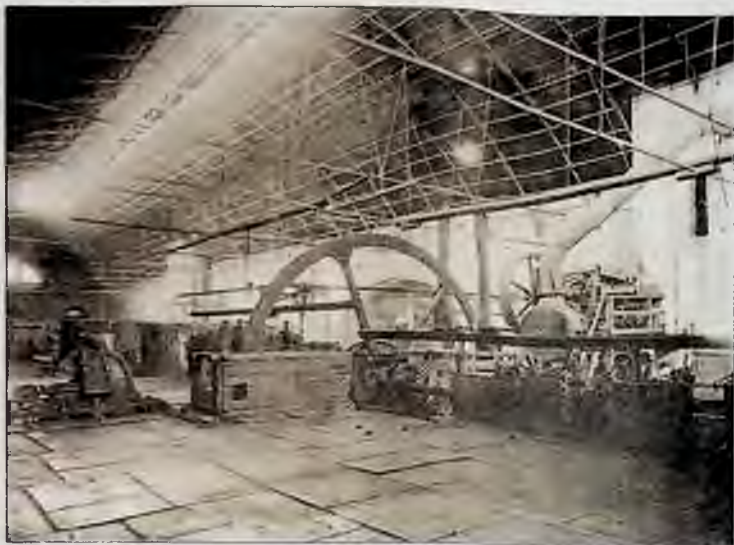
Приписные заводчане были в полной зависимости от своих хозяев. Они не имели возможности бросить свою работу и подневольно выполняли заданный им «урок». Тем не менее «мастерко» гордился своим умением и снисходительно, с долей некоторого превосходства относился к крепостным, основным занятием которых была крестьянская работа.

С отменой крепостного права и капитализацией производства на заводе, хотя и медленно, изменялись трудовые отношения между, теперь уже наемными, рабочими и предпринимателями. К этому времени на всех заводах образовался избыток квалифицированных «мастерков». Заводовладельцы незамедлительно воспользовались возникшей благоприятной ситуацией и стали «закручивать гайки». Нередкими стали случаи одностороннего снижения расценок хозяевами. Проявлявших недовольство, строптивых работников обычно не увольняли, а отправляли «на выдержку», то есть как бы в неоплачиваемый отпуск.

Найти работу по специальности в округе было невозмож-

Отдельным изданием в двух томах вышли «Уральские рассказы» Д.Н. Мамина-Сибиряка (1888-1889).

Сысертский завод. Общий вид прокатной машины

Происходили волнения крестьян и горнозаводского населения с требованиями объявить «настоящий манифест» об освобождении (1861).

но. Поэтому сидящие на «выдержке», проев последние деньги, промышляли чем придется: рыбалкой, старательством, сенокосением, охотой, смолокурением...

На поклон к управителю приходилось ходить не по одному разу, выслушивая от него издевательское: «На той неделе загляни», «зайди после Успенья». Только после этого «мастерка» вновь брали на работу на условиях, выгодных управляющему.

12-часовая рабочая смена почти не оставляла времени на ведение подсобного хозяйства, без которого невозможно было поддерживать спосные условия существования. Поэтому основные повседневные заботы по уходу за домашними животными (в каждой семье, как правило, держали корову и телку либо бычка на мясо, у некоторых в хозяйстве была и лошадь), огородами падали на женщин и детей.

Кроме «мастерков», занятых на «огневых» работах, в Сысерти обитала еще одна, довольно многочисленная, группа — дроворубы и углежог. Ведь чтобы превратить тысячи тонн руды в чугун и железо, заводу, работавшему исключительно на древесном топливе, требовалось очень большое количество дров и древесного угля.

Отводились огромные площади для складирования угля и сушки дров, пней и хвороста. На складах постоянно кипела работа — в больших угольных коробах привозили и отправляли к печам топливо.

Профессия углежого, или «куренного», требовала больших навыков и знания тонкостей выделки угля, поэтому она была

потомственной, передавалась из поколения в поколение. Те семейства, которые имели в своем составе опытного углежого, по свидетельству П.П. Бажова, «зарабатывали лучше других, жили «справно» и держали по десятку лошадей».

Имелась при заводе и еще одна довольно многочисленная группа людей, так называемых возчиков. Каждый день приходилось перемещать значительное количество грузов. В Екатеринбург везли готовые изделия, для передела отправляли из Сысерти на Верх-Сысертский и Ильинский заводы полуфабрикаты, возили чугун и сопутствующие ему грузы из Северского и Полевского заводов. Перемещалось, не считая руды и древесины, в общей сложности не менее пяти миллионов пудов в год. Только с Верхнего завода ежегодно вывозилось до 400 000 пудов сортового железа и столько же привозилось туда чугунной болванки.

За возчиками, не уступая им в числе, шла группа наемных и «поторжных» рабочих. Этот слой населения, не имеющий постоянной работы, был наиболее зависим от прихотей и капризов управляющих сезонными работами. Наниматели, руководствуясь исключительно своими вкусами, взглядами и экономическим интересом, придирчиво отбирали из многочисленных желающих иметь работу плотников, столяров, каменщиков, землекопов, черноработных, наиболее умелых, а главное, сговорчивых людей.

Заводские плотники, столяры, каменщики, кровельщики и маляры больше всего боялись не угодить начальству. Многие из кожи лезли, чтобы при сокращении работ не попасть «к расчету».

Хуже всего приходилось «поторжным». Эти черноработные, не имеющие никакой специальности, нанимались по-денно — «по торгу». Никакой надежды получить даже самую тяжелую и низкооплачиваемую работу не имели строптивцы и записные пьяницы, которых заводское руководство «пустило в голодники». «Голодникам» не находилось места даже по самым низким ценам и при самом большом спросе на рабочие руки.

В заводскую общину входило также и немало кустарей. Особое развитие получило кузнечное производство. Главной продукцией кузнецов были подковы, они пользовались большим спросом. Не редкостью были и слесарно-токарные мастерские по железу и меди.

Главное управление

Кризис в горнозаводской промышленности Урала (1861–1886).

Набережная

Горный инженер и изобретатель П.К.Фролов строит первую в России чугунную дорогу длиной в два километра (1809):

Работали кустари в основном семейным подрядом. Но наряду с этим были и держатели мастерских, пользовавшиеся трудом наемных работников. Кустарные изделия могли конкурировать с казенными только благодаря их меньшей стоимости на рынке. Поэтому труд наемников оплачивался крайне скудно. В работе использовались главным образом «заводские старики либо подростки, на-

нятые в качестве учеников, которые годами работали «за вычку», то есть бесплатно.

Самыми колоритными и загадочными личностями в Сысерти считались «чертознаи». Главной их привилегией была полная независимость от заводского начальства. В лесах заводского округа для охотника и рыбака был полный простор. Лес в те времена изобилует крупной дичью — лосями, косулями, не говоря уж о такой «мелочи», как глухари, рябчики и зайцы. Уральские водоемы считались самыми богатыми в России по запасам и быстрому воспроизводству рыбы. По свидетельству Д.Н. Мамина-Сибиряка, самой простой удочкой умелые рыболовы добывали в день до трех пудов окуня, чебака, леща и щуки.

Некоторые удачливые охотники забивали за зиму по 10 — 15 крупных лосей, доход от продажи их мяса превышал годового заработка наиболее квалифицированного рабочего.

Часть этих людей активно занималась и бортничеством — добычей меда диких пчел, разведывая иногда свыше сотни бортей в глухих лесных местах. По ходу разведки пчелиных и охотничьих угодий «чертознаи» примечали наиболее богатые ягодные места, изобиловавшие малиной, брусникой и клюквой. В пору сбора урожая ягод они за известный процент становились проводниками для добытчиков, пользуясь своим умением безошибочной ориентировки в лесных тропях, гиблых для неопытного человека.

Проводя большую часть времени в лесу в одиночестве, «чертознаи» и в Сысерти вели себя несколько обособленно. Они обычно избегали шумных сборищ в праздники, почти никогда не «гуляли» в кабаках и редко посещали церковь.

Для основной части жителей Сысерти посещение церкви было если и не очень желательным, то обязательным ритуалом. Ходили в церковь по выходным и праздничным дням, обычно всей семьей.

Первый храм — Симеона и Анны — начал строиться почти одновременно с заводом. Поначалу он был деревянным. Лишь в 1773 году, по инициативе и на средства А.Ф. Турчанинова, был заложен фундамент и началось возведение каменного здания церкви. По окончании его строительства деревянный храм в 1790 году был перенесен на территорию кладбища, которое располагалось в те времена примерно на месте нынешней городской площади и района девятиэтажных домов.

К 1832 году он пришел в совершенную ветхость. Обследование показало, что «в алтаре бывает течь, а купол на колокольне опасен». Было принято решение: храм закрыть и строить новую церковь. На ее строительство деньги собирали всем миром. Прихожане отчисляли на богоугодное дело по пять копеек с каждого рубля дохода ежемесячно. Заводоуправление закупило материалы для строительства на 3 000 рублей. Всего же на возведение храма было затрачено 9 900 рублей. Руководил работами мастер Гавриил Алексеев.

В середине XIX века небывалый «скоп воды принудил прибрежных жителей переселиться на удобное место». Самой удобной оказалась территория возле кладбища. За короткое время вокруг Успенской церкви выросло несколько улиц «длиной от одной версты до трехсот сажень». Кладбище очутилось в самой гуще новой застройки, и поэтому его решили закрыть и перенести на другое место. Там же возвели новый храм.

Марков камень — гора в верховьях реки Сысерти. По одному из местных преданий, здесь скрывался от преследований крепостной Марк Берговик.

Крестный ход у старого сысертского завода

Сысерть и бывший
карьер по добыче
таляка разделяют
несколько километ-
ров соснового бора

Храм Симеона
и Анны

В это же время в Петербурге по проекту Ю.Фельтена начали возводить Эрмитаж (1771).

Успенская церковь

А Успенская церковь оказалась «праздной». Поэтому в 1860 году она была преобразована в приходскую. К ней было приписано 2069 душ, в общей сложности 28 процентов сысертских прихожан.

Весьма любопытен документ, свидетельствующий о том, что любовь к Богу вбивали в голову прихожан не только молитвами, но и кулаком либо розгами.

Сысертский священник Никифор Куликов в январе 1778 года доложил Екатеринбургскому духовному управлению, что «служитель А. Дулов, унимая в церкви собравшихся малолетков от резвости... малолетка Ипполита Алексеева, за правым клиросом резвящегося, простосердечно ударил кулаком по голове, у которого внезапно прошиб голову...». Здоров был служака А. Дулов! А вывод из этого происшествия последовал такой: с тех, кто «во время службы Божией стоять неблагочинно станет важно было взыскать штраф по рублю в церковную казну, сразу же после выхода из церкви».

Да и сам А.Ф. Турчанинов тоже денно и поочно пекся о благочестии своих крепостных. По свидетельствам очевидцев, он строго взыскивал с тех мастеровых, которые не находили времени для исповеди. Тех же, кто пропускал святое причастие в течение двух лет, по его приказу подвергали весьма суровому телесному наказанию.

К Симеоно-Аннинскому храму были приписаны три часовни. Одна из них — Никольская — построена на горе Бессоновой в 1786 году и славилась тем, что в ней находилась особо чтимая прихожанами икона Святого Николая.

В заречной части Сысерти часовня была установлена в честь живописного источника. Третью — Пророко-Ильинскую — часовню установили на Ильинском заводе. Ее посещали и прихожане деревни Кашино.

В 1936 году купол храма Симеона и Анны был взорван. Попытки прихожан, в большинстве своем пожилых людей, помешать варварству не имели успеха. Основное здание церкви впоследствии приспособили под кинотеатр. Оно долго оставалось очагом новой советской культуры, пока в 1991 году не было передана верующим.

Остальные церкви Сысерти подверглись полному разрушению.

Посещением богослужений культурно-праздничные мероприятия не ограничивались. Начинались народные гуляния, приобретающие широкий размах, особенно в дни, выпавшие на рождественские святки, масленицу, пасху. Строго сословно — баре, приказчики, простолюдины — сбивались в многочисленные веселые компании. Хозяева звали друг друга в гости, выставляли угощение: рыбные и мясные пироги, шаньги с черемухой, малиной, брусникой, картошкой, соленые грузди... Закуски сдабривались изрядным количеством казенного вина и различных настоек. Застолья редко обходились без происшествий. Бывало, захмелевший гулеван сдергивал скатерть с праздничным угощением, буянил и лез в драку.

Женщины, принимавшие участие в застолье лишь эпизодически, ибо занимались обслуживанием гостей, были постоянно начеку. Они отлично знали нравы и привычки своих мужей и в случае необходимости немедленно вмешивались в конфликт. Более трезвые и степенные мужики склопом паваливались на буяна, крепко связывали его веревками и без церемоний засовывали под лавку, где тот умиротворенно засыпал. А разговоры, песни и пляски продолжались дальше.

Молодежные компании «гуляли» отдельно. Они обычно комплектовались по принадлежности к той или иной округе — центровые, заречные, рымовские и т.п. Здесь шли свои разговоры, ухаживания, затевались различные игры, хороводы, нелись озорные частушки. Пьянство в молодежной среде поначалу было явлением редким. Если и находились охотники выпить шкалик водки на двоих-троих, то делали это тайком. Но со временем нравы изменились. По свидетельству П.П. Бажова, пьяные драки среди заводской молодежи стали в начале XX века обычным явлением. Причем от драк взрослых, которые обычно заканчивались довольно безобидно, они отличались особым ожесточением. Этому явлению способствовали необычайно подешевевшая водка и широкая сеть питейных заведений. На каждой сысертской улице содержалось не по одному кабаку.

Подростки и ребята помладше тоже развлекались по-своему. Они табунились на просторных лужайках окраинных улиц, чаще всего на вольном берегу заводского пруда. Затевались игры в бабки, муху, лапы... В жаркий день подолгу купались, а зимой любимым занятием становилось катанье с гор на санках и лотках.

Вышел манифест о трехдневной барщине и запрете помещикам принуждать крестьян работать в воскресные дни и церковные праздники (1797).

В стране активизировалась деятельность Союза безбожников: антирелигиозная борьба стала важнейшим участком борьбы классовой (1930-е годы).

Взрыв храма.

В Уфе создано Общество любителей пения, музыки и драматического искусства (1885).

В Екатеринбурге открылась художественно-промышленная школа — «кузница кадров уральских мастеров живописи, ваяния, прикладного искусства» (1902).

Праздники справлялись шумно и бестолково, но были недолгими. Ведь кроме изнурительных заводских почти у всех к лету накапливалась масса работ по домашнему хозяйству. Главнейшей из них был сенокос.

К сенокосу начинали готовиться задолго до его начала. Тщательно проверялись и отбивались любовно отобранные и бережно хранимые литовки, выстругивались и подгонялись к ним литовища, ремонтировались и

изготавливались новые — ловкие и легкие — деревянные грабли. Точильные бруски, гаечные ключи, плоскогубцы и напильники укладывались в сумки для инструмента, вострились пилы и топоры.

У хозяек свои заботы: запастись продукты, засушить сухарей, подготовить посуду для варева, бочонки для засола груздей, туеса для ягод. Ведь выезжали на покос обычно всей семьей, оставляя дома только немощных, старых и малышку.

Наконец наступал день, к которому так долго готовились. Заводское начальство давало «добро» на остановку заводских работ, и в Сысерти устанавливалась необычная тишина.

Ранним утром распахивались ворота подворий, по улицам в разные стороны тянулись вереницы подвод, груженных различным скарбом. За подводами степенно шагали взрослые, шмыгала взад-вперед возбужденная мелкота. Ей особенно была в радость новизна происходящего события.

Караван подвод втягивался по дороге в лес и постепенно редел на своротках, ведущих к отведенным покосным участкам.

Сысертские жители, в отличие от соседей полевчан, в большинстве своем объединялись в группы, чтобы легче и скорее закончить с покосом. Объединение происходило с учетом рабочей силы семьи, чтобы никому не было обидно.

Работа шла быстро, дружно и весело. Каждый знал свое дело, никого не требовалось подгонять. Скошив, высушив и сметав сено на одном участке, без промедления перемещались на другой. Иногда случалось, что у одного хозяина собирали сено «без одной дожинки», а недосушенная трава второго попадала под «сеногной». В этом случае производился равный дележ сена с того и другого участков.

«Вечером любой покосный стан, — писал П.П. Бажов, — представлял собою картину дружной рабочей семьи, веселой, без кабацкого зелья. Нароботавшись за день, похлебав

поземинны (вяленной пластами рыбы) или вяленухи (вяленого мяса), люди подолгу не расходились от костров. Часто старники начинали проголодную, а молодежь занималась играми, пока не свалится с пог.

Утром, чуть свет, все уже на работе, бодрые и веселые».

Пофамильно закрепленные участки, таким образом, скашивались очень быстро. Тем, у кого в хозяйстве были лошади, приходилось продолжать страду в одиночку — искать подходящие лесные поляны, где большим коллективом работать не имело смысла — нигде было развернуться.

Пока длилась страда, Сысерть как будто вымирала. Только после ее завершения, когда рабочие, сделав свой «годовой запас» сена и между делом заготовив на зиму соленых груздей и рыжиков, возвращались домой, жизнь входила в обычную, накатанную многими годами колею.

Необходимо заметить, что и по сей день многие жители Сысерти, обитающие в частных домах, не мыслят своего хозяйства без наличия в нем хотя бы одной коровы. Молодое поколение, однако, в большинстве своем уже придерживается другой точки зрения, и потому поголовье скота с каждым годом уменьшается.

Коряга «Глухарь» у детского санатория «Луч».

В санатории-профилактории «Уральские самоцветы» (Сысертский район) подведены итоги работы фермерских хозяйств Свердловской области (2000). В 1999 г. их зарегистрировано 2162.

Открылись музыкальные классы Филармонического общества в Екатеринбурге (1912).

На рубеже XIX — XX веков по Сысерти прокатилась волна экономических стачек. 17 мая 1898 года забастовала «команда сварочного цеха». 120 рабочих заявили начальству, что их заработка хватает только на хлеб, а на прочие нужды денег не остается. Жандармское управление прислало из Екатеринбурга проверяющего. Он сообщил, что бастующие недовольны условиями труда, несправедливыми штрафами, которые накладывались под видом браковки продукции, действиями младшего командного состава, «позволяющего себе обращаться с рабочими дерзко».

В результате основные требования рабочих были удовлетворены и забастовка прекратилась.

Однако в 1905 году рабочие Сысерти вновь забастовали. На этот раз положение оказалось значительно серьезнее — стачка продолжалась с 7 июля по 11 октября. Завод потерял значительные убытки: рабочие «закозлили» домну, оставили без присмотра работавшие сварочные и пудлинговые печи.

Чтобы усмирить бастующих, в Сысерть в срочном порядке прибыли 200 казаков и взвод полицейских. Несмотря на силовое давление и арест одного из организаторов стачки — Девяшина, рабочие упорно отстаивали свои требования. Противоборство сторон, длившееся более трех месяцев, завершилось победой бастующих. Заводоуправление прибавило заработную плату и сократило рабочий день. Но это было временное затишье.

Уральская промышленность вступила в полосу жесточайшей депрессии. Один за другим закрывались десятки заводов, началась ожесточенная конкуренция между еще работающими предприятиями. Сысертский завод работал далеко не с полной нагрузкой, и все равно его продукция оставалась невостребованной из-за ограниченного спроса и высокой себестоимости и копилась на складах омертвленным капиталом.

Сибирский рынок, который прсжде выручал, тоже свернул свою закупочную деятельность. Строительство огромной железнодорожной магистрали завершилось, и спрос на сталь резко упал.

В конце 1911 года Д.П. Соломирский, не найдя выхода из создавшегося положения, решается на продажу сысертских заводов. Они полностью перешли в собственность Лондонского акционерного общества. Интересы правления об-

Панорама Сысерти

щества, находящегося в британской столице, в Сысерти стал представлять Русско-Английский банк.

Во время правления иностранцев в жизни рабочих, по сути, никаких изменений не произошло. Хотя весь комплекс сысертских заводов стал именоваться «Сысерть Компани Лимитед», управлял ими по-прежнему Александр Михайлович Мокроносов, изворотливый и прижимистый человек, заслуживший за эти качества уличную кличку Кузькино Отродье.

Англичане сделали упор на производство меди. Они развернули поисково-изыскательские работы, к которым был привлечен известный специалист, профессор из Женевы Л. Дюпарк. Все это привело к значительному увеличению прибыли концессионеров. В 1913 году она составила 416,9 тысячи рублей.

Новые хозяева действовали старыми, проверенными методами. Прибыль в значительной степени была получена за счет уменьшения заработной платы. Вместо рубля рабочим стали платить 35–40 копеек в день. Такая экономическая политика не могла не привести к новым волнениям.

До крайности обнажила противоречия между рабочими и хозяевами начавшаяся первая мировая война. Используя их, все активнее вели пропагандистскую работу различного толка революционные партии — эсеры, большевики, анархисты.

Политкаторжане

В городах и поселках Урала создаются боевые рабочие дружины (1905, декабрь).

XV съезд горнозаводчиков Урала отклонил проект закона о наделении землей горнозаводского населения частных горных заводов (1910).

На фоне всеобщего развала семена падали на хорошо подготовленную почву. Росли пораженческие настроения, рабочие Сысерти отказывались от участия в промышленном комитете, который, по мысли его организаторов, должен был подпитать патриотический дух среди населения. Назревала ситуация, в конце концов разрядившаяся поначалу Февральской буржуазной, а затем и социалистической революцией 1917 года.

Сысерть не осталась в стороне от революционных событий. Более того, 21 марта 1917 года здесь раньше, чем на многих других уральских заводах, был создан Совет рабочих депутатов. В его составе главенствующую роль занимали представители большевиков и эсеров. Вся полнота местной власти перешла в руки Совета. Уже в апреле его постановлением была создана Красная гвардия, в июне введен восьмичасовой рабочий день и повышена заработная плата рабочим. Возглавлял Совет большевик П.В. Антропов.

Весть о свержении Временного правительства и захвате власти представителями левых революционных течений достигла Сысерти спустя три дня — 9 ноября 1917 года. На следующий день был организован митинг, который единодушно принял следующую резолюцию: «Мы, граждане Сысертского завода, собравшись на митинге 10 ноября в количестве 1000 человек и заслушав доклад о текущем моменте, обсудивши его всесторонне, постановили:

Признавая работу Рабочего и Крестьянского правительства не на словах, а на деле, считаем своим долгом заявить, что лучшего правительства нам не надо. Это правительство обещаем поддерживать до последней капли крови».

Сам по себе захват власти политической еще не означал, что для трудящихся наступила эра всеобщего благоденствия. Прав-

ление Лондонского акционерного общества резонно посчитало, что у него нет никаких причин доверять свои капиталы представителям нового правительства, и потребовало закрытия Сысертского завода. Деньги из кассы правления общества в Петрограде были реквизированы, банки отказались финансировать производство. А в конце 1917 года постановлением Совнарком Сысертский горный округ был национализирован.

Жители Сысерти в полной мере извели ужасы гражданской войны и последовавшей за ней разрухи. Начавшееся противоборство между белыми и красными заставило население взяться за оружие. Каждый сражался за свое понятие человеческого счастья, большинство сысертцев встало на сторону красных. В июле 1918 года отряды белогвардейцев предприняли попытку занять Сысерть. Наступление, как и во времена пугачевского восстания, велось с южного направления. Атака шла с применением артиллерии, но была успешно отбита. Белые понесли тяжелые потери и поспешно отступили. Но ненадолго. Руководимые опытными кадровыми офицерами, они перегруппировали силы и с нескольких направлений стали наступать на Екатеринбург. Угроза окружения заставила красные отряды отступить. Сысерть на этот раз была взята без боя.

Тотальная мобилизация в свои ряды с обеих сторон привела к тому, что в противоборство оказалась вовлечена самая трудоспособная часть населения. Естественно, что производство надолго было остановлено. Реквизиции и грабежи лишь усугубили печальную картину всеобщей порухи.

Спустя год, когда Советская власть в Сысерти была восстановлена, завод представлял собой печальное и трагическое зрелище. Погасли домны, остановились прокатные станы, не хватало самого необходимого: топлива, энергии, продовольствия. Чтобы поднять производство с колен, необходимо было техническое перевооружение предприятия. Средств для этого в разграбленной стране не было, и правительство приняло решение передать завод в концессию английской компании «Лена Голдфилдс Лимитед». Однако и ей не хватило ни сил, ни умения приспособиться к требованиям новой власти. Риск потерять деньги был слишком велик, и поэтому концессионеры предпочитали больше брать, чем вкладывать. Условия договора не были выполнены в требуемом объеме, и потому он был расторгнут.

Утвержден Устав акционерного общества Сысертского горного округа (1912).

Народный театр

В течение марта 1917 г. на Урале возникло около ста Советов рабочих и солдатских депутатов.

В Екатеринбурге состоялся съезд по организации управления казенными и национализированными предприятиями Урала (1918, январь).

Заводской цех.
Фото Соломирского

Захват белочехами Челябинска. Начало гражданской войны на Урале (1918, март).

Для восстановления металлургической промышленности страны создано Особое бюро отдела металлов при ВСНХ (1919).

Судьба металлургического производства — основы экономической и хозяйственной жизни Сысерти — была предрешена. К этому времени вступили в строй такие гиганты, как Магнитка и Азовсталь. Домны и мартены Сысерти безнадежно устарели и стали экономически нецелесообразны. Завод замер, лишь слабый шум маломощной турбины, используемой для освещения поселка, напоминал о его былой мощи и славе.

Единственным местом, где еще продолжалась работа, оставались механические цехи. Поэтому в 1932 году на их базе было установлено новое оборудование — лучшие токарные станки отечественного производства; построено здание литейного цеха с двумя варганками. Сысерть стала специализироваться на изготовлении запасных частей для тракторов иностранных марок, ибо средств у государства на их покупку, как всегда, не хватало.

Все это оказалось в конце концов не более чем попыткой

залатать тришкин кафтан. Нехватка рабочих мест обрекала большинство квалифицированных мастеров на безработицу. Попытка их переквалификации в связи с этой проблемой тоже не имела больших шансов на успех. Население спасалось в основном случайными заработками либо отхожими промыслами.

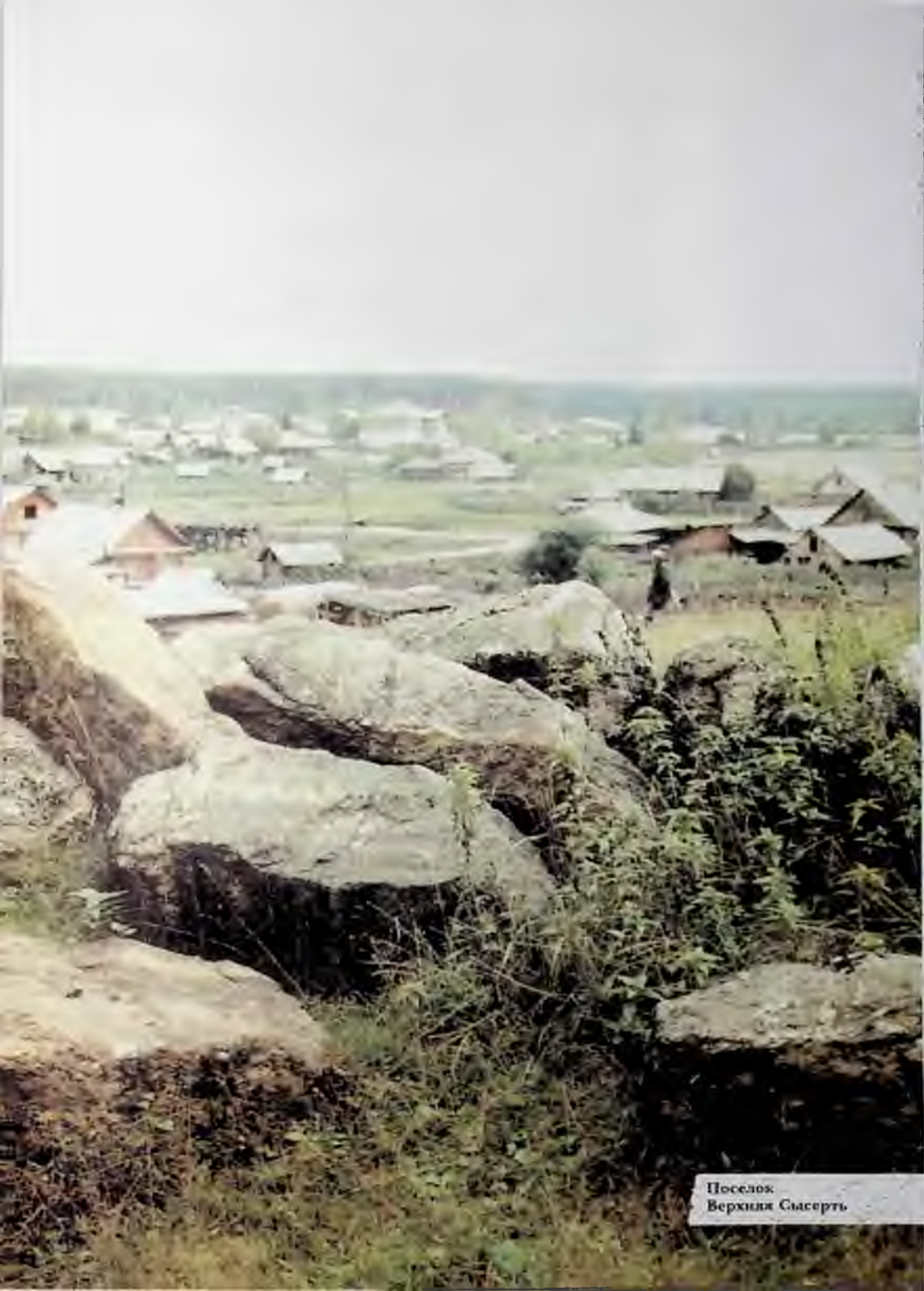
Через четыре года все закупленные за рубежом трактора пришли в полную негодность. Тракторные за-

воды Челябинска, Сталинграда и Харькова наладили выпуск не только отечественных машин, но и запчастей к ним. С потерей рынка сбыта вновь встал вопрос — что делать?

В результате Сысертский металлургический завод решением правительства был переведен в разряд машиностроительных. Ему предстояло освоение стереотипного оборудования для типографий. Местные мастера (на предприятии работало в то время 383 человека) довольно быстро наладили выпуск отечественных стереотипов, в очередной раз доказав свое умение и смекалку.

Помимо типографских машин осваивался выпуск станков для обувных фабрик. Гордостью сысертцев стала интегрирующая машина, предназначенная для определения площади кож. Во время испытаний на Богородской фабрике в Подмоскovie сысертская машина оказалась в работе точнее, чем аналогичная техника немецкой марки.

Жизнь в Сысерти, казалось, понемногу стала налаживаться.

Поселок
Верхняя Сысерть

Коллектив
Синей блузы

ся, но грянула новая беда — началась Великая Отечественная война. Она нарушила все задумки, изменила все планы.

41-й и последующие годы

Ненасытный молох войны потребовал сосредоточения всех моральных и физических сил. После всеобщей мобилизации на заводе осталось менее одной трети квалифицированных специалистов. Места ушедших на фронт заняли в цехах женщины и подростки. Отчаянно трудно было войнам на переднем крае военных действий, особенно в первые полтора-два года, но не меньше испытаний выпало и на долю их родичей и близких в тылу.

По свидетельству бывшего главного конструктора Уралгидромаша Б.А. Вахрамеева, времени для перестройки производства на выпуск военной продукции оставалось крайне мало. Для поточного производства снарядов были созданы специальные операционные линии, спроектированные под руководством техника И.М. Теткина. Разработали технологию, изготовили оснастку. Параллельно этому буквально на ходу велось практическое обучение рабочих кадров, пришедших на замену своим мужьям, отцам и старшим братьям.

Многие не уходили из цехов неделями, прерываясь на краткий сон и отдых неподалеку от станка, горна, термической печи. И сверхжесткий производственный план перво-

го года войны предприятие завершило с перевыполнением.

Но это было только началом испытаний. На предстоящий 42-й год план выпуска военной продукции увеличивался на 50 процентов. В мирное время такое задание показалось бы невыполнимым, так как все наличные ресурсы были исчерпаны. Рабочие трудились в каменной коробке механического цеха, построенного еще в 1895 году. Причудливый «лес» трансмиссий тянулся к каждому станку, работавшему на ремennom приводе.

Литейный цех для непривычного человека показался бы настоящим адом. Автору этого очерка довелось прикоснуться к нему, и родились такие вот строки:

*Здесь краны, звеня суетливо
Над вздыбленной грудой земли,
Тела раскаленных отливок
Малиновым солнцем несли.
От грохота, пыли и чада
Пьянела, плыла голова.
И я суетящимся взглядом
Смятение свое выдавал.
А рядом, где в стоне и гуде
Рождалось стальное литье,
Ходили спокойные люди
И делали дело свое...*

Да, несмотря ни на какие трудности, люди жертвенно работали ради грядущей Победы. Первейшей задачей стало обеспечение завода электроэнергией. Решили в кратчайшие сроки отремонтировать старый локомотив «Вольф», реконструировать силовую и электросветильную сети, создать ремонтно-инструментальную базу, при наличии которой завод получал возможность установить новые станки и оборудование. И все задуманное было сделано.

Сысертские мастера выполнили правительственное задание. На фронт ежедневно отправлялись тысячи комплектов боеприпасов. Смены в цехах были уплотнены до предела, работа велась круглосуточно, были учтены и задействованы все резервы. Не хватало главного — электроэнергии. Локомотив «Вольф» пожирал 80 кубометров дров в сутки. Поэтому, отработав смену, рабочие со своими пилами, топорами, санками отправлялись в лес на заготовку дров.

Недостаток энергии остро ощущался всеми предприятиями страны. Многие ее крупные и дешевые источники — гидроэлектростанции — оказались на оккупированной вра-

В селе Патруши Сысертского района открылся первый в СНГ сервисный центр по продаже, обслуживанию и ремонту сельскохозяйственной техники германских фирм «Клас» и «Лемкен» (2000).

Передовики производства, «двухсотники», обратились к молодежи Свердловской области с призывом выпускать продукции не менее двух норм (1941, июль).

В сталерзливочном пролете мартеновского цеха Северского трубного завода

гом территории. Чтобы решить энергетическую проблему, предстояло наладить серийное производство гидротурбин малой и средней мощности.

5 ноября 1942 года Государственный Комитет Обороны принял решение о создании на базе Сысертского завода нового предприятия — нынешнего Уралгидромаша.

У рабочей Сысерти не было никакого опыта в гидромашиностроении. Начинать приходилось практически с нуля. Поэтому Московский Всесоюзный институт гидромашиностроения взял шефство над разработкой первых рабочих проектов, создав отсутствующий конструкторский отдел. В Сысерть срочно были направлены ведущие специалисты Ленинградского металлического завода. Среди них были Б.А. Чубаров, Б.А. Вахрамеев, Г.М. Семенов, А.С. Пунгер, Д.Г. Вахрамеев, М.И. Бойченко, А.Л. Герман.

Ленинградские специалисты стали организующим ядром, вокруг которого сплотились все творческие силы нового предприятия. Крупный ученый, академик Иван Николаевич Вознесенский, специальным правительственным приказом был назначен постоянным консультантом завода. Его новейшие разработки в теории и методах расчета гидротурбин оказались неоценимыми в создании мощных и экономичных агрегатов.

На молодой завод поступили карусельные, расточные, токарные станки с эвакуированных предприятий, подвезены первые колонны будущего механосборочного цеха. За недостатком производственных площадей его монтаж произвели на территории строящегося завода Уралхиммаш.

На голом месте, посреди болотистого заснеженного леса, самоотверженными усилиями слесарей-сборщиков И. Змеева, В. Гребнева, Д. Митюшкина, В. Шумилова, М. Гребнева, крановщицы А. Ушаковой и многих других, оставшихся безымянными, тружеников военных лет поднимался новый цех сборки гидротурбин.

Рожающееся предприятие испытывало острую нужду в квалифицированных рабочих и технических кадрах. Основной их стали работники механического завода — худенькие сысертские мальчишки и девчонки, сутками не отходившие от своих станков. Их средний возраст не превышал 17 лет.

Создание в цехах кружков повышения квалификации под руководством ленинградских специалистов, открытие школы рабочей молодежи, машиностроительного техникума, реорганизация школы ФЗО в ремесленное училище, обеспеченное не только новыми методиками и практикой обучения, но и бесплатным жильем, питанием, позволили решить проблему кадров. И спустя много лет, когда Уралгидромаш уже превратился в прославленное на всю страну предприятие, кадровым костяком его оставались жители Сысерти 1927 года рождения.

Военное лихолетье, четыре года длившееся одним нескончаемым изнурительным рабочим днем, наконец завершилось Великой Победой. 20 мая 1945 года директор завода Н.Н. Норкин впервые объявил общезаводской выходной день. Еще через десять дней был издан приказ о переходе на восьмичасовой рабочий день, с предоставлением четырех выходных.

Постепенно возвращались в родную Сысерть оставшиеся в живых воины. Им предстояло осваивать новое для себя дело, восстанавливать разрушенную страну, работая и за себя, и за погибших в боях и тылу земляков.

О послевоенном становлении и развитии главного градообразующего предприятия Сысерти — Уралгидромаша — подробно рассказано в книге Б. Вахрамеева и Н. Мясниковой «У истоков новых рек». Поражают воображение стремительные темпы строительства новых производственных площадей, внедрение передовых технологий, освоение серийного выпуска все более качественных и производитель-

Первая танковая колонна «Свердловский комсомолец», построенная на средства молодежи в свободное от работы время, передана комсомольскому подразделению, отправляющемуся на фронт (1942, май).

Верхсыертский
пруд

День рождения Героя Советского Союза летчика Григория Бахчиванджи, погибшего в 1943 г. в уральском небе при испытании первого ракетного самолета БИ-1, каждый год отмечается в школе № 60 пос. Малый Исток, где создан музей его имени.

ных типов гидромашин. Для сравнения: если в 1945 году сысертцы изготовили 14 турбин, то спустя всего три года их выпуск возрос до 228. К 1951 году Уралгидромаш освоил 28 типов новых турбин, насосов, автоматических регуляторов и отпраздновал своеобразный юбилей — тысячная турбина была отправлена потребителю. Без продукции гидромашевцев уже не могли обойтись на сотнях предприятий, советских и зарубежных, на водоканалах, атомных и гидроэлектростанциях, гигантских водохранилищах.

Вот только некоторые адреса, где были смонтированы турбины и насосы сысертских мастеров: Алма-Атинская, Гайворонская, Красноярская ГЭС, водоканалы Днепр—Донбасс, Иртыш—Караганда, Аму-Бухарский, Каршинский, Южно-Украинский энергокомплексы, Лисичанский химкомбинат, Новосибирская ТЭЦ, химкомбинаты Венгрии, Кубы, Польши, металлургические предприятия Ирана, Турции, Индии, гидростанции Афганистана, Аргентины, Вьетнама, Румынии...

Спрос значительно опережал предложение, поэтому перспективы развития Уралгидромаша, а следовательно, и самой Сысерти рисовались в самом радужном свете. Вплоть до обвальная «горбачевской перестройки». А последовавшее за ней разделение великой страны на удельные государства ввергло Сысерть, наряду с другими большими и малыми городами России, в пучину очередного глубокого кризиса.

На рубеже веков

Еще раз поднимаемся по следам генерала де Геннина на вершину горы Бесенковой и окинем взглядом открывшуюся панораму.

Со всех сторон вплотную подступают воспетые замечательным сказочником Павлом Петровичем Бажовым солнечные леса. Даже с высоты не разглядеть сквозь их плотный покров полуразрушенный деревянный мосток, перекинутый через речку Черную. От него по каменистой, прошитой могучими корнями мачтовых сосен лесной дороге можно незаметно дойти до одного из самых живописных местечек — Талькова Камня, или просто Талика, как ласково прозвали его старожилы. Это рукотворное чудо, созданное трудами наших предков, на удивление гармонично вписалось в природный ландшафт и стало предметом гордости и восхищения, одним из любимейших мест отдыха не только жителей Сысерти, но и екатеринбуржцев.

Вокруг голубых зеркал трех прудов — Сысертского, Механического и Ильинского — вольно раскинулся уральский город-труженик. Отсюда, на отдалении, он кажется безмятежно-спокойным. Но разумом понимаешь, что идиллическая картинка обманчива.

За книгу «Малахитовая шкатулка» П.П.Бажову присуждена Государственная премия (1948).

Сысерть. Вид с горы Бесенковой

Старинная посуда
сысертских мед-
ников

Промышленные
предприятия Сред-
него Урала стали
выпускать продук-
цию со знаком каче-
ства (1967).

Третьекурсница
журфака Уральско-
го университета
М.Ботева получила
высокую оценку за
летнюю практику:
работая над очер-
ком о земском враче
Сысертского райо-
на, она жила в селе
и помогала доктору
в работе (1999).

Вон там, в главном административном здании Сысерти, над которым вольно реет российский стяг, глава администрации, его подчиненные различного ранга, выборные депутаты каждодневно ломают головы над проблемами наполнения скудного пока еще бюджета и его наиболее рациональным перераспределением, чтобы хоть как-то залатать многочисленные хозяйственные прорехи, заплатить пенсии пенсионерам и зарплату бюджетникам, организовать новые производства и увеличить количество рабочих мест, отремонтировать вконец износившиеся городские дороги, завершить газификацию частного жилья... Забот не счесть, а «живых» денег катастрофически не хватает.

Нелегко, паверное, и пастырю возрожденного к жизни храма Симеона и Анны. Возвратить-то его власти возвратили, но в каком состоянии?! Да и прихожане более озабочены насущными делами мирскими, чем молитвами о спасении души своей.

Кажется, безмятежно дымит трубами основное градообразующее предприятие Сысерти — Уралгидромаш. Но если заглянуть под крыши его цехов и управленческих зданий, то и там множество проблем.

Трудное положение сегодня на Сысертском электротехническом заводе.

Неустойчиво, с натугой, но все же работает мебельная фабрика. Да и завод художественного фарфора, продукцию которого можно увидеть во многих квартирах и домах уральских городов и деревень, потихоньку-помаленьку на-

Марков камень
к западу от Сысерти

До-музей
Н.П. Бажова
в Сысерти

ЗАО «Сысертский фарфор» изготовил иконостас для Крестовоздвиженского собора Свято-Николаевского мужского монастыря в Верхотурье (1999). Использовались красители и препараты золота из Германии, Англии, Голландии, которые сейчас применяются на заводе для росписи чашек, чайников и других изделий.

чинает приспособливаться к новым экономическим условиям.

В северной части, на самой окраине Сысерти, видны строения хлебозавода. У его проходной прилепился тесный магазинчик с вывеской «Горячий хлеб». Рядом, на заасфальтированной площадке, постоянно грудятся легковые автомобили. Местные жители и проезжающие через Сысерть екатеринбуржцы — садоводы, дачники, рыболовы, туристы, — хоть однажды отведавшие великолепной выпечки местных мастеров, непременно при случае заглядывают сюда вновь, чтобы насладиться неповторимым вкусом и запахом теплого, с хрустящей корочкой каравая, медового пряника, тающего во рту печенья.

Городу-труженику на реке Больших Туманов (именно так толкуют некоторые лингвисты этимологию слова «Сысерть») не впервой переживать экономические и социальные потрясения. Приходилось и посолонее, и покруче. Уже вырисовываются приметы выхода из состояния застоя. Открытие новых частных предприятий — малых и средних, сделавших упор на производство отечественных товаров, по-современному оформленных магазинов и магазинчиков, заполненных разнообразной, пока, к сожалению, преиму-

щественно зарубежной, продукцией, кафе и пельменных — становится для прежде патриархальной Сысерти привычным явлением.

Пусть не всем пока эти нововведения по душе, но одно обстоятельство говорит о многом — сейчас городская казна пополняется исключительно за счет налоговых сборов от деятельности частных предпринимателей.

И совсем невозможно представить жизнь города вне сферы духовной. Несмотря на мизерную зарплату, на энтузиазме и твердой вере в лучшее будущее работники народного краеведческого музея, мемориального дома писателя П.П. Бажова, библиотек, ДК, газеты «Маяк», педагоги школ, воспитатели детских садов, служащие медицинских учреждений не жалеют ни сил, ни времени, чтобы воспитать новое поколение патриотов своего города, бережно сохранить и приумножить его славные культурные и рабочие традиции.

С вершины горы Бесенковой открываются взору и новые многоэтажные кварталы, и старинные улочки с родовыми гнездами — многоглазыми или полуслепыми окнами почерневших изб. Под крышей каждого дома живут своими радо-

Кормовые качества водоросли спироулы активно используют птицеводы госплемзавода «Свердловский», что в селе Капьяно Сысертского района. Небольшая ее добавка в рационы птицы улучшает качество инкубационного яйца, повышается процент вывода цыплят и сохранность молодняка.

Сысертский фарфор

Учащиеся
школы юнг

В день рождения Российского флота 60 воспитанников морской школы-интерната в Сысертти были посвящены в кадеты. На церемонию прибыл вице-адмирал, командующий объединением подводных лодок Северного флота Сергей Симоненко (1999).

«Золотую свадьбу» справили на финише века супруги Нина Ивановна и Николай Максимович Садчиковы. Свидетелем на их юбилейной свадьбе был годовалый правнук Вадим (2000).

стями, горестями и заботами люди, объединенные общей судьбой. И на память вдруг приходят строки, написанные когда-то в минуты искреннего благодарения:

*Я тихо брел по улочкам Сысертти,
И от окраин солнечных, лесных
Настоем хвойным забияка-ветер
Мне доносил дыхание весны.
Жизнь продолжалась!
Жизнь была прекрасна!
И, весь в лучах рассветных трепеца,
День восходил над миром –
Ясный-ясный.
Он счастье, он надежду обещал...*

Хроника Сысерти

- 1732 — построен Сысертский императрицы Анны железодельный завод.
- 1740, август — объявлено высочайшее повеление императрицы Анны Иоанновны, в силу которого частные лица имеют право покупать казенные заводы.
- 1756, июнь — постановление Правительствующего Сената о передаче в управление А.Ф. Турчанинову Полевских заводов, в том числе — Сысертского.
- 1773, 1774 — осада Сысерти пугачевскими отрядами.
- 1782, май — дан высочайший указ Правительствующему Сенату о пожаловании А.Ф. Турчанинову дворянского достоинства.
- 1787, 21 марта — умер А.Ф. Турчанинов.
- 1812 — для армии М.И. Кутузова в Сысерти отлито 94 тысячи ядер и бомб.
- 1823 — открыты золотые россыпи в районе Сысертской дачи.
- 1828 — построен заводской госпиталь.
- 1833, 1847 — П.Д. Соломирский выкупил Сысертские заводы.
- 1847 — построен новый корпус для двух доменных печей.
- 1848 — введена в строй механическая фабрика.
- 1849 — построен Верх-Сысертский завод.
- 1854 — построен Ильинский завод.
- на Верх-Сысертском заводе установлен прокатный стан для выработки сортового железа; вместо кричных горнов установлены дровяные пудлинговые печи.
- 1861 — на Сысертском заводе установлено казенное управление.
- 1864 — объявлено о публичной продаже Сысертских заводов.
- высочайше повелено отменить продажу заводов.
- 1879, 15 (27) января — в Сысерти родился П.П. Бажов, будущий писатель.
- 1882 — на Московской выставке заводу вручена серебряная медаль за отличное качество продукции.
- 1887 — на Сибирско-Уральской научно-промышленной выставке в Екатеринбурге завод награжден золотой медалью.
- 1888 — введены в строй пудлинговые генераторы с газоотводной трубой.
- 1889 — построена вторая механическая фабрика.
- начаты искусственные лесопосадки в районе Сысерти.
- 1890 — установлено электрическое освещение в цехах завода и телефонная связь с управлением.
- 1891 — закуплены три локомотива английского производства.
- построен паром, курсирующий между Сысертью и Верхней Сысертью.
- 1892 — реконструированы конный двор и корпус для склада металлов.
- 1895 — построено здание приюта для бедных сирот.
- перестроено здание сысертского заводского госпиталя.
- начато строительство новой механической фабрики.
- 1897, 1903, 1904 — забастовки сысертских рабочих.

- 1903–1904 — на Сысертском заводе создана социал-демократическая группа.
- 1905, 17 июля — в Сысерти создан Совет рабочих депутатов.
- 1915 — объявлена забастовка с требованиями 8-часового рабочего дня и повышения заработной платы.
- 1917, ноябрь — национализированы Сысертские заводы.
- 1918, июль — красногвардейские отряды оставили Сысерть.
- 1919, июль — части Красной Армии освободили Сысерть от белогвардейцев.
- 1919, август — состоялись первые выборы Совета рабочих и красноармейских депутатов.
- 1919, осень — организован приют для детей-сирот.
- пущены в действие Сысертский и Ильинский заводы.
- 1923 — Сысерть стала районным центром.
- воздвигнут памятник красногвардейцам, погибшим в годы гражданской войны.
- 1925–1930 — Сысертский завод находился в концессии у английской компании «Лена Голдфилдс Лимитед».
- 1931 — механический цех завода специализируется на выпуске тракторных деталей.
- 1934 — построен новый литейный цех с двумя вагранками.
- завод начал выпускать стереотипное оборудование для полиграфической промышленности.
- 1938 — завод начал выпуск интегрирующих кожемерных машин.
- 1942 — на базе старого Сысертского завода создан Уральский завод гидромашин.
- 1943 — завод Уралгидромаш выпустил первые гидротурбины.
- 1944 — сдана в эксплуатацию железнодорожная ветка, соединяющая завод с магистралью Свердловск—Челябинск.
- 1945 — вступила в строй первая очередь нового механического цеха.
- 1946, 31 октября — рабочий поселок Сысерть преобразован в город.
- 1947 — создана геологоразведочная партия.
- УЗГМ приступил к выпуску насосов для каналов.
- В.М. Колегов организовал добровольное общество садоводов.
- 1948 — начат выпуск автоматических регуляторов скорости для управления гидротурбинами.
- 1950 — построен новый кузнечный цех.
- 1952 — построена вторая очередь механического цеха.
- артель «Промкооператор» освоила выпуск фарфора на местном сырье.
- 1953 — закончено строительство нового модельного цеха.
- при клубе «Медик» основана детская музыкальная школа.
- 1954 — организовано животноводческое товарищество.
- на базе школы лесничих основано техническое училище № 7.
- 1956 — построена средняя школа им. П.П. Бажова.
- 1957 — на территории Уралгидромаша создан Уральский филиал Всесоюзного научно-исследовательского института гидромашиностроения (УралВИГМ).

- 1963 — вступил в строй обрубной цех.
— построен лабораторный корпус № 1 Уральского филиала ВИГМа.
- 1966 — основана областная почвенная лаборатория при лесхозе.
- 1967 — на берегу Сысертского пруда сдан в эксплуатацию санаторий «Уральские самоцветы».
- 1969 — открыт народный краеведческий музей.
— построена и сдана в эксплуатацию первая очередь автоматической телефонной станции на 500 номеров.
— построена средняя школа № 23.
— в окрестностях Сысерти на речке Каменке студент Свердловского горного института Г.В. Задорин открыл богатое скопление кристаллов гематита.
- 1970 — начато строительство больничного городка.
— в Верхней Сысерти завершена реконструкция плотины.
- 1973 — начато строительство завода по ремонту газового оборудования.
— на 6-м километре сдана в эксплуатацию газонасосная станция.
- 1974 — проложена асфальтированная дорога до пос. Каменка.
- 1975 — завершено строительство больничного городка.
— построено новое здание Дома советов и РК КПСС.
— построена первая очередь птицефабрики.
— начато строительство Дворца культуры.
- 1976 — открыта спортивная школа «Спартак». Из нее вышли 36 мастеров спорта по лыжам. Андрей Кириллов — призер эстафетной гонки зимних Олимпийских игр 1986 года.
- 1976 — пущен в эксплуатацию птицеплемзавод «Свердловский».
— специалистами птицеплемзавода «Свердловский» создан новый отечественный высокопродуктивный кросс птицы «Родонит».
- 1978 — создана спортивная школа «ДЮСШ».
- 1981 — построена первая очередь завода РТО.
— построена новая ветлечебница.
- 1982, 23 декабря — после реставрации открыт дом-музей писателя П.П. Бажова.
- 1982 — в больничном городке построен новый корпус санэпидемстанции.
- 1983 — построена баня с финской сауной.
— у завода УГМ на Механическом пруду построена новая плотина.
— на заводе РТО начат выпуск болотоходов.
— начато строительство второго корпуса райбольницы.
- 1985, 9 августа — открыт памятник писателю П.П. Бажову (скульптор А. Сажин).
- 1985 — начата закладка второго крупного корпуса на заводе УГМ.
— начато строительство трех 9-этажных жилых домов.
- 1990 — организовано предприятие «Форлекс», занимающееся лесозаготовкой и переработкой древесины.
- 1991 — вновь открылась церковь Симеона и Анны, разрушенная и разграбленная в 1936 году; началась ее поэтапная реставрация.
- 1993 — основано ООО «Мраморгаз» (производство изделий из природного камня).

- открыт лицей «Родник» — центр реабилитации инвалидов; лицей готовит мастеров по специальностям: секретарь-оператор ЭВМ, бухгалтер-оператор ЭВМ, швея.
- на базе мебельной фабрики акционировалось общество «Интер-Урал» по производству мебели и других столярных изделий.
- 1994** — при Дворце культуры открылась школа искусств.
- на площади перед церковью Симеона и Анны установлен памятник погибшим российским морякам.
- 1997** — создано предприятие «Энергогазремонт» по производству миникотельных и ремонту газового оборудования.
- 1999** — на базе сысертского ПТУ-105 открылось отделение кадетской школы-интерната морского профиля.
- 2001** — на горе Бессоновой на месте разрушенной часовни установлен чугунный крест с надписью: «Спаси и сохрани».
- 2002** — городу исполняется 270 лет.

Игорь и Олег Капорейко
У ПОДНОЖИЯ ЛАБАЗ-КАМНЯ

Визитная карточка

Игорь Капорейко, инженер-строитель, майор запаса, краевед. Живет в Дегтярске.

Олег Капорейко (его брат), литератор и фотохудожник, автор ряда научно-популярных книг, зам. гл. редактора журнала «Урал». Живет в Екатеринбурге.

Время меняет пространство. Даже не верится, что здесь, на границе Европы и Азии, у широкого развала отрогов Уральского хребта, где замер, подобно огромному зверю, Лабаз-камень, каких-то сто — сто пятьдесят лет тому назад стояли непроходимые леса. Охотники били тут зверя да птицу, а в теплую пору года забредали добытчики-старатели и по таежным речушкам намывали золотишко. У крестьян ближайших деревень кроме нехитрого земледелия и скотоводства были и другие занятия. То там, то тут вился над лесом дымок от огромных, аккуратно уложенных дровяных куч, укрытых свежим слоем дерна — это по заказу демидовских приказчиков жгли древесный уголь для заводов. След в след за углежогами вели свой промысел дегтяри и смолокуры, в специальных ямах-печах гнали из березы деготь, а из хвойных деревьев смолу.

В ту далекую пору никто и подумать не мог, что в этих глухих местах вскоре вырастет промышленный город, начало которому дадут таящиеся в земных недрах запасы ценных руд. И станет он известным не только на Урале и в России, но и далеко за ее пределами.

Но все это будет потом, спустя годы, десятилетия...

Кладовая земных богатств

Городом Дегтярск стал с 1954 года, а до этого он значился поселком и входил в состав города Ревды. Именно с Ревдой связаны возникновение и вся его история. Для Ревдинского железоделательного завода, основанного в первой половине XVIII века, требовалась руда. Для ее выплавки — древесный уголь, а значит, много леса. Все это имелось на территории, где сегодня стоит современный Дегтярск, в самом центре Каменного Пояса, у Лабаз-камня.

Кстати, почему так называли гору? Не потому ли, что слово «лабаз» означает *кладовая*, а место это — и есть кладовая самых разных природных богатств. Вблизи Лабаз-камня и начали осваивать лесные угодья, расположенные на границе Ревдинского и Сысертского округов. Этот лес был пригоден для выжигания угля, получения смолы и дегтя. Поселения углежогов, смолокуров, дегтярей и положили начало поселку Дегтярка.

Исторически образовались два селения: Северская Дегтярка (Северская лесная дача) на территории Северского горного округа и Ревдинская Дегтярка, расположенная в одноименном горном округе и тесно связанная с Ревдой. Вблизи последней были обнаружены запасы железной руды. Месторождение нашли еще демидовские рудознатцы, расспрашивая охотников, углежогов и других местных людей: не встречались ли им места, где имеются «тяжелые камни», не растет трава или есть ямы, нарытые неизвестно для чего.

Легенды рассказывают, что, когда месторождение было открыто и начиналась его разработка, находили остатки древних копей, штолен, попадались примитивные орудия труда и даже скелеты людей в одеждах из шкур. Скорее всего, это действительно так, и разработка железорудного месторождения уходит корнями в глубь истории значительно дальше, чем мы могли предполагать.

Руда, содержащая большое количество железа, оказалась подходящей для плавки в доменных печах по существовавшим в ту пору, два с лишним века назад, технологиям. Началась ее добыча. Делали это самым примитивным способом: с помощью ломов, кувалд и кирок. Вначале открытым способом в карьерах выбирали то, что лежало на поверхности. Позднее, чтобы подобраться к руде, залегающей на большой глубине, начали бить шурфы. Если грунтовые воды заливали их, не позволяя работать дальше, шурфы просто бросали и переходили

Другое название горы — Караульная (на ней в давние времена находился караул Сысертского округа).

Время царствования императрицы Елизаветы Петровны (1741–1761).

ли на новое место. Производительность труда зависела от крепости породы и физических возможностей работающих.

После выработки верхних слоев железорудной «шапки» пришлось начать строительство неглубоких шахт. Стволы их, как и сегодня, крепили лесом, благо он близко. Для подъема руды наверх, а также для водоотлива использовали лошадиную тягу. В шахте вагонетки с рудой передвигались вручную. Силой мускулов отбивали и железняк — взрывчатку начали применять значительно позже.

Мало было добыть руду и поднять ее на поверхность, тут же, на месте, ее промывали и обжигали дровами в самодельных печах перед отправкой в Ревду.

Работы носили сезонный характер: с приходом тепла весной и до глубокой осени руду добывали, а лишь только выпадал снег и вставляли дороги, ее санным путем перевозили на Ревдинский завод. Но и в сезон шахты работали нестабильно, часто добычу приходилось останавливать, так как продажа руды не приносила выгоды или заводу было сподручнее получать руду с других месторождений.

Перевозкой руды и угля занимались подрядчики, которые нанимали крестьян окрестных сел и деревень на извоз, договариваясь с конторой о цене, сроках и объеме перевозок. Они же рассчитывались с возчиками, выдавали овес для лошадей в счет оплаты, содержали постоянный двор и при нем «обжорку» — прародительницу будущих рабочих столовых. Имели подрядчики и своих лошадей, свои сани, поэтому порою, когда им было выгодно, крестьян отпускали, а руду и уголь возили сами.

Представьте себе такую картину. Мороз. Раннее утро на постоялом дворе. Темно. При керосиновой лампе или лучине за большим столом, сработанным из толстых струганых досок, на лавках собрались возчики. Есть среди них и молодые, почти мальчишки, но «серьезные» до работы, есть пожилые, с окладистыми седыми бородами. Кержаки-староверы из Мариинска и Краснояра, что почти в сорока верстах от мест добычи руды. Эти держатся особняком, говорят негромко, едят неспешно. Крестьяне, подрядившиеся из окрестных деревень, шумят и сквернословят. Мужики одеты и обуты во что попало: кто в овчинные полушубки, а кто в важные зипуны, одни в пимы, другие в лапти.

Входит подрядчик и поторапливает в дорогу. Надо, чтобы груженные рудой короба успели подойти к Змеевой горе как раз в тот срок, когда навстречу будет идти обоз *ревдяков* за углем. Здесь удобнее остановиться, переждать, пропустить друг друга и разъехаться. В руках у подрядчика блестят часы

Введено разработанное Капцелярией главного управления заводов «Учреждение о работах при заводах» (1741).

На берегу озера
Ижбулат

фирмы «Павел Буре», крышкой которых он то и дело щелкает. Извозчики глядят с почтением: часы — это диковинка.

Подрядчик торопит не зря: зимний день короток на Урале, а надо успеть по санному пути завезти в Ревду на Угольную гору запас руды и угля, загрузить завод работой на весну, лето и осень. Ведь летом перевозки на телегах себе дороже, да и сезонные деревенские дела не позволят крестьянам отвлечься на извоз. Торопятся мужики с погрузкой, но и тут забота: недогрузишь сани, заплатят мало, а если перегрузишь — лошадь загубишь.

Наконец обоз собран, подрядчик дает команду трогаться. Путь до Ревдинского завода неблизкий, около двадцати верст. Лошадям по свежей пороше идти тяжело, особенно в гору, зато вниз их приходится сдерживать: только зазевайся — сани моментом опрокинутся в снег, придется грузить заново, того и гляди отстанешь от обоза. По ровному месту и под гору возчикам можно и самим на санях примоститься, дать отдых уставшим ногам.

Вот обоз прибыл на Угольную гору. Руду взвешивают, приказчики записывают вес для начисления зарплаты возчикам, выдают подрядчикам для расчетов с ними «кожанки» — кусочки кожи с печатями. Каждая *кожанка* имеет свою цену: в магазинах при заводе их можно отоварить мукой, солью, мануфактурой и прочим, без чего не обойтись в хозяйстве.

Объемы добычи руды и производства угля зависели от договоров на поставку железа с Ревдинского завода. Они то увеличивались, то уменьшались, а в иные годы и вообще сходили на нет. Тогда работный люд разбрелся кто куда, а местные жители перебивались натуральным хозяйством.

Взбунтовавшиеся мастеровые и работные люди временно прекратили работу на Невьянском, Нижнетагильском и Шуралинском демидовских заводах (1748).

Вот так на протяжении многих десятилетий протекала жизнь Ревдинской Дегтярки, сменялись поколения, сгорали или приходили в негодность деревянные строения, от которых теперь не осталось и следов.

Северская Дегтярка в отличие от Ревдинской была связана с Северским металлургическим заводом. Для производственных нужд последнего использовалась известь. Известняк же имелся здесь в больших количествах и буквально выходил на поверхность там, где разместилась южная часть нынешнего Дегтярска. Перед отправкой на завод известняк прямо на месте добычи обжигали в примитивных печах.

Южнее Северской Дегтярки действовали так называемые *Кисляньские рудники*, где также для нужд Северского завода добывался бурый железняк. Сейчас на месте этих шахт остались только глубокие ямы.

В начале XX века, с вступлением России в первую мировую войну, потребовалось увеличить объем выпуска пороха, а для этого необходимо было много серного колчедана. Тут сразу вспомнили про «серную сыпучку», в которую зачастую упирались стволы железорудных шахт и которая выходила на поверхность в заброшенном карьере в северной части Лабаз-камня. Взятые пробы подтвердили пригодность серы для производства пороха. Здесь и был создан Ревдинский разрез. Добытый серный колчедан вывозили в Ревду для дальнейшей обработки.

А теперь отдадим должное еще одному «обитателю» здешних мест — медному колчедану*. Ему город Дегтярск, в принципе, и обязан своей известностью.

По некоторым сведениям, о наличии медной руды догадывались еще демидовские рудознатцы, но как к ней подступиться, они не знали. Позднее выяснилось, что медные руды затаились на большой глубине, несовершенство же тогдашней техники не позволяло и думать об их разработке. К тому же, исходя из собственных экономических интересов, владельцы этих мест свои богатства держали в тайне.

Народная молва приписывает честь открытия медной руды некоему подрядчику (по другой версии — мастеровому) Фаддею Семкову. Якобы он обнаружил в лесу род-

Первым люди применили дымный порох; время и место его изобретения точно неизвестно. Наиболее вероятно, что он появился в Китае, а затем стал известен арабам.

* Колчеданы — минералы, содержащие серу, железо, а также медь, мышьяк и т. д.

Медная руда

Северская
Дегтярка

Медный колчедан, или халькопирит, — самый распространенный минерал меди и главный минерал медных руд.

ник, вокруг которого ничего не росло — ни трава, ни деревья. Фаддей опустил в родниковую воду железный гвоздь, и тот за короткое время покрылся слабым налетом меди. Подтвердила присутствие меди и проба воды, отвезенная им на анализ в лабораторию в Екатеринбург.

Однако даже если и не было бы открытия Фаддея Семкова, геологи последующего времени обнаружили бы медный колчедан по имеющимся в недрах земли у Дегтярки серпому колчедану и бурому железнюку — непременно спутникам меди.

Чтобы определить запасы медной руды и целесообразность ее промышленной добычи, в 1907 году бурением скважин начали разведку. Результаты оказались обнадеживающими, и в 1911–1913 годах были заложены первые небольшие шахты и создана контора Дегтярского рудника. К 1914 году сделано экономическое обоснование, определен объем намеченных работ и заложены стволы двух производственных шахт, названных «Лондон» и «Петербург». Датой начала промышленной эксплуатации медного рудника считается 4 октября 1914 года.

Следом начали строить железную дорогу, которая должна была соединить между собой Ревду и Дегтярку. А пока шла отсыпка полотна и прокладывались рельсы, добытую руду везли зимой санями, летом телегами до погрузочной площадки, а далее по железной дороге до завода.

Интересно, что революция и гражданская война как бы обошли Дегтярку стороной. В ближайших селах Мариинском, Кунгурке, деревнях Макаровой, Краснояре и других события бурлили, тут же было относительное затишье. Дело,

может быть, в том, что на шахтах рудника работали в основном австрийские военнопленные, которых охраняли многочисленные стражники.

Во время гражданской войны шахты были заброшены, оборудованные быстро пришло в негодность, Дегтярка опустела. По переписи 1920 года, в поселке проживало всего пятьдесят местных жителей. Это были главным образом охотники-промысловики, добывающие пушного зверя. Благо, что в здешних лесах его водилось предостаточно.

После установления Советской власти, естественно, встал вопрос о возобновлении работ на руднике, но у государства не было средств, чтобы поднять производство. Было решено привлечь иностранных концессионеров, передав права на эксплуатацию природных богатств английскому акционерному обществу «Лена Голдфильдс Лимитед».

Акционерное общество развернуло строительство шахт и обогатительного цеха, то есть стало не только добывать, но и обогащать руду для получения концентрата. Обогащенные руды вели термическим методом с последующей промывкой водой. Образующиеся при этом стоки были очень ядовитыми, содержали серную кислоту. А так как заезжие акционеры об экологии не думали и очистных сооружений строить не собирались, кислоту они просто-напросто выливали на землю, уничтожая при этом всю растительность в округе. И спустя многие годы после ликвидации цеха обогащения на этих почвах ничего не росло.

Но с другой стороны, деятельность иностранных акционеров на Урале за короткое время дала той же Дегтярке мощный толчок для развития как экономической, так и производственной сфер. «Лена Голдфильдс» достроила железную дорогу, связавшую Ревдинский завод с медным рудником, возводила жилье для рабочих и инженерно-технических работников, причем дома были по тем временам вполне добротные, с водопроводом. Так, были отстроены и заселены улицы Ревдинская, Кунгурская, Советская.

Шахтер

Специальным декретом Совнаркома (1920, 23 ноября) разрешено заключать концессии с целью привлечения иностранного капитала в такие отрасли и районы, развитие которые в те годы Советское государство не могло.

Расчетная книжка работника концессии 1926–1930 гг.

Концессионеры

Справедливости ради надо отметить и то, что хозяева-концессионеры строго соблюдали советское трудовое законодательство. Рабочие получали приличную зарплату, им выдавали спецодежду, для тех, кто трудился под землей, было организовано бесплатное питание, а в магазинах по сходным ценам они могли приобрести промтовары, в том числе и в кредит — под будущую зарплату.

Плохо было то, что рудный концентрат уходил из страны, хотя в меди очень нуждалась ее собственная промышленность, особенно в связи с начавшейся электрификацией.

Отношения с капиталистами разорвали досрочно, после того, как по инициативе партийного комитета на

руднике прошла серия рабочих забастовок с заведомо невыполнимыми требованиями. Кроме того, искусственно чинили всяческие препятствия вывозу рудного концентрата. Все это, вместе взятое, заставило компанию «Лена Голдфилдс» отказаться от концессии и расторгнуть договор. К 1930 году иностранцев в Дегтярке не стало. А государству достались четыре действующих шахты — «Москва», «Лондон» (бывшая «Петербург»), «Нью-Йорк» и «Берлин», оснащенные вполне современным оборудованием, обогатительная фабрика, которая некоторое время еще продолжала работать, а также жилые дома в Северной Дегтярке и в районе реки Сухарки.

К концу 1931 года были выполнены геолого-поисковые работы по уточнению запасов медной руды Дегтярского месторождения. Многочисленные разведывательные скважины позволили проследить контур рудного тела и наметить план его освоения. Было выяснено, что основные залежи руды расположены под западными отрогами Лабаз-камня. Вскоре после разведки были заложены шах-

ты «Большевик», «Южная», «Комсомольская», «Первомайская».

В 1933 году в Ревде началось строительство Среднеуральского горно-химико-металлургического комбината (СУМЗа), он и должен был работать на медной руде Дегтярского месторождения. Уже в 1938 году сюда отправили 574 тысячи тонн руды. Кроме того, рудник поставил 158 тысяч тонн серного колчедана для нужд химической промышленности.

К этому времени на других месторождениях страны была разработана и освоена высокопроизводительная система добычи руды, которая называлась камерной*. При ней не требовалось нахождения ствола шахты в рудном теле, а строились капитальные шахты, которые должны были действовать до конца разработки. Капитальные шахты давали возможность применять мощное рудоподъемное и дробильное оборудование, увеличить добычу руды.

Строятся такие мощные шахты и в Дегтярке — «Капитальная-1» на северном участке месторождения и «Капитальная-2» на южном.

В годы первых советских пятилеток, как и повсюду в стране, на руднике создаются курсы и кружки по ликвидации безграмотности. В 1936 году появляются курсы мастеров социалистического труда. Тех, кто успешно прошел обучение, назначают на должность горных мастеров. Из Свердловска после окончания горного института приезжают специалисты-инженеры.

Зарождаются и растут ударничество и стахановское движение. Их цель — повышение производительности труда.

Однако добиться этого при нехватке хорошей техники и при отсталой технологии можно было только за счет интенсификации физического труда. Тяжелая руда вырывалась лопатами из рук. Катали доставляли руду из за-

* Горная выработка относительно небольшой длины и значительного поперечного сечения — для размещения оборудования и специальных служб шахты.

Строительство подъездного пути к шахте. 1934 г.

боя на одноколесных тачках, а затем толкали вручную ваго-
петки. Рабочие бегом мчались по деревянным трапам. Губи-
тельно сказывались на здоровье людей и тяжелые бытовые
условия, скученность в общежитиях и теснота в коммуналь-
ных квартирах.

Под землей и на земле

Однако высокие заработки шахтеров, бесплатное пита-
ние для тех, кто трудился под землей, привлекали новых
рабочих. Из ближних и дальних деревень съезжаются в по-
селок люди — одни по вербовке, другие своей волей, убе-
гая от раскулачивания или беспредела сельских властей,
сгонявших крестьян-единоличников в колхозы. Среди пос-
ледних выделялась группа «пришельцев», которых в посел-
ке называли *шемахинскими* — это были жители села Шема-
ха Челябинской области. Они снимались с места целыми
семьями и всеми правдами и неправдами стремились уст-
роиться на руднике. Шемахинские держались дружно, во
всем помогая друг другу.

Заработанные трудом и потом немалые деньги, которые,
по сути дела, и потратить-то было не на что, низкая культу-
ра быта и необразованность людей создавали благоприят-
ную почву для пьянства и бесшабашного разгула. В общежи-
тиях Дегтярки, которых было множество, в выходные дни
и по праздникам, а нередко и в будни после работы, что на-
зывается, дым стоял коромыслом. Часто случались пьяные
драки и попойки.

К началу 40-х годов жизнь в поселке постепенно начала
налаживаться. Вчерашние холостяки обзавелись семьями,
их уже не устраивала жизнь в общежитиях. Начинается мас-
совое строительство частных домов в районах улицы Ста-
хановской, горы Сухарной и в Северной Дегтярке. Выход-
цев из деревень частные дома привлекали особенно: мож-
но было завести огород, снабжавший картошкой и другими
овощами, держать домашний скот — коров, коз, свиней и
даже лошадей.

Тесные экономические связи Дегтярка поддерживала с
окрестными селами и деревнями. Осенью на базар, размес-
тившийся у перекрестка улиц Ревдинской и Советской, кре-
стьяне привозили мясо, масло, творог. Естественно, что про-
давалась и живность — домашний скот и птица, а также сено
и дрова. Торговля шла бойко, покупатели рьяно рядились с
продавцами, стоял шум и гам.

Кричная фабрика
на речке Шемахе в
бывшей башкир-
ской Шемахинской
даче была построе-
на купцом Львом
Расторгуевым для
передела кыштым-
ского чугуна в желе-
зо (1809).

Улица Советская
в 30-е годы

Сюда же, на рынок, местные кустари выносили свои нехитрые изделия — валенки, сапоги, бочки, туеса, веники, грабли, лопаты. Все это выглядело очень живописно, особенно когда местные «художники» развешивали яркие лубочные коврики с русалками и лебедями — почти в каждом доме над кроватью висели эти модные творения.

Типичная для
поселкового быта
утварь

Обычно осенний базар завершался гульбой — магарыч (угощение по поводу выгодной сделки) — полагался при крупной покупке, обмывали и мелкие обновки.

Надо сказать, что руководство Дegtярского рудника и партийные органы уже в предвоенные годы заботились об улучшении бытовых условий и питании труженников. За короткое время были созданы подсобные хозяйства рудника в районе селения Вязовка (так называемый *Первый комбинат*), на берегу реки Чусовой, между селом Кунгуркой и деревней Верхнее Макарово (*Второй комбинат*), а к западу от поселка еще Первая и Вторая Кислянки. Подсобные хозяйства надежно снабжали рудник молоком, мясом, картофелем, капустой, а для многочисленных лошадей, трудившихся на предприятии, выращивали овес и рожь.

Для крепления шахтных выработок и строительства частных домов необхо-

Дома по улице
Советской
(современный
снимок)

дм был лес, его заготавливали на делянках, к югу от Дегтярки. И все же, несмотря на быстрые темпы жилищного строительства, оставалось немало бараков без элементарных удобств, и люди вынуждены были с этим мириться.

Не поспевала за ростом населения и инфраструктура поселка. Городская больница ютилась в непригодном для жилья деревянном здании барачного типа по улице Озерной. Такими же неказистыми были и два «учреждения культуры» — клуб горняков по улице Советской и еще один по улице Клубной, в районе старого соцгорода.

Улицы поселка не имели твердого покрытия, и поэтому весной и осенью, а также дождливым летом утопали в непролазной грязи. Кое-где спасали дощатые тротуары, но без сапог на улицу выйти было невозможно. Территории шахт также не благоустраивались, всюду громоздились отвалы руды и пустой породы, царили грязь, бездорожье. Большие конусообразные терриконы пустой породы напоминали египетские пирамиды. Они придавали особый колорит внешнему виду Дегтярки. Шахтные воды со значительным содержанием медного купороса без нейтрализации сбрасывались в речку, а потом попадали в Чусовую.

Для рабочих и инженерно-технических работников рудника к северо-западу от поселка был построен дом отдыха «Дегтярский». Вначале он состоял всего из одного деревянного корпуса. Но уже после войны пополнился еще десятком зданий и строений. Впоследствии этот уголок отдыха привлекал не только местных жителей, сюда ехали отовсюду. Сосновый бор, живописные берега речки Ельчевки, грибы, ягоды, рыбалка летом, белое безмолвие и тишина зи-

В Свердловске открыты Уральский геологический музей и Дворец пионеров (1937).

Северская Дегтярка.
Вид на гору Лабаз

мой, лыжные прогулки — все это высоко ценили отдыхающие. Кроме того, путевки для горняков были бесплатными или стоили символическую цену. Поэтому вскоре разрабатывается проект расширения дома отдыха со строительством нескольких капитальных корпусов, в том числе и лечебницы.

Для детей горняков рядом с селом Кунгуркой возвели летний пионерский лагерь. В школьные каникулы здесь не умолкали звонкие детские голоса.

Между поселком Дегтяркой и городом Свердловском ходил поезд, называемый «дачным». Впоследствии главными его пассажирами стали студенты вузов и техникумов. После учебы в областном центре молодежь, по традиции, возвращалась обратно, пополняя командный состав рудника.

Поезд выходил из Дегтярки ранним утром и около восьми часов утра прибывал на свердловский вокзал, подбывая по пути жителей Ревды, Первоуральска и пригородов. Состав шел медленно, с многочисленными остановками, но пассажиров вполне удовлетворял, так как проезд стоил дешево, а в вагоне можно было провезти немало груза. И главное для учащихся — можно было читать...

Великая Отечественная

Директива СНК СССР определила одну из важнейших задач — укрепление тыла и подчинение всей его деятельности интересам фронта (1941, 29 июня).

В сравнительно налаженный, размеренный быт поселка вихрем ворвалось сообщение о вероломном нападении на страну гитлеровской Германии. Война! Народ недоумевал, как же могло такое случиться, ведь немцы только что считались лучшими друзьями и у Сталина с Гитлером был заключен дружественный пакт. А радио уже сообщало печальные вести о первых потерях. На руднике и в поселке проходили митинги и собрания, на которых руководство района и области призывало народ сплотиться для борьбы с фашистскими захватчиками.

В первые же дни войны с рудника на фронт ушло 12 человек. Поначалу призыву подлежали рабочие и инженерно-технические работники только вспомогательных производств — механического цеха, подсобного хозяйства и т.д. Но вот дошла очередь и до тех, кто трудился непосредственно под землей. Многие горняки, имеющие бронь, не дожидаясь призывных повесток, обучали своей профессии пришедшее на рудник поколение и уходили на фронт добровольцами.

Главными лозунгами стали «Защитим Родину от веролом-

ного врага!» и «Добывая руду, ты борешься с врагом!» В шахты спустились женщины и подростки и работали там наравне с оставшимися на производстве мужчинами по десять и более часов в смену в невероятно тяжелых условиях. Совсем уж голодать не приходилось, но все же скудное питание и изнуряющий труд губили людей, приводили к ранней смерти, стоило только всерьез заболеть.

К этому добавились переживания за своих близких, ушедших на фронт. Люди в коммуналках пугались очередной почты: не несет ли она трагическую весть. Все больше женщин становились вдовами с малолетними детьми на руках.

Появились в поселке инвалиды войны: калеки без рук, без ног, обгорелые, ослепшие, контуженные. А у государства не было возможности достойно позаботиться о них. Эти физически и психически искаленные люди порою были вынуждены влачить жалкое существование. В прошлом работавший в забое физически сильный и крепкий мужчина, став немощным после ранения, чаще всего уже не мог приобщиться хоть к какому-нибудь труду. Иного это вконец его ломало, случались и самоубийства.

Все эти невзгоды дополнительной тяжестью легли на женские плечи. Женщины стали главной опорой своим израненным мужьям, детям и старикам. Весь день они надсадно трудились в шахте, обеспечивая подачу руды, а ночами, зачистая при свете костров, с лопатами и мотыгами в руках разрабатывали под картофельные огороды целину: без этого не могла обойтись ни одна семья.

Между тем руда была крайне нужна стране, а рабочих рук не хватало. Тогда, по правительственному решению, на территории поселка Дегтярка были созданы два трудовых лагеря — один для немецких и румынских военнопленных, другой для наших соотечественников. Военнопленных разместили в «треугольнике» улиц Шевченко, Литвинова и Куйбышева, огородив район забором с вышками и колючей проволокой. Пленных — а это были в основном офицеры — направляли в шахту «Капитальная-2» и на строительные работы. Их водили под усиленным конвоем солдат с автоматами и сторожевыми собаками. Первое время военнопленные работали на обособленных участках, и неусыпная охрана исключала возможность их контактов с русскими рабочими. По словам очевидцев, здесь царили порядок и чистота, плен-

Горнячки
Шура Бугаева (слева),
Тося Кучева

За 1941–1945 гг. число женщин среди рабочих и служащих увеличилось более чем на 15 млн (56% от общего числа работающих); в промышленности они составляли 52%.

ные работали добросовестно, перевыполняя установленные нормы. Так же шли дела и в бригадах строительных. Руками пленных возводились жилые дома по улице Калининна, на площади Ленина, а также здание Дворца культуры.

Вначале население, особенно инвалиды-фронтовики, относились к военнопленным более чем недоброжелательно: ждали от них всяческих каверз. Потом все стало привычным, на немцев и румын уже не обращали внимания. Жителей больше интересовала трофейная автомашина «оппель-капитан», на которой разъезжал по поселку начальник лагеря. Охранять пленных стали не так строго, как прежде, а в шахтах кроме погрузки и разгрузки руды им уже поручали более квалифицированную работу и даже порой разрешали иметь дело со взрывчаткой. Случаев неповиновения или попыток бегства со стороны пленных зарегистрировано не было.

Лагерь наших заключенных располагался в районе старого соцгорода, а его обитатели были приписаны к шахте «Капитальная-1». Контингент составляли не какие-то законченные преступники, а люди, осужденные на сравнительно небольшие сроки — например, за опоздание на работу, что в условиях военного времени приравнивалось к уголовному преступлению. Они работали в шахте за еду и так называемые *зачеты* для досрочного освобождения, нередко входя в состав смешанных (вместе с вольными) бригад.

Таким образом, несмотря на то, что значительная часть мужского населения рудничного поселка ушла воевать, трудом женщин, подростков и людей подневольных добыча руды шла полным ходом.

Дегтярский
детский дом

В суровые военные годы для сирот, потерявших родителей, в Дегтярке был открыт детский дом. Вначале его разместили в корпусах дома отдыха, затем перевели в помещение школы № 17 и заняли еще два дома по улице Куйбышева. Уже в послевоенную пору, в 1954 году, для детдома построили специальное здание на улице Калинина. Здесь он находится и ныне.

Дегтярцы —
участники войны

Мысль работы поселка

Все ждали окончания войны, и долгожданная Победа пришла. Сколько было радости и ликования! Начали возвращаться в родной поселок защитники родины. Наконец-то измученные женщины и дети начали встречать своих близких — отцов, сыновей, мужей, братьев.

С гордостью фронтовики щеголяли сиявшими на выцветших гимнастерках орденами и медалями. Был среди них и полный кавалер ордена Славы всех трех степеней Г.А. Попов. Отмечая окончание самой кровавой в истории войны, пили горькую во здравие живых и за упокой душ погибших. Но еще долго мирную жизнь омрачали кровоточащие раны: стучали по тротуарам деревянными протезами инвалиды, ходили с поводьями незрячие. На базаре под баян пел слепой — обгоревший в танке солдат.

Казалось бы, должна же наступить наконец долгожданная мирная благополучная жизнь, но неурожаи 1945–1946 годов сказались на снабжении населения продовольствием. Жителям Дегтярки, как и многих других уральских посел-

По общей численности рабочего класса Урал занимал второе (после Центрального района) место в РСФСР (1950).

ков, оставалось надеяться только на свое собственное домашнее хозяйство. Многие держали коров, коз, овец, кур, свиней, хотя пастбищ и покосов не хватало. И вновь приходилось вручную раскапывать каждый клочок земли — под огороды, выращивать картошку.

После войны возникла еще одна проблема, криминальная, а ведь воровство и бандитизм, казалось бы, были несовместимы с патриархальными нравами жителей небольшого рабочего поселка. В темное время суток люди боялись выйти на улицу. Опасность представляли преступники, вернувшиеся из мест заключения, среди которых были уголовники, не умевшие и не желавшие работать. И молодые люди, иногда совсем мальчишки, в плену блатной «романтики» сбивались в шайки, которыми также руководили уголовники. Опустошались квартиры, угонялся скот, среди белого дня на улицах грабили честной народ, снимая одежду, обувь, часы. К чести местных властей, порядок был вскоре наведен: главарей выследили и осудили, шайки распались.

Постепенно налаживалась культурная жизнь Дегтярки. В клубах крутили фильмы, чаще всего трофейные, в теплое время года работали танцевальные площадки — их называли «сковородками», здесь играл баянист, но случалось, что и целый духовой оркестр.

Главным культурным центром поселка становится район Северной Дегтярки (ныне улицы Советская, Ревдинская, Кунгурская, Дегтярская). И не случайно. В этом небольшом микрорайоне, где проживало тогдашнее руководство рудника, были сосредоточены Клуб горняков, магазин, Дом инженерно-технических работников, радиоузел и стадион.

Имелась в послевоенные годы в Дегтярке удивительная достопримечательность, которую местные жители окрестили просто — «трофеи». Вдоль железной дороги, по улице Исток, были выгружены прямо на землю привезенные на открытых платформах *отходы войны*: разбитая техника, обломки самолетов, искореженные танки, пустые гильзы разных калибров, груды касок, наших и немецких, и многое другое. Все это как металлолом предназначалось в переплавку для нужд Ревдинского метизно-металлургического и Дегтярского механического заводов.

Экспонаты Дегтярского музея: снаряд, каска, шилотка, фляжка

Безусловно, с этими военными трофеями предварительно пороботали саперы, чтобы обезвредить их, но постоянно рывшиеся в хлам вездесущие пацаны все же умудрялись находить и боевое оружие. Ну а уж личный штык, каску, покореженный ствол винтовки или пулемета запросто мог иметь каждый мальчишка.

Рылись на свалке трофеев и взрослые, отыскивая что-нибудь пригодное для хозяйства. Так, рабочий И.Т.Сердюк обнаружил здесь трактор Харьковского тракторного завода (ХТЗ), двигатель которого в нескольких местах был пробит осколками и пулями. Умелый мастер, он залечил у машины фронтальные раны, а колеса приладил от найденной здесь же разбитой гаубицы. После этого на обновленном «харьковчанине» И. Т. Сердюк проработал в центральных мастерских рудника более пятидесяти лет, перевезя с его помощью тысячи тонн груза.

В начале 60-х годов все трофеи были наконец изрезаны и отправлены на переплавку.

После войны на руднике очень остро встала проблема нехватки рабочих рук. И хотя еще продолжал использоваться труд военнопленных и заключенных, было ясно, что вскоре этому придет конец. После 1945 года первыми уехали домой из Дегтярки плененные в боях румынские офицеры, немцам пришлось задержаться дольше, до 1953 года. Еще через четыре года были ликвидированы и остатки местного ГУЛАГа.

И вот, как в годы первых пятилеток, отправились по страже вербовщики, а в поселок по найму начали прибывать жители других краев и областей. А дальше все шло по накатанной колее: койка в общежитии, недолгие курсы производственного обучения, и, как поется в песне, «в забой отправился парень молодой»...

Улица Калинина

Руководство
местной цветной
металлургии.
1950 г.

За годы четвертой
пятилетки (1946–
1950) валовая про-
дукция промыш-
ленности по срав-
нению с 1940 годом
выросла на 73 %, а на-
циональный доход –
на 61.

Успешную работу рудника и рост добычи руды определяют два главных фактора: применение прогрессивных инженерных разработок и интенсивная физическая нагрузка подземных рабочих. К сожалению, второй фактор в России был преобладающим. В 40–50-е годы руда добывалась ценой тяжелого ручного труда. И когда комплектовались коллективы производственных бригад, то особо ценились рабочие физически крепкие, выносливые, которым под силу было выстоять смену на глубине в условиях сырости, высокой температуры и загазованности, да еще затрачивая массу мускульных усилий. Особенно тяжело было бурильщикам, ведь им кроме всего прочего досаждали запыленность, вибрация и присутствие в воздухе серного ангидрида. Но несмотря ни на что, главным лозунгом времени было: план любой ценой! Ради этой цели и руководители шахт, и бригадиры да и сами рабочие порой шли на явные нарушения техники безопасности и промышленной санитарии.

Самой уважаемой фигурой на производстве считался бригадир. К нему предъявляли высокие требования, в том числе хорошее знание технологии и умение наладить контакты как с рабочими, так и с руководством шахты. Авторитет бригадира был непререкаем, и в бригаде существовала строгая, почти военная дисциплина. Любое неподчинение указанию бригадира наказывалось только раз, в случае повторения непокорный попросту изгонялся из коллектива. Такой порядок поддерживался и начальством. Заменить ушедшего работника сложности не представляло. Желающих работать в образцовых бригадах было немало: привлекали не только высокие заработки, но также почет и уважение, которыми эти «знатные» бригады были окружены.

Из бригадиров, чьим трудом создавалась и укреплялась слава Дегтярского рудника, особой популярностью у влас-

тей и пишущей братии пользолись трое: «почетный горняк Советского Союза», кавалер ордена Ленина Ярулла Валеев, бригада которого гремела рекордами в послевоенные годы; Герой Социалистического Труда, тоже кавалер ордена Ленина, Николай Свиридович Кривобок (его проходческая бригада довела установленный до этого рекорд проходки — 55 метров в месяц — до 100 метров, а в марте 1967 года прошла аж 230 метров выработки), и знаменитый бригадир, тоже Герой Социалистического Труда и кавалер ордена Ленина, Гарайша Давлеевич Абубакиров. Всего же высшим тогдашним орденом были награждены 16 работников рудника, награды рангом ниже были у многих рабочих и инженерно-технических работников.

В 1956–1957 годах коллектив рудника выступил инициатором широкого внедрения в горнорудное производство автоматизации. Многие для этого сделали такие представители местной инженерной мысли, как Н. Е. Инденбаум, В. Я. Акимов, Л. И. Ахидов, К. И. Катая, Н. В. Лебеденко, Ю. И. Рассадин.

В послевоенные годы появилось в поселке еще одно предприятие — Дегтярский механический завод (ныне это ОАО «Дегтярский машиностроительный завод», а в недалеком прошлом — Дегтярский филиал Уральского завода химического машиностроения). Начало ему дали механические мастерские рудника, располагавшиеся в северо-западной части города Дегтярска. Здесь имелись литейное, механическое и токарное производства, кузница, гараж (на два автомобиля и трактор), пилорама, столярная мастерская и конный двор (на три десятка лошадей). Контора мастерских располагалась на первом этаже жилого двухэтажного деревянного дома по улице Озерной.

Кто знает, как бы сложилась дальнейшая судьба механических мастерских, если бы в 1948 году они не были переданы Министерству геологии СССР, которое решило в кратчайшие сроки создать на этой базе механический завод по ремонту бурового оборудования, изготовлению буровых и обсадных труб, чугунной дробы для бурения и т.д.

В ближайшее время тут построили цех № 1, где в основном разместилось токарное оборудование. В дальнейшем появились новая кузница, склады, столярный цех, переоборудованный из бывшего токарного цеха, новый гараж. Рядом с заводом выросли жилые двухэтажные дома.

А как же отдыхали жители Дегтярки?

Настоящим культурным — при всем своем явном «крене» на *оздоровительность* — центром после войны, да и почти все

За 1956–1958 гг. в стране вступили в строй 2690 крупных промышленных предприятий, в том числе на Урале Верхнетагильская тепловая электростанция, Серовский завод ферросплавов.

* Надо сказать, что волейбол как вид спорта и даже способ проведения досуга тогда переживал какой-то удивительный всплеск своей популярности: сколько было на поселке площадок, где до темноты «рубилась» увлеченные и производственные команды!

На перевале автодороги Ревда-Дегтярск установлен обелиск «Европа-Азия» (1984). Он изготовлен Дегтярским рудоуправлением по проекту художника Л. Меншкова и архитектора З. Пуляевской.

пятидесятые годы, был стадион. Точнее, целый спортивный комплекс с футбольным полем, беговыми дорожками, волейбольными* и баскетбольными площадками, прыжковыми ямами, сектором для метания диска, ядра, копья и базой для хранения спортивного инвентаря. Деревянные трибуны, раздевалки да и весь комплекс не пустовали ни зимой, ни летом. С утра до позднего вечера здесь слышались стук мячей и восторженные крики болельщиков, приветствующих очередной гол. С открытием футбольного сезона здесь шли встречи местных команд, приезжали состязаться спортсмены из Ревды, Полевского, Первоуральска.

Стадион был и просто местом встреч жителей поселка. Расположившись на деревянных трибунах или прямо на траве в тени деревьев, они горячо обсуждали итоги игр ведущих футбольных команд страны, строили прогнозы на будущее, мечтали о собственных рекордах. Зимой футбольное поле превращалось в каток, его заливали с первыми морозами, а к Новому году на нем устанавливали сверкающую огнями елку. Дотемна пропадали здесь конькобежцы, и ребятиншек было трудно дозваться домой.

Другим местом летнего отдыха служило озеро Ижбулат. Этот живописный уголок — обступивший со всех сторон озеро сосновый бор с липовым леском — привлекал тысячи отдыхающих. Здесь можно было искупаться, позагорать, порыбачить, покататься на лодке, благо лодочная станция работала постоянно. На массовые народные гуляния в начале лета собирались буквально все жители. Играл духовой оркестр, выступали самодеятельные артисты, работали аттракционы, были открыты всевозможные ларьки. Словом, после тяжелой работы у людей была возможность хорошо отдохнуть с пользой для здоровья.

Со статусом города

В 1954 году Президиум Верховного Совета СССР принял решение преобразовать уральский рабочий поселок Дегтярск в город Дегтярск. 60-е и 70-е годы стали годами его расцвета.

Город жил в новостройках: возводили больничный городок, открывали новые магазины. Благоустраивались улицы, асфальтировались дороги. Строилось современное (по нормам тех лет) жилье с «удобствами», и люди покидали бараки, которые тут же шли на снос.

И все же, несмотря на интенсивное строительство, жилья дегтярцам не хватало. Очень многие семьи ютились в

Улица Комарова

коммунальных квартирах, занимая всего одну комнату, пользуясь общей кухней, а ведь население росло. Радикальным выходом было бы строительство многоэтажных зданий, но для этого требовалась промышленная база, которой не было. Поэтому горисполком принял решение поощрять стремление граждан, которые решили строиться сами, индивидуально. Оказывать помощь в этом благом начинании было рекомендовано и руководителям предприятий. В соответствии с генеральным планом Дегтярска, были выделены строительные площадки.

К югу от Нового соцгорода, за речкой Вязовкой, вскоре вырос поселок. А так как улицы его были названы в честь писателей — Крылова, Гоголя, Лермонтова, Мамина-Сибиряка, Островского, Маяковского, — то и поселок в народе стал именоваться *Писательским*.

С 1967 года начинается строительство многоэтажных зданий в южной части улицы Калинина — так называемый квартал «А». В этом квартале и по новой улице Гагарина ежегодно сдавалось по одному большому дому на 80–100 квартир.

Интенсивная застройка Дегтярска шла до 1990 года, далее последовал резкий спад, начиная же с 1997 года жилье практически не строится.

Выше уже отмечалось, что к началу 50-х годов поселок не был благоустроен, а шахтные территории оказались крайне замусоренными. Системы канализации вообще не существовало. Жители большинства домов пользовались коллективными дворовыми уборными, стоки сбрасывались в выгребные ямы, которые очищал обоз *золотарей* с черпаками и в бочках вывозил нечистоты за поселок на ассенизационные поля. Надо ли говорить об «ароматах», которые разносились при очистке? К тому же содержимое мусорных ящиков вывозилось нерегулярно. Пришлось заняться этим всерьез.

Приняты программы освоения целинных и залежных земель в районах Урала, Сибири, Казахстана и Поволжья; туда выехали 350 тыс. уральцев (1954).

Писательский
поселок

Остро встал вопрос благоустройства и озеленения территории, прежде всего центра города. Здесь было решено создать Сад горняков. Инициативу взяли на себя руководство и общественность рудника, став организатором проведения субботников и воскресников. Каждое подразделение предприятия получало свой участок, откуда надо было вывезти мусор, разровнять землю, посадить деревья и кусты. Пешеходные дорожки в будущем саду посыпались гравием и щебнем, основные аллеи были заасфальтированы. Своими силами рудник возвел здесь танцевальную веранду, читальный зал, обустроил волейбольную и баскетбольную площадки. Кроме Сада горняков специально для детей поблизости был разбит парк пионеров и школьников.

Похорошела главная магистраль города — улица Калинина, по обеим сторонам ее были посажены деревья, проложены тротуары. Обустраивалась и площадь перед Дворцом культуры.

Асфальтировались и озеленялись улицы и на окраинах. Дорога с твердым покрытием соединила Северскую Дегтярку с Новым соцгородом. Ремонтировались и благоустраивались старые дома. К северо-западу от города, по соседству с больничным городком, на реке Вязовке был вырыт городской пруд объемом в миллион кубометров воды — с искусственным пляжем, лодочной станцией и вышкой для прыжков в воду. Горожане полюбили пруд и сразу же обжили его. А в День шахтера, который по традиции празднуется в конце августа, здесь устраивались массовые праздничные гуляния. По достоинству оценили пруд и рыбаки-любители, они по сегодняшний день с удочками пропадают тут в свободное время — не только летом, но и зимой, у ледовых лунок.

Параллельно с сооружением объектов соцкультбыта расширяются старые пришахтные сооружения, вводятся и совершенно новые. Строится центральный ремонтно-механический цех, где создается экспериментальный участок для сборки уникального по тем временам шахтного оборудования.

А на шахтах рудника в эти годы постоянно растет добыча руды. В отдельные годы ее добывалось рекордное количество — до трех миллионов тонн. На копрах шахт день и ночь горели пятиконечные звезды, они были видны всему городу. Это означало, что горняки выполняют и перевыполняют план.

Хотя, по словам работавших в те годы на руднике, трудовые достижения отдельных коллективов и рабочих порою несколько завышались в победных рапортах о *вахтах навстречу* очередному партийному съезду, но, что бы там ни

На Уралвагонзаводе в Нижнем Тагиле открыт народный университет культуры, один из первых на Урале (1958).

Свердловская область награждена орденом Ленина (1959).

В забое

В Свердловске
родился миллион-
ный житель (1967,
23 января).

говорили, руда шла без перерыва, рудник входил в число передовых горнорудных предприятий цветной металлургии Урала.

Не обижен был вниманием и получивший статус города Дегтярск. Приезжали гости с родственных предприятий обмениваться передовым опытом. Случались и визитеры зарубежные: в разное время город посещали делегации из Швеции, Германии и других стран.

Наиболее запомнился старожилам уже упомянутый визит вице-президента США Ричарда Никсона в конце 50-х годов.

Из версий, почему именно Дегтярск выбрал для посещения высокий американский гость, наиболее достоверной кажется та, что кто-то из родни Никсона в свое время владел акциями компании «Лена Голдфильдс Лимитед» и, будучи концессионером, даже работал в Дегтярке, когда поселок был еще совсем крошечным, а вокруг шумела нетронутая тайга. Вот Никсону и захотелось взглянуть на эти места.

Как вспоминают очевидцы, к приезду заморского гостя готовились загодя: ремонтировали дорожные покрытия, подновляли фасады домов, мимо которых он должен был проследовать. Маршрут был обозначен предельно четко: на автомобилях от Ревды до Дегтярска, проезд по главной улице до рудоуправления, здесь короткая встреча с руководством и особо отобранными представителями трудового коллектива, затем легкий завтрак в столовой № 1 и возвращение через Ревду обратно в Свердловск.

По пути эскорта по обеим сторонам улицы Калинина были выстроены жители и школьники со своими учителя-

ми. Всем была дана команда — руками не размахивать и чрезмерных улыбок не расточать, ведь СССР и США пребывали тогда в состоянии холодной войны. Визит был буквально мимолетным, но дал населению пищу для долгих разговоров и оброс веселыми байками, явно сочиненными местными островами.

Одна из них такова. Якобы на каком-то участке маршрута Никсона оставались еще не снесенными бараки, в которых жили люди. Решено было прикрыть их глухим забором. Однако телевизионные антенны на крышах бараков хорошо просматривались (горняки — народ не бедный, и телевизоры уже широко вошли тогда в их быт). Утверждают, будто бы строения за забором заинтересовали Никсона. «Что это такое?» — спросил он. Через переводчика ему объяснили, что де это скотный двор. Гость был очень удивлен, зачем на скотном дворе установлены телевизоры...

К 30-летию Победы над фашистской Германией в Великой Отечественной войне в городе был создан мемориал в честь земляков-дегтярцев, погибших на полях сражений.

Место было выбрано в самом центре, между зданиями районного управления и городского Совета, где всегда бывает многолюдно. Вначале заложили камень, а уже в конце 1973 года взметнулась ввысь остроконечная стела со звездой, а на постаменте установлены мраморные плиты, на которых высечены имена. С той поры 9 мая здесь ежегодно проходят митинги, возлагаются венки...

Дегтярск — типично промышленный город. Его жизнь и развитие всегда определяла деятельность главного градообразующего предприятия — рудника. Но осязаемую роль в 60–70-е годы играл также и Дегтярский механический завод. Пред-

Свердловчане впервые увидели цветную телепередачу (1968).

Ричард Никсон
в Дегтярске

На Международной выставке ЭКСПО-70 в Осаке (Япония) демонстрировались экскаватор ЭКГ-4. 6Б Уралмаша, 46 видов различных серебряных, золотых, самоцветных украшений художников, ювелиров-модельеров и мастеров из Свердловска (1970).

приятие активно развивалось, особенно после того, как в одночасье перешло от одного ведомства к другому и стало филиалом Уральского завода химического машиностроения. Его продукция имела широкий спрос: вакуум-фильтры, аппараты для приготовления жидкого стекла и гашения извести, различные емкости и цистерны, редукторы и лебедки. Во вновь отстроенном столярном цехе из дерева различных пород изготавливались товары массового спроса, в кузнице появился *участок нестандартизованного оборудования*, где изготавливались формы для Первоуральского комбината железобетонных изделий.

Завод и поселок при нем расширялись, благоустраивались. Строился цех по производству цистерн, административно-бытовой корпус со столовой и АТС. Из объектов соцкультбыта — свой детский сад, жилье для работников завода. Отремонтирован Клуб машиностроителей (бывший Клуб горняков), а на заводе и в поселке проведена канализация.

Когда истощились рудные запасы

О том, что добыча руды рано или поздно закончится, было известно еще с конца шестидесятых годов, когда уточнялись ее запасы. И срок прекращения работы рудника рассчитали достаточно точно. Вопрос о том, чем занять высвобождающихся после закрытия шахт рабочих, решался на правительственном уровне.

В 1972 году постановлением Министерства цветной металлургии СССР в Дегтярске создается Уральское опытное предприятие научно-производственного объединения «Союзцветметавтоматика», известное в городе как УОП. Оно разместилось на территории уже остановленной к тому времени шахты «Капитальная-1», в освободившихся помещениях шахтоуправления, перестроенных и переоборудованных под новое производство. УОП ориентировалось на выпуск автоматики и контрольно-измерительных приборов, включая нестандартизованное оборудование и опытные образцы. Предприятие состояло из механического и электромонтажного цехов, прессового участка, гаража, котельной и других подсобных участков.

Более полутора десятков лет УОП работало стабильно, наращивая объемы и расширяя номенклатуру продукции. Списочный состав работающих включал уже более 500 человек. Не случайно приступили к строительству четырех-

**Шахта Крылатов-
ская добывала
золото**

тажного инженерного корпуса и пристроя со столовой и актовым залом. Намечалось дальнейшее расширение предприятия и, что очень важно, создание нового производства, условно названного «Завод робототехники».

Под завод и жилые дома для его работников было выделено место, разработан проект и даже начато строительство котельной. Но дальше этого не пошло... Кирпичная труба и недостроенное здание котельной, отданные во власть ветрам, дождям и морозам, и сейчас еще видны с улицы Водосточной.

Уральское опытное предприятие в 1989 году обрело полную самостоятельность, выйдя из состава научно-производственного объединения. Однако заказы на продукцию стали резко сокращаться, начались трудности с финансированием. В поисках выхода УОП разбили на малые предприятия — каждое со своим директором, бухгалтером, экономистом, — и все это стало называться ассоциацией. Но ощутимого эффекта такое реформирование не принесло.

И только сейчас предприятие обрело второе дыхание. ЗАО «Уралавтоматика-инжиниринг» (так оно сейчас называется) не просто загружено работой, но даже потеснило некоторых зарубежных конкурентов, выступив генеральным подрядчиком автоматизации Учалинского ГОКа в Башкирии.

Нелегкими были последние годы и для Дегтярского механического завода — филиала Уральского завода химического машиностроения. С началом перестройки в стране и переходом к рыночным отношениям он не просто вышел, а буквально выпал из состава завода. Кое-кто из руководителей предприятия подумал, что избранная ими свобода дей-

Дегтярск. Жилые
дома 1980–1985 гг.

ствий во благо. Вскоре ошибку поняли, но было уже поздно. Осталось одна надежда — на акционирование...

Производство же на предприятии, ставшем АО «Дегтярский механический завод», что называется, *не пошло*. Установление свободных цен на продукцию, особенно разрыв после распада СССР устоявшихся деловых связей попросту подкосили его. Потребители из ближнего зарубежья стали отказываться от уже изготовленного по их заказу оборудования — нечем было рассчитываться. Прервались налаженные производственные контакты, нарушились поставки комплектующих изделий и деталей, не хватало оборотных средств.

Более или менее годное оборудование было продано для погашения части долгов, а попытки наладить производство ликвидных товаров успехом не увенчались. Как-то разом поредел и списочный состав работающих. Из более чем тысячи человек нынче осталось менее двух сотен, большинство из них — инженерно-технические работники и охрана.

Скажем немного о других предприятиях города, которые большого влияния на градообразование не оказывали, но в то же время могли хотя бы частично занять высвобождающиеся на руднике рабочие руки.

Прежде всего это так называемый ДАРЦ — Дегтярский авторемонтный цех, дочернее предприятие «Свердловскавторемонта», завода из областного центра, призванного ремонтировать автомобили «Волга», в том числе и для таксомоторных парков. В дегтярском цехе ремонтировали агрегаты и кузова, вели покрасочные работы. К сожалению, сегодня производство практически остановлено...

В 1988–1990 годах на выезде из города в сторону села Кунгурки были построены цехи и дома для работников Дегтярского производственного участка Завода медицинской ап-

В Свердловске, на стадионе «Локомотив», состоялся митинг, посвященный началу строительства метро (1980, 28 августа).

Вид на город
с горы Лабаз

Улица Кунгурская

В Нижнем Тагиле создано независимое общественно-политическое объединение «Возрождение» с целью содействия решению актуальных социальных проблем, защиты прав человека (1988).

паратуры. Участок выпускал опытные образцы медицинского оборудования. Сейчас он временно остановлен.

С перебоями сегодня работают и другие дочерние филиалы заводов Екатеринбурга — цех индикаторных трубок (его продукция раньше использовала ГАИ, нынешняя ГИБДД, для определения количества углекислого газа от выхлопов автомобилей, сейчас перешла на другую аппаратуру), а также прежде один из наиболее крупных в области Дегтярский пошивочный цех фирмы «Спортодежда».

А что же стало с основным градообразующим предприятием — Дегтярским медным рудником, или, как его еще называют, Дегтярским рудоуправлением?

К началу 90-х годов добыча руды велась уже на большой глубине, а ствол шахты «Капитальная-2» достиг отметки 600 метров. Себестоимость руды росла, а объем ее добычи резко сокращался. Стало ясно, что запасы выработаны и подходит к концу рудничный век.

В то же время с давних пор существовало предположение, которое поддерживали корифеи геологической науки, что наряду с основным месторождением медной руды должно существовать другое, расположенное в непосредственной близости от него. Указывали и вероятное место — где-то в районе озера Ижбулат, а может быть, под Северской и Ревдинской Дегтярками. Для разведки были пробурены три скважины глубиной около двух тысяч метров каждая. Увы, результат был отрицательный: скважины не обнаружили ни рудного тела, ни достоверных признаков его.

Бурили также непосредственно из шахтных выработок, но и это оказалось безрезультатным. Таким образом, уже к 1990 году стало ясно, что добыча руды в ближайшие годы закончится и Дегтярский рудник прекратит свое существование. Это и произошло в 1994 году.

Городская больница

По некоторым сведениям, под землей все же осталось от полутора до двух миллионов тонн медной руды, но добыча ее была бы связана с дополнительными трудностями и затратами, что в ту пору посчитали нерентабельным.

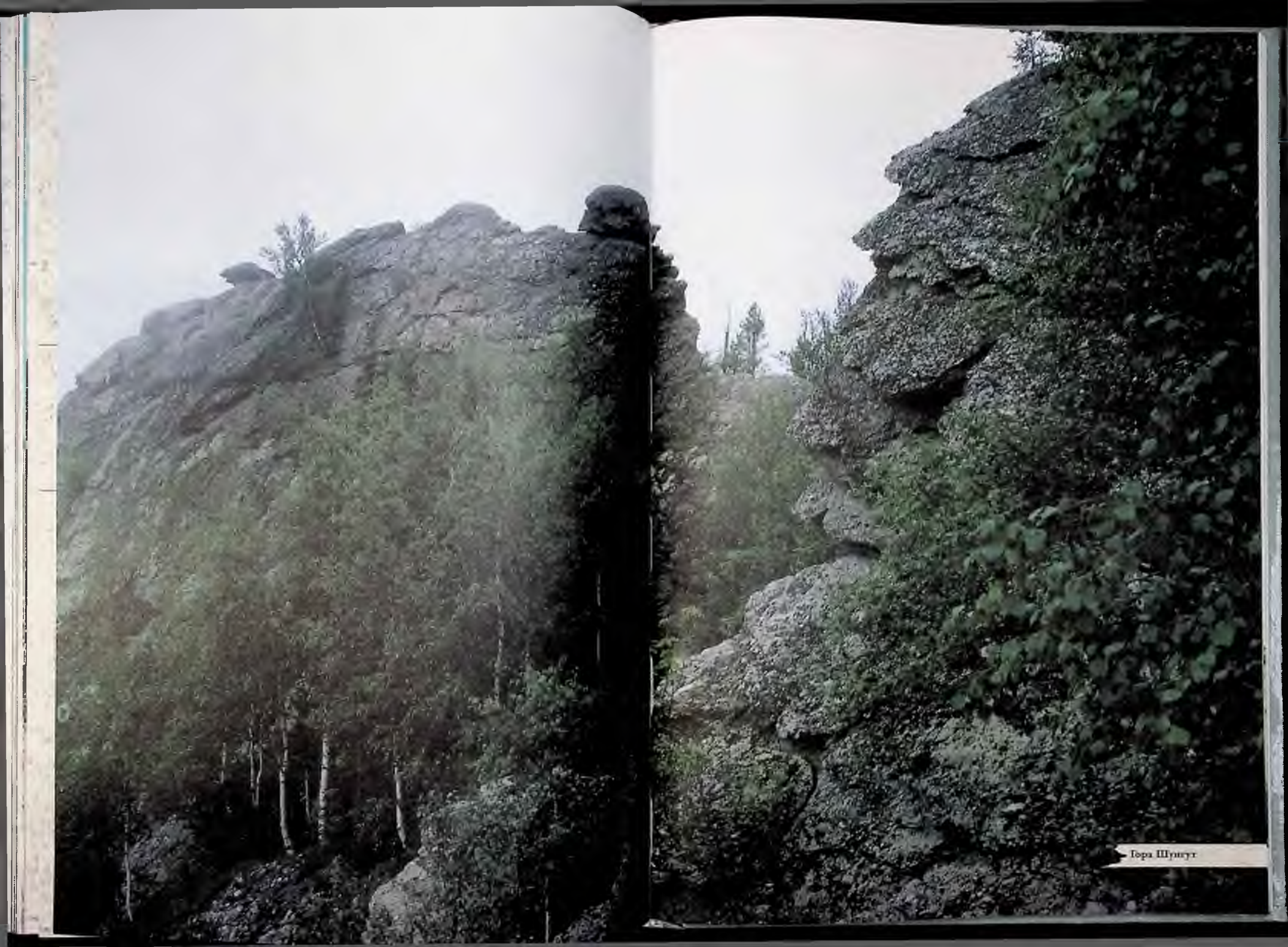
Возлагались надежды на выщелачивание недобытой руды закачкой воды с химическими добавками в рудное тело — через специально пробуренные скважины. Но оказалось, что в монолите руда выщелачиванию поддается слабо.

Перед заполнением шахт водой начался демонтаж оборудования. Но тут руководство рудоуправления забило во все колокола: а не лучше ли будет использовать шахтные выработки для иных народнохозяйственных целей, в том числе и для науки? Особенно перспективными для экспериментов ученых представлялись глубокие штольни, к тому же с подземным транспортом. Однако проблема решения не нашла, шахты были затоплены водой.

Подведем итог. За годы работы Дегтярского рудника из земных недр было добыто около ста миллионов тонн меди и цинка, десятки тонн золота, тысячи тонн серебра, десятки миллионов тонн серы. Дополнительно добывались и другие металлы, в том числе редкоземельные, но производство их налажено не было, и большей частью они осели в отвалах (хвостах) перерабатывающих предприятий.

К 1990 году в состав Дегтярского рудоуправления из социальной инфраструктуры города входили больничный городок, санаторий-профилакторий, стадион, детская техническая станция, восемь детских садов, семь школ, шесть столовых, кафе, ресторан, две бани, музыкальная школа, 35 магазинов. Все это требовало постоянного внимания и огромных средств для содержания и эксплуатации. К тому же рудоуправление обслуживало около 90 процентов городского жилого фонда.

Создана Ассоциация экономического взаимодействия областей Уральского региона РСФСР (1991).

Гора Шугур

Во всех крупных городах региона прошли многолюдные митинги в знак протеста против действий ГКЧП (1991).

Свердловский облсовет принял решение о провозглашении Уральской республики; началась работа над ее Конституцией (1993).

Улица Калинина

Содержать все это уже не было возможности, и рудоуправление в середине 90-х годов передало всю инфраструктуру городской администрации. Итак, основное градообразующее предприятие закрылось, а оставшиеся нестабильны, пребывают на грани полной остановки, резко сократилось поступление средств в местный бюджет. Не строится новое жилье, и даже работы по поддержанию инфраструктуры города сведены сегодня к минимуму.

Что сейчас представляет собой акционерное общество «Дегтярское рудоуправление»?

В него входит несколько промышленных подразделений. Прежде всего это известковый цех — его назначение видно из названия. Центральный ремонтно-механический цех призван обслуживать действующие шахты Крылатовского рудника, а кроме того, тут изготавливаются насосы. Деревообрабатывающий цех с пилорамой и сушилкой леса кроме изделий, необходимых в производстве, выпускает товары народного потребления и выполняет заказы сторонних организаций. На Крылатовском руднике продолжается добыча флюсовой руды, необходимой для медеплавильной промышленности. Есть у рудоуправления и несколько подсобных подразделений.

Если в прежние годы, когда рудник работал в полную силу, на его предприятиях и шахтах было занято более десяти тысяч человек, то сейчас, даже с учетом Крылатовки, работников осталось не более двух тысяч.

Как же в условиях явного экономического кризиса выживает население некогда вполне благополучного города с хорошим снабжением?

Большим подспорьем людям опять стали приусадебные участки, огороды на распаханных пустошах, да еще коллективные сады. Начало коллективному садоводству было по-

ложено в пятидесятые годы, когда создавались первые товарищества. Сейчас таких садов уже восемь. На своих с любовью возделанных участках жители выращивают клубнику, малину, смородину, крыжовник, устойчивые к уральским морозам яблоки и вишню. Много в садах теплиц, в них, а то и на открытом грунте снимают дегтярцы хорошие урожаи помидоров и огурцов, кабачков и капусты.

Что ждет Дегтярск в будущем?

На этот счет есть множество мнений, в том числе и весьма противоречивых. Пессимисты заявляют: городу не выстоять, потому что ресурсы выработаны, а у промышленных предприятий, на которых устаревшее оборудование, бестолковое руководство и люмпенизированные рабочие, мол, нет будущего. Пройдет время — инфраструктура города постепенно развалится, жилье станет непригодным, обветшает, а людям будет негде работать, и они разъедутся кто куда. Словом, ждет Дегтярск судьба городов-«однодневок» золотоискателей Клондайка.

Возможно, этим грустным прогнозам суждено оправдаться, но только если заранее смириться, опустить руки и ничего не делать. Попробуем поспорить с пессимистами.

Прежде всего о ресурсах. Возьмем для сравнения Европу — каковы сегодня ее природные богатства? Все месторождения, доступные для разработки, уже давно открыты и в основном выработаны. К примеру, россыпное золото и платина на территории Германии были полностью добыты еще во времена Римской империи, то есть, по крайней мере, 1500 лет назад. Добыча же нерудных ископаемых влечет за собой изъятие из севооборота части и без того скудных сельскохозяйственных угодий. В некоторых случаях эти месторождения вообще расположены на территориях городов, и их разработка чревата сносом жилья и т.д.

В то же время в современном обществе будущее любого населенного пункта определяется градообразующим фактором — будь последним шахта, фабрика, завод или любое другое производство, где население может найти работу. В свою очередь эти предприятия вносят в местный бюджет налоги, на которые содержатся и развиваются города.

Что же касается Дегтярска, то с закрытием рудника он лишился основного своего предприятия, но в то же время остались такие хорошо развитые компоненты градообразования, как автомобильные дороги до Екатеринбургa и Рев-

В Свердловске создана общественная организация «Долой трущобы» (1991).

Избраны первые областные законодательные органы власти — областные Думы и Законодательные Собрания (1994).

Создано общественное непартийное объединение «Преображение Урала» (1994).

Здание школы в Ревдинской Дегтярке

ды; линия электропередачи с подстанцией «Дегтярка» и большим запасом высвободившихся мощностей; принадлежащая Среднеуральскому медеплавильному заводу железная дорога; жилье; школы; медсанчасть; Дворец культуры; коммунальные сети и системы теплоснабжения, водоснабжения, канализации... В последние годы была построена АТС с выходом в систему «Уралтелеком» и международную систему связи. Поэтому при строительстве какого-то нового предприятия уже не понадобится тратить огромные средства на внешние коммуникации и инфраструктуру. К тому же город обладает большим невостребованным потенциалом квалифицированных рабочих и инженерно-технических кадров. Словом, город не может исчезнуть, если он — город.

Казалось бы, при таких условиях инвесторы должны буквально осаждать администрацию Дегтярска с предложениями о готовности открыть на территории города новые предприятия. Однако из-за общей экономической нестабильности в стране этого пока не происходит. А если инвесторы все-таки находятся, то их заботит прежде всего сиюминутная прибыль, свои средства они готовы вложить в основном в торговые предприятия: магазины и другие торговые точки в Дегтярске постоянно продаются и покупаются, на смену одному неудачливому хозяину приходит другой, более успешный. Но проблемы безработицы это решить не может.

Впрочем, недавно в Дегтярск залетела первая «ласточка» — открылось совместное предприятие с привлечением иностранного капитала — фирма «ИМЕКС», которая будет расфасовывать и упаковывать сыпучие пищевые продукты (чай, крупы, сахар). Оборудование поставили партнеры из Словакии, его установили в помещении муниципальных баз

бывшего объединения торговли. И сразу появились вакантные рабочие места. Но этого, конечно же, очень мало.

Население Дегтярска хочет и должно работать. И не может быть заботы важнее для местной администрации, впрочем, так же, как и для областной и федеральной властей: где изыскать инвестиции для развития существующих предприятий и строительства новых.

Что представляет реальную перспективу для промышленного развития города?

Во-первых, речь может идти о расширении известково-го цеха Дегтярского рудоправления, имеющего проектную мощность 14 тысяч тонн комовой извести в месяц. Известь здесь получают путем отжига известняка в смеси с коксом в печах. На 500 тонн готовой продукции рассчитан склад. Но сегодня цех работает с явной недогрузкой в силу дороговизны кокса и неплатежей потребителей. Первая проблема уже скоро может быть решена, так как в Дегтярск пришел природный газ, и как только на него будут переведены печи, топливо перестанет быть дорогостоящим, да и в целом себестоимость извести снизится.

Когда речь идет о расширении производства, следует задуматься и о транспортировке комовой извести. Везти ее на дальние расстояния сложно, так как начинается процесс samozagasheniya и известь теряет качество. Более приемлемо было бы отгружать ее в виде теста (пасты), расфасованного в полиэтиленовые мешки или пакеты. Предварительно известь необходимо загасить, а полученное известковое молоко после гравитационного уплотнения и обезвоживания на вакуум-фильтрах даст ту самую пасту, удобную для компактного хранения и транспортировки.

Сырьевая база цеха на многие годы обеспечена разведанными запасами известняка Базановской полосы. При этом разработка новых карьеров по его добыче не должна пагубно отразиться на экологической обстановке района. Так, уже отработанный карьер известкового цеха превратился в водоем, который естественным путем *зарыбился* (есть такой термин) и стал сейчас любимым местом отдыха и рыбалки дегтярцев.

Теперь о других не востребуемых природных ресурсах района. В пойме реки Чусовой имеются россыпи с промышленным содержанием золота — сейчас металл старательская артель «Крылатовская» именно здесь добывает. Другие месторождения пока не разрабатываются.

Между Ревдой и Полевским, вблизи Дегтярска, геологи открыли месторождение никеля и кобальта (в частности,

Победительницей областного конкурса «Женщина года» в номинации «Жизнь — судьба» стала воспитатель семейного детского дома в Дегтярске Татьяна Владимировна Федосеева (2001).

Деревня Бережок

Подписан договор
о разграничении
предметов ведения
и полномочий меж-
ду органами госу-
дарственной влас-
ти Российской Фе-
дерации и органа-
ми государствен-
ной власти Сверд-
ловской области
(1996, 12 января).

никеля — до ста тысяч тонн). Освоение пока не ведется: содержание металлов здесь ниже уровня, считающегося промышленным, к тому же природоохранные органы опасаются, что процесс добычи может оказать негативное воздействие на природную среду. Но кто знает, может быть, в скором времени, когда исчерпанными окажутся запасы богатых месторождений, дойдет черед и до тех, что пока считаются бедными, целесообразной окажется и их разработка.

Южнее Дегтярска открыто проявление хромидов, а это ценный продукт для металлургической промышленности, используемый при выплавке легированных сталей. К западу от города имеются месторождения платины, тут ее добывали еще до 1917 года. Целесообразность разработки этих россыпей может быть определена только после детальной геологической разведки.

Буквально в городской черте находится месторождение торфа — так называемое *Торфяное болото*, или *Торфяник*. В 40 — 50-е годы XX века здесь велась сезонная добыча этого полезного ископаемого. Давно уже этого нет. Между тем разведку запасов проводило геологическое отделение Дегтярского рудоправления, определив запасы в объеме одного миллиона кубометров. Торф может быть использован как в качестве топлива, так и для удобрения — после сушки и освобождения от примесей. Большие запасы торфа залегают и в прилежащих к городу болотах.

В семи километрах южнее Дегтярска находится месторождение габбро — крепкой горной породы, которая хорошо полируется и шлифуется. В строительном деле габбро рекомендуют использовать как долговечный отделочный материал. Общие запасы месторождения — 73 миллиона кубометров. Кстати, выветренная часть габбро может быть

Деревня Кунгурка

употреблена для получения строительного щебня. Месторождение находится на горе, поэтому работы можно вести открытым способом. Подготовку к ним Дегтярское рудоуправление уже начало: приступило к строительству ЛЭП, автодороги и даже к вскрышным работам, но из-за финансовых затруднений дело прекратилось. К тому же, чтобы отделочный материал из габбро был высокого качества, прибегать к взрывам и бурению нежелательно, а специального оборудования, чтобы обойтись без этого, рудоуправление не приобрело.

Еще один резерв развития хозяйственной деятельности — озеро Ижбулат, расположенное в северо-восточной части города. Оно относится к категории умирающих, так как вода в нем составляет лишь 1880 тысяч кубометров при общем объеме 4860 тысяч кубометров, то есть более 60 процентов объема приходится на долю донных отложений. Основное место в их составе занимает сапропель — минерализованные остатки отмершей водной растительности.

В 1983 году институтом УралВНИИВХ был разработан проект мелиорации озера Ижбулат, рекомендовалось извлечь около миллиона кубометров донных отложений, увеличив тем самым глубину озера с 2,4 до 3,7 метра. Это дало бы возможность исключить здесь зимние заморы, а также получить в виде органического ила — сапропеля — ценный продукт, который можно использовать и как удобрение для полей, и как минеральную добавку к кормам скоту и птице.

А в заключение еще об одной, пока не использованной возможности. Речь идет о прекрасном естественном ландшафте в окрестностях Дегтярска.

Прямо за речкой Вязовкой и Писательским поселком начинаются липовые горы, которые лентой уходят к Уфа-

В Екатеринбурге
открыто Консуль-
ство США (1994).

Президентом РФ во
второй раз стал
Б.Н.Ельцин (1996 г.).

В интеллектуаль-
ном марафоне, кото-
рый проходил в Дег-
тярской школе ис-
кусств, в конкурсе
сочинений «Мой го-
род» победила Лига
Булатова (1999). Зи-
мой девочка учится,
в том числе игре на
фортепиано, а ле-
том пасет в лесу двух
коров, которые кор-
мят ее семью.

лейскому хребту на камень Балабан и камень Белый. Мож-
но только позавидовать туристу, который отправится этим
путем с рюкзаком за плечами.

А вот живописнейший пеший маршрут — через мелкую
таежную речку Медвежку к Дыроватому камню, затем на
реки Далеку и Ревду, гору Шунут, Старик-камень, Мариинс-
кий пруд, гору Обрубную и через старинное село Краснояр
обратно в Дегтярск.

Тот же, кто любит водный туризм, на байдарке или лодке
сможет пройти около 80 километров от устья реки Ревды
возле села Краснояр по Мариинскому пруду, затем по Ново-
мариинскому водохранилищу, Ревдинскому пруду и рекам
Ревде и Чусовой, через водохранилище Флюс и снова по
Чусовой до села Курганово.

Будь в Дегтярске туристский центр, такие увлекательные
походы несомненно пользовались бы успехом. И вообще, сто-
ит серьезно подумать о создании здесь целой сети разных
учреждений для кратковременного и длительного отдыха.

Ведь даже те, кто побывал в Дегтярске всего один раз, но
увидел его с вершины Лабаз-каменя раскинувшимся среди
зелени лесов в гигантской чаше между тремя прудами и озе-
ром Ижбулат, — захотят возвращаться сюда вновь и вновь.

Не случайно в последние годы город облюбовали екате-
ринбургские дачники: они покупают себе частные дома на
окраинах, строят коттеджи, активно «внедряются» в мест-
ные садоводческие товарищества и летом успешно хозяй-
ничают в коллективных садах.

Кто знает, может быть, на смену Дегтярску чисто индуст-
риальному когда-нибудь, пусть и в далеком будущем, придет
город-здравица, город-курорт, город — туристский центр.

Хроника Дегтярска

- 1760–1914 — разрабатывались месторождения медной руды «Железная шапка».
- 1898–1900 — официально открыты месторождения медной руды.
- 1904 — возникла Ревдинская Дегтярка.
- 1909 — возникла Северская Дегтярка.
- 1909 — открыты залежи известняка.
- 1911–1913 — заложены разведочные шахты.
- 1914 — строится известковый завод.
- образована контора Дегтярского медного рудника.
- составлено технико-экономическое обоснование разработки месторождения.
- заложены две меднорудные шахты — «Москва» и «Петербург».
- 1925–1931 — концессия фирмы «Лена Голдфилдс Лимитед».
- 1929 — построен Клуб горняков (ныне молельный дом).
- 1930–1940 — строится Старый соцгород.
- 1935 — организовался совхоз «Дегтярский».
- 1938 — введены в строй школы № 16, 17, 18.
- открыли двери кафе и универмаг.
- 1939 — введена в эксплуатацию шахта «Капитальная-2».
- 1940 — введена в эксплуатацию шахта «Капитальная-1».
- 1946–1956 — в Дегтярске трудится колония военнопленных.
- 1948 — начато строительство механического завода.
- 1949–1955 — сооружается Больничный городок.
- 1950–1994 — строится Новый соцгород.
- 1954 — сдан в эксплуатацию Дворец культуры Дегтярского медного рудника.
- 1954, **ноябрь** — Дегтярск получил статус города.
- 1959, **август** — посещение Дегтярска Р. Никсоном.
- 1967 — открылась дегтярская швейная фабрика на 500 рабочих мест.
- 1970 — создано Дегтярское рудоуправление.
- на базе механических мастерских шахты «Капитальная-1» начато строительство Уральского опытного предприятия НПО «Цветметавтоматика».
- 1973–1991 — УОП действует как самостоятельное предприятие — ЗАО «Урал-автоматика-инжиниринг».
- 1976 — закрылась шахта «Капитальная-1».

- 1993** — в результате акционирования возникло ОАО «Дегтярский машино-строительный завод».
- 1994** — закрылась шахта «Капитальная-2».
- 1998** — центральная котельная перешла на природный газ. Его получили жители дегтярских многоэтажек.
- 1999–2000** — на Северной Дегтярке построен тепловой центр, использующий природный газ для отопления жилых домов по ул. Токарей.
- 2001** — переведена на природный газ одна печь Дегтярского известкового завода.

ПРИЛОЖЕНІЯ

Павел БАЖОВ

УРАЛЬСКИЕ БЫЛИ

В детские годы

— Ты что не собираешься? Ревело уж!

— Ладно, без сборов. Отдохнем.

— Что ты! Отказали?

— Объявил вчера надзиратель — к расчету!

Мать готова заплакать. Отец утешает:

— Найдем что-нибудь. Не клином свет сошелся. На Абаканские* вои которые едут.

Перед этими неведомыми Абаканскими мать окончательно теряет. Краснеет нос, морщатся щеки, и выступают

* Железодельные заводы в Минусинском округе, бывшие Кольчутинские. (Примеч. автора.)

«Я просто жил жизнью рабочих...»

«Уральские были» — первая художественная книга журналиста Павла Бажова. Это очерки-воспоминания о дореволюционном быте Сысертских горных заводов.

Книга была издана в 1924 году в Екатеринбурге еще до переименования его в Свердловск. Выходу отдельной книги предшествовала публикация очерков из нее в трех майских выпусках еженедельного екатеринбургского журнала «Товарищ Терентий».

Живые воспоминания далекого детства, слышанные с жадностью, трудом и борьбой уральских горнозаводских рабочих в конце XIX века, стали жизненной основой очерков. В Сы-

крупные градины — слезы. Стараются сдержаться, но не могут. Отец вскакивает с табурета и быстро подходит к «опечку», где у него всегда стояла корневая чашечка с махоркой. Торопливо набивает трубку, сдержанно бросает:

— Не реви — не умерли!

Мать, отвернувшись к залавку, начинает всхлипывать. Я реву. Отец раздраженно машет рукой и с криком: «Взяло! Поживи вот с такими!» — захлопывает за собою дверь.

Вмешивается бабушка. Она ворчит на мать, на отца, на заводское начальство и тоже усиленно трет глаза, когда доходит до Абаканских.

Днем приходят соседки посудачить. Винят больше отца.

— И когда угомонится человек?

— Мне Михайло когда еще говорил — непременно откажут твоему-то.

— Вон в кричном он Балаболку-то осадил: хоть стой, хоть падай!

Начинают припоминать отцовские остроты, но они так круто посолены, что передают их женщины только «на ушко». Мать обыкновенно заступает за отца и, кажется, делает это не только «от людей», но вполне искренне. Она даже горячится, что так редко бывает при ее ровном, спокойном характере.

Вечером приходит отец. Красные, воспаленные глаза показывают, что выпито немало. Однако на ногах держится твердо, говорит громко, уверенно. Удивляется «тем дуракам, которые сидят в Сысерти, как пришитые».

— Уедем, и дело с концом! На Абакане, небось, не по-нашему. Чуть кто зазнался, сейчас приструнят. А у нас что?! Попетан изъезжается. Балаболка крутит, и Царь ехидствует. А ты не моги слова сказать. Терпи, — потому у тебя тут пуп резан. Найдем место. Вон там как живут!

Отцу не противоречат, по опыту знают, что хорошего ничего из этого не выйдет. Мне — малышу — отцовские планы кажутся заманчивыми, и я засыпаю с думой о далеком крае, где все не по-нашему.

сергеевский горный округ входили тогда кроме Сысертского завода и поселка еще Полевской и Свердловский заводы. И во всех этих заводских поселках семье Бажовых довелось жить. В одной из своих биографий Павел Петрович писал: «Правильнее всего меня называть уроженцем Сысертского округа». И, как уроженец округа, он обстоятельно описывает жизнь этого округа. Мы находим здесь и социально-экономические характеристики, и зарисовки заводского производства, и бытовые картины, и очерки психологии рабочих.

Дан общий взгляд на округ, историю заводов и поселений. В духе времени Бажов описывает и методы хозяйствования заводчиков — господ Турчаниновых и Солюмирских, их управителей.

Утром тяжелое раздумье — как быть? Оставить домишко, покос, огород! Кому продать? А вдруг на Абакане не лучше Сысерти?

Бабушка и мать, конечно, против Абакана. Отец сдает: «надо поискать, где поближе».

«Поближе» — значит к Белоносихе, на спичечный завод. Но туда редко удавалось поступить. Обыкновенно там было переполнено рабочими, и работали они задаром. На мельницах тоже ничего не было.

Оставалось пытаться счастья в «городе». (Так безыменно звался Екатеринбург.)

Отец недели на две, на три исчезает из дому. Мать усиленно работает днем и ночью, вконец изводит глаза: плетет широкие кружева или вяжет узорные чулки для заводских барынь. Не столько заработок, сколько взятка по женской линии.

Отец приходит угрюмый — нет работы. Ехать в Сибирь после неудачных поисков уже не собирается.

— Сходи к управителю-то, — говорит бабушка. Отец хмурится и бормочет:

— Да уж, видно, придется, мать. В «поторжнюю» — и то не попасть без этого.

Начинается «выдержка»: «На той неделе побывай», «после Успенья зайди».

Съедено уже все. На поденные работы в заводе отец, однако, не выходит. Знает, что все равно не примут, да и позором это считается для фабричного рабочего. Промышляет чем придется: рыбалкой, старательством, сенокосением и т. д. Мать слепнет над ажурными чулками уже из самого тонкого шелка.

— Рассылка приходил. К управителю звали, — радостно сообщает она возвратившемуся с рыбалки отцу.

Это значит — конец измывательству.

Отец поспешно одевается «по-праздничному» и уходит. Возвращается веселый: «посылает в Полевской».

Начинаются сборы. Отец, обычно, уезжает на следующий день с попутными. А мы с матерью и бабушкой перебираемся потом, когда уже он получит «за половину».

Интересны описания заводского рабочего быта, семьи самого Павла Петровича, его деда, бабушки, матери, отца (очерк «Детские годы»). Во вступлении автор отмечает, что сам он «касательства к заводскому делу не имел». «Я просто жил, — пишет он, — жизнью рабочих, слышал их жалобы, разговоры, хлесткую насмешку над «верховодами» и хочу, как умею, рассказать об этом...»

В итоге очерки из «Уральских былей» оказались самыми близкими по содержанию, образности, темам и настрою к сказам «Малахитовой шкатулки». Но пока эта близость мало исследована. «Ждет своего добытчика», — сказал бы Бажов.

Нина Кузнецова

Случай вроде описанного мне пришлось переживать в детстве не один раз. Разница была лишь в подробностях. Вместо Абаканских заводов иногда выплывали более близкие: Невьянский, Нязе-Петровский, прииск Кочкарь. Иногда отцу удавалось устроиться на время в Екатеринбурге или на спичечном заводе в условиях, еще более тяжелых, чем в Сысерти.

Кончалось все-таки возвращением «к своему месту», которое, как тяжелая гиря, тянуло в кабалу к тем же владельцам Сысертских заводов, на которых работали и в крепостную пору.

Отцом, видимо, дорожили за его работоспособность и ряд ценных навыков по пудлингово-сварочному цеху. Его лишь «выдерживали» и «проветривали», но совсем с заводов не прогоняли.

Может быть, помогала здесь редкая специальность матери: заводские барыни находили, что машинные кружева и чулки слишком грубы против Сверлихиной* работы.

«Проветривание» отца продолжалось обыкновенно год-полтора, редко меньше, и мы снова переселялись в свой сысертский домишко до той поры, пока отец опять не «забунтит».

Бунчение отца было самого невинного свойства. Было у человека в запасе жесткое словцо и умение оконфузить на людях. А этого заводское начальство, от самого маленького до самого большого, никак не переваривало. Начинались придирки, доносы... Кончалось обыкновенно скандалом, после которого неизменное: «К расчету!»

В силу этих постоянных «проветриваний» отца мне в детские годы пришлось пожить — и не по одному разу — во всех заводах Сысертского округа. Не порывал связи с заводами и потом, хотя надо сказать, что эта связь была случайной. Знал лишь о выдающихся фактах заводской жизни: о смене начальства, о крупном недоразумении с рабочими, о каком-нибудь заводском казусе.

С такой внешней стороны жизнь Сысертского округа

* Уличное прозвание отца — Сверло.
(Примеч. автора.)

От составителей.

В нашем приложении мы воспроизводим только первые главы «Уральских былей», где автор дает художественные образы представителей всех слоев населения сысертского округа 80–90-х годов XIX столетия. Эти выразительные словесные портреты своеобразно сочетаются с фотогалереей обитателей Сысерти 20–30-х годов минувшего XX века — из собрания Евгения Бирюкова.

Текст «Уральских былей» печатается по изданию: П.П. Бажов. Избранное. Св., 1978.

была мне известна приблизительно на протяжении тридцати лет — до начала войны 14-го года.

Многое из этой жизни, как я потом убедился, было типичным для всего горнозаводского Урала, поэтому я и решаюсь воспроизвести сохранившиеся в памяти обрывки картин заводского быта за последние три десятка лет перед революцией.

Должен оговориться, что постоянного касательства к заводскому делу я никогда не имел, поэтому многое, может быть, очень важное, ускользнуло от моего внимания.

Я просто жил жизнью рабочих, слышал их жалобы, разговоры, хлесткую насмешку над начальством, видел жизнь и работу этого начальства и хочу, как умею, рассказать об этом, охватывая главным образом 80-е и 90-е годы.

Сысертские заводы

— Здравствуй, матушка Сысерть, с крутыми горами! Здравствуй, быстрая река, с темными борами!

Так пела «мастеровщина» о своем заводе и речке.

Юр, правда, там нет, но небольшие увалы, отроги Уральского хребта, густо покрытые сосновым лесом, со всех сторон окружили завод и так ловко стали около речки, что дали возможность легко ее запрудить.

Четыре заводских пруда имеются на этой маленькой речке: Верхнезаводский — самый большой, Сысертский, на котором стоит главный завод округа, Механический и Ильинский.

По числу прудов было и число фабричных зданий. Верхний завод готовил главным образом шпашное, узкополосное и крутое железо. Ильинский «гнал кровлю».

В Сысертском, наряду с прокаткой сортового железа, работали и доменные печи. Механическая обслуживала потребности завода в токарных и слесарных изделиях.

Возле верхнезаводских фабрик был маленький поселок, домов около семидесяти, из которых значительную часть составляли заводские дома: для управителя, надзирателя и т. д. Вблизи Ильинского частных домов совсем не было. Механическая вплотную примыкала к окраине Сысертского завода — «Рыму». Все занятое в производстве население жило в Сысертском заводе, который широко раскинулся в северной части заводского пруда, а дальше тянулся по берегу Механического и в заречной части. Считалось в Сысерти в пору моего детства около двенадцати тысяч населения.

П. БАЖОВ

УРАЛЬСКИЕ БЫЛИ

ИЗ НЕДАВНЕГО БЫТА СЫСЬРТСКИХ ЗАВОДОВ

ОЧЕРКИ

Обложка первого
издания «Ураль-
ских былей»

УРАЛЬСКИЕ

1924

Кроме группы фабрик, расположенных по реке Сысерти, в состав округа входили Полевской медеплавильный и железоделательный завод — в 45 верстах от Сысерти, и Северский чугуноплавильный и железоделательный — в 40 верстах. В Полевском считалось свыше семи тысяч населения, в Северском около четырех тысяч.

Все заводы были окружены густым хвойным, преимущественно сосновым, лесом.

Были в этих лесах и совсем глухие углы. Например, верстах в 20 от Верхнего завода участок «Храны» представлял собой непроходимую трущобу, где водился медведь, волк, дикий козел и лось. Козлов и лосей было так много, что их иногда забивали на Верхнезаводском пруду во время их перехода из «Храпов» к «Карасьему». Из «Храпов» лес обыкновенно брали только для каких-нибудь фундаментальных сооружений: на «мертвые брусья» к плотине, на матицы, на ледорезы. Брусники в борах за Сысертью было так много, что осенью за ней шли длинные обозы из «крестьян»*. В заводской конторе за полтинник брали билет на право вывозки одной телеги брусники.

* Рабочие заводов сами поголовно значились крестьянами Сысертской, Полевской и Северской волостей, но называли себя «заводскими», а «крестьянами» звали жителей сел и деревень, где занимались хлебопашеством. (Примеч. автора.)

Около Полевского завода сосновый лес начинал смешиваться с ельником, пихтой, лиственницей. Особенно густы были ельники в «Саженом углу», верстах в 30 от Полевского. Около Полевского встречались и колки липняков. Место было настолько глухое, что еще в 90-х годах здесь велось бортовое пчеловодство самым древним образом. Хозяин ставил на «своих деревьях меты» и осенью лез за медом. Были такие пчеловоды, которые исчисляли свои борты сотнями и не всегда их находили.

Кроме заводских селений в черте Сысертского округа было несколько рудников и приисков с возникшими около них поселками. Жители этих поселков в пору крепостничества звались «горнозаводскими крестьянами», «непременными рабочими заводов Сысертских». Такими же «непременными» они остались и потом, как как незначительные паделы и «неродимые» земли не давали им возможности кормиться только крестьянским хозяйством, заставляли работать на заводы: по добыче и доставке руды, возке угля, железа, чугуна и т.д.

Земли Сысертского горного округа были расположены в пяти волостях: Сысертской, Полевской, Северской, Полдневской и, частично, Щелкунской и представляли собой полосу верст в 40 шириной (с севера на юг) и верст 70 длиной (с востока на запад).

Границы Сысертской заводской дачи имели неправильную форму. Особенно изломанной была северная граница,

которая узким выступом подходила чуть не к самому Ревдинскому заводу, захватывая полностью обе речки Вязовки и озеро Ижбулат, где возник первый поселок при разработке Дегтярского месторождения. По документам, в Сысертской заводской даче считалось 239 707 десятин 426 квадратных сажен, то есть около 2500 квадратных километров.

Из этой полосы часть была выделена для «непременных крестьян», которые имели покосы и кой-какую пашню, и для заводских обществ, которые имели лишь усадьбную землю и покосы. Остальное принадлежало заводам «на посессионном праве». За какие-то смешные гроши, по устаревшей расценке XVIII века, владельцы пользовались лесами, рудниками, россыпями и — самое главное — имели возможность самым беспощадным образом выжимать пот из рабочего и крестьянина, которые своими крохотными участками были накрепко привязаны к округу и вынуждены были работать на условиях — «сколько пожалуют».

В заводских селениях считалось свыше двадцати тысяч населения да столько же было «сельских работников» в ближайших селениях: Авериной, Абрамовой, Косом Броде, Кунгурке, В. Макаровой, Полдневой, Новоипатовой, Шелкуне и др. Огромное количество постоянных дешевых рабочих, великоленные леса и богатые руды давали заводским владельцам возможность получать большие доходы даже при самом первобытном способе оборудования заводов.

Помню, мальчуганом я удивлялся оборудованию Полевского завода. Здесь медь плавилась в каком-то старинном котле, в который со всех сторон были проведены трубки-поддувалы. Чтобы очистить медь от примесей, расплавленную массу «дразнили», опуская в нее березовую палку, чуть подсушенную. Древесный сок вызывал бурление, и на крышу летела «медная пена» — мелкие шарики, которые мы, ребята, охотно собирали для игрушек. Взрослые, кстати сказать, тоже иногда собирали «медную пену», но уже по другим соображениям. Они приписывали ей лекарственное значение — сращивает переломленную руку или ногу, помогает от грижи, желудочных болей и т. д.

Низенькое здание медеплавильной с толстыми закопченными стенами, котел и почерневшие от времени трубки напоминали о глубокой старине. Казалось, вот-вот покажется думный дьяк Виниус, с приказом которого связано начало заводского дела в этом месте. Этот думный дьяк, по тогдашнему моему пониманию, представлялся в виде заводского дьячка Петровича, с лохматой головой, вышибленными в пьяной драке зубами и покривившимся носом.

Капиталистического предприятия, которое из конкуренции стремится к новой машине и техническому улучшению, в Сысертских заводах совсем не было видно. Здесь просто велось огромное помещичье хозяйство с самым упрощенным выматыванием жил рабочего и крестьянина.

Зачем было тратить на новые машины да еще держать специалистов-инженеров, когда свои «доморощенные» правители умели без новых машин выколачивать достаточно?

Было все так ясно, понятно.

Потребует владелец внеочередной куш — правители pošлют. Пошлют сразу, без разговоров. И даже больше: как-нибудь этот неожиданный расход сумеют покрыть.

Сведут ближайший лесной участок, начнут брать руды только с ближних рудников, заложат, что можно, — но деньги в срок доставят и перерасход замажут. Какое значение эти неожиданные барские требования имели для производства — об этом мало кто тревожился: была бы выполнена «барская воля».

Бары

«Исконные»

«Коренные, родовые, исконные» бары для Сысертского округа были Турчаниновы, которые владели заводами с 1759 года. Их фамилией часто назывался весь округ и его фабрики: турчаниновские заводы, турчаниновское железо, турчаниновская пристань.

В пору крепостничества Турчаниновы по своему усмотрению выселяли, вселяли и переселяли своих горнозаводских. Известно, например, что Полднвая, бывшая когда-то крепостной против башкирских набегов, была населена мастерскими Турчанинова. Село Кунгурское заселено в 1826 году крепостными, перегнанными из Полевского завода. Были случаи переселений чуть не накануне падения крепостничества. Так, в деревню Щербаковку Марк Турчанинов переселил своих крепостных из деревень Салтыковой, Пензенской губернии, в 1846 году.

Это переселение из центральной России в половине пятидесятых годов, между прочим, показывает, что на Урале Турчаниновы чувствовали себя более уверенно. Если в средней России уже заколебались устои крепостничества, то на далеком Урале они еще казались, видимо, крепкими. Здесь даже официально крепостничество держалось много долъ-

ше, чем в средней России. Бывшим своим крепостным верхо-боевцам и новоипатовцам Турчаниновы удосужились выделить землю по уставным грамотам только 1 сентября 1879 года.

В конце прошлого столетия Турчаниновы представляли не более как старое имя. Фамилия Турчаниновых давно уж разбилась на ряд ветвей. Приплеклись сюда люди с другими именами, они приспосobiliсь к владельчеству «с бочку»: получили какую-нибудь долю в приданое за дочерью или «владельческой племянницей». Эту владельческую мелочь старые заводские служаки, гордившиеся былым могуществом Турчаниновых, презрительно называли «заводскими пьявками».

Дробность владения позволила более ловкой и близкой к верхам семейке Соломирских скупить большую часть владения и стать тем заводским баринoм, прихотьoу которого определялось заводское производство.

Во времена моего детства как раз заканчивалась борьба Соломирских за владение с последней Турчаниновой.

Так и говорилось: на половине Турчаниновой, на половине Соломирского, но больше «половины» звались по управляющим, которых тоже было двое: Трубин и Черкасов.

Нужно сказать, что рабочие и служащие, кроме «прихвостней», относились к этой борьбе с насмешкой.

Борьба, однако, была слишком неравна. У Соломирского было 90 частей владения, а у Турчаниновой таял последний десяток, переходя через вторые и третьи руки к ее противнику. К концу восьмидесятых годов Турчанинова была сведена на положение «прихлебательницы», с которой перестали считаться. Ее дети уже вовсе не имели никакого значения.

Единственным владельцем заводов остался Соломирский.

Турчанинова

«Марья Антоновна — ангел небесный», — говорили о ней заводские «присудари» и их жены. Слово «небесный» обязательно прибавлялось. Думали, видно, что одного слова «ангел» мало.

«Марейка-сука», — коротко определяли мастеровые.

Одни в своем определении налегали на внешность, другие — на внутренние качества.

Даже в пору увядания Турчанинова была красивая, хорошо одетая женщина. Немудрено, что в годы молодости она

закружила, завертела последнего Турчанинова и разорила его дотла. Мотать она умела мастерски. В последние годы своего владения, не выезжая из Сысерти дальше Екатеринбурга, она ухитрялась спускать такие суммы, которые по тому времени были огромными.

Иногда, впрочем, на нее находила полоса экономии и хозяйственности. Что это была за хозяйственность, лучше всего показывает «индюшачий завод».

Турчаниниха как-то узнала, что в Екатеринбурге на базаре индюшки дороги, и решила устроить специальный «индюшачий завод». Для начала под индюшек был отведен нижний этаж бывшего турчаниновского дома в Екатеринбурге. Потом одного этажа оказалось мало; пришлось переселиться в верхний.

Увлечение продолжалось несколько лет. К столу подавались «свои» индюшки, но когда Турчаниниха спросила, можно ли часть индюшек пустить в продажу, то приставленный к этому делу «счетный человек» объяснил, что продавать-то нечего да и «своя» индюшка не может пойти по рыночной цене: она раз в десять дороже.

На этом индюшачья затея и кончилась. В результате пришлось вывозить из дома целые горы птичьего помета, заново отделывать дом, перестилать паркетные полы, перекрашивать стены и т. д.

Около Турчаниновой — пышной вдовы — постоянно вертелась целая стан фаворитов, которых мастеровица звала «ейные кобели». Выезд этой группы куда-нибудь на прогулку с барыней назывался «собачьей свадьбой».

Нам, ребятишкам, было всегда очень интересно взглянуть на эту кавалькаду. Очень уж тут необыкновенные люди бывали. Тут и гусар в ярком костюме, вроде петуха, тут же какой-то необыкновенно вертлявый человек со стеклышком в глазу и огромным пестрым платком на шее. На тяжелой вороной лошади выезжал огромный толстый детина с красной грудью, в удивительной шапке, на которой развевался конский хвост; рядом гарцевал на поджарой лошадке ловкий берейтор-поляк, он нравился нам своим удалством, веселой речью и какими-то необыкновенными усами с распушенными кончиками. Иногда в своре «ейных кобелей» торжественно ехал сам заводский «отец дьякон», красивый рослый мужчина с мягкой бородой, румяным лицом и пышными кудрями. Его присутствие нам казалось всего занятнее, так как было известно, что дьякон ездит не совсем по своей воле и что после каждой такой поездки ему приходится переживать трудные минуты, когда «мать-дьяконица» на-

чинает «при людях» читать ему на всю улицу наставления о правилах супружеской жизни.

Раньше Турчаниниха, говорят, любила ездить верхом, но я видел ее только в коляске рядом с каким-то чучелом в чепчике, которое она возила с собой «для отводу глаз».

Из свиты Турчанинихи я назвал только наиболее заметных. Их было много не только при выездах, но и в остальное время. Веселые люди, балагуры, красивые самцы с пустым кошельком постоянно толкались в турчаниновском доме. На еду и попойки уходили те средства, которые получала Турчаниниха от Сысертских заводов. У барыни была одна печаль — денег ей не доставало. Вот и воевала с своим совладельцем, чтобы получить побольше. Помогали ей и ее «кавалеры». Один даже, как говорили, пытался выступить в роли управляющего «Турчаниновской половины», но оказался шулером, которого побили в день назначения.

Раньше труд рабочих Турчаниновы разматывали по заграницам, потом перенесли мотовство в столицы, чтобы кончить эту свистоплюску в Сысерти, где куча пьяных негодяев с «Марейкой-сукой» во главе как будто специально старались показать рабочему, куда и на что уходят его пот, силы, здоровье.

Рабочий, износившийся окончательно за 20 лет «огневой» работы, видел, что от его труда не только в его жизни, но и на предприятии ничего не прибавлялось, ничего не улучшалось.

Развалины огромных оранжерей, где выращивались фрукты юга, были, пожалуй, самым подходящим памятником семейке Турчаниновых...

Ангелазик

Первого из владельцев Соломирских я не помню. Слышал лишь, что он был из офицеров какого-то кавалерийского полка. Мастеровые звали его даже генералом.

Как кавалерист, он больше всего возился с лошадьми, устроил даже конский завод, который после его смерти как-то быстро растаял. Дебош и пьянство были ему не чужды, но, видимо, была и «прижимистость», если он сумел прибрать к рукам все крошки, которые сыпались с пьяного турчаниновского стола, и передал своему наследнику свыше 80 частей владения.

Этому наследнику пришлось лишь закончить борьбу с последней Турчаниновой. Борьба была не особенно труд-

ной, и Дмитрий Павлович Соломирский стал единственным владельцем заводов. Про него мастеровые говорили: «Митрий Павлыч у нас — душа-человек, только в заводском деле «тютя». Добродушно-пренебрежительное отношение к нему сквозило и в заводской кличке — «наш Пучеглазик».

Этого дельца я стал знать, когда он уже был пожилым человеком с седыми, коротко подстриженными усами. Самым заметным в его наружности были обвислые щеки и вытаращенные глаза.

По одежде он ничем не отличался от служащего средней руки. Только фуражка с дворянским (красным) околышем, которую он носил зимой и летом, была необычной в заводском быту.

Смолоду Соломирский жил вне заводов, но в пору моего детства он уже почти безвыездно сидел в Сысерти.

Летом разъезжал по своему обширному поместью с фотографическим аппаратом, ружьями и рыболовными принадлежностями. В наиболее красивых уголках Сысертской лесной дачи у него были «понатыканы» охотничьи и рыбацкие домики, и старик здесь жил созерцательной жизнью любителя природы, которому нет дела до рабочих, задыхавшихся в «огневой» и надрывававшихся в рудниках.

В зимнее время Соломирский редко выходил из своего довольно обширного дома, обращенного им в музей. Только доступа в этот музей не было. Как оказалось потом, он работал в области изучения пернатых Урала, а также как коллекционер.

Занимался Соломирский, как и полагается «добродетельному барину», благотворительностью, хотя справедливость требует отметить, что эта благотворительность была нецеликом грошовой.

Строил хибарки старухам (старикам не полагалось) и усиленно возился с детским приютом, куда принимались только девочки — круглые сироты.

Этих сирот воспитывали: учили грамоте, рукодельям, пению, чистенько одевали и готовили... в горничные для «хорошего дома». Шли, конечно, приютки и дальше по той дорожке, по которой обыкновенно направляли из «хорошего дома» молодых девушек.

Об этом знали все. Даже в заводских песнях соболезовали «милке-сироте с черными бровями», у которой «от Сысертских крутых гор путь на «Водочну»* пошел».

Всего этого владелец заводов как будто не слышал и не знал, оставляя «сироток» в прежних условиях.

Но это не все. Было еще одно, что делало этого внешне благодушного старика вреднейшим человеком для заводс-

* Улица притонов в Екатеринбурге в дореволюционное время. (Примеч. автора.)

кого предприятия и связанного с этим предприятием населения.

У «благодетельного барина» была барыня и дети. Какими «добродетелями» отличалась барыня — не знаю, слышал лишь от заводских служащих, что она «где-то там вращалась и блистала». Как и где она «вращалась», об этом в заводе знали смутно. Одно было хорошо известно, что свыше двухсот тысяч рублей, получаемых Соломирским от заводов, уходило без остатка на это «блистание и вращение».

Иногда этой суммы даже не доставало, и старик требовал дополнительных.

В заводах эта «блистательная» барыня была, насколько помню, один раз. Слух о приезде пришел с весны. Но дело затянулось до середины лета. Приехала жена владельца как-то неожиданно, поздним вечером, и немногие видели ее «поезд».

В ближайший летний праздник, — какой-то пустяковый, когда не ожидалось даже порядочной драки молодяжника, — пароду в церкви и около набралось полным-полно. Необыкновенным казалось, что мужчин было не меньше, чем женщин: рабочие пришли посмотреть на дорогую игрушку старого барина. В толпе сновали полицейские, которых по стародавней привычке звали в заводе «казаками». Становой, в новеньком мундире, размахивая кулачищем, «честно просил держать строгий порядок». От заводского дома до церкви, через площадь, образовалась широкая живая улица. Ребятишки взобрались куда повыше или шмыгали под руками старших вдоль живой дорожки.

Открылась парадная дверь владельческого дома, и показалась барыня — некрасивая и уже немолодая женщина, разодетая в какое-то необыкновенное платье с турнюром, по тогдашней моде. Рядом с ней шла девочка, дочь. Сам Пучеглазик был одет тоже по-особому: в невиданной шляпе с белыми мягкими перьями (плюмаж), в белых штанах, в расшитом золотом спереди и сзади мундире (он имел какой-то придворный чин: гофмейстера или егермейстера). Дальше шли какие-то приезжие гости. Прошли в церковную гущу, где только усиленным мордобойством полиции удавалось сохранить дорожку и место впереди. В толпе, оставшейся на улице, идут разговоры. Женщины судят о наследнице и пышном турнюре барыни. Этот «барынин зад» заметили и рабочие.

— Видел зад-от?

— Подушка ведь. Известно.

— В подушку-ту эту и робим!

— Так видно. У Пучеглазика-то ведь тоже позолочено.

— Старайся, ребята, может, еще кому вызолотим. Тогда и помирать можно, — шутит старый заводский балагур — Станчик.

Это уже похоже на «бунченье». Раздаются предупреждающие голоса:

— Ладно. Ему все смехи! Домой не оставишь — бабам рассказать.

Толпа начинает редеть.

Уехала барыня, а на заводах продолжалась работа «в подушку» и на «золоченый зад». Старик Соломирский благодушествовал, наслаждался созерцанием и... посылал деньги своей барыне.

Управление округом было полностью в руках управляющих. Владелец подбирал их так, что только руками разведешь, когда вспомнишь.

Когда Соломирский был помоложе и вел борьбу с последней Турчаниновой, на заводах в заглавных ролях бывали инженеры.

Тибо-Бриньоль, Карпинский, Гайль, Пономарев пытались работать и Сысертских заводах, но не ужились из-за того, что настаивали на целом ряде нововведений и частичном переоборудовании. Эти расходы на улучшение предприятия, видимо, не сходились с интересами «барынной подушки», и инженеры ушли. Их сменили свои, возвращенные барами «самородки», которые не мелькали так быстро, как инженеры, а сидели на местах крепко, подолгу, — владельцу на усладу, рабочим и предприятию — на разор.

Эти умели угодить «барину»: деньги доставляли, повществ не заводили и без наук обходились.

«Доморощенных» управляющих на протяжении последних 30 лет до революции было только трое.

Каждый из них был, как говорится, молодец на свой образец. Поэтому стоит о каждом сказать особо.

Заправилы

Пашкин

Управитель, у которого не было обычного в заводах прозвища. Видимо, фамилия казалась подходящей кличкой.

Детина саженого роста с зычным голосом. Раньше он был «караванным».

«Караванный» — это сплав барок с железом по быстрине

Чусовой, гоньба на косных, наскок, матерщина и водка. Левшинское «смачивание боков» при выходе на широкую воду и «помин убитым баркам». Дальше Нижегородская ярмарка и Лаишев, куда сплавлялись тогда изделия Сысертских заводов. Пьяные купцы и пьяные продавцы, которые, однако, не должны терять в пьяном угаре расчета. Уметь всех перепить — главное достоинство «караванного». Требовалось и другое деликатное искусство — «смазки». Оно нужно было во многих местах: при подходе барок к разгрузочному месту, при отводе запасных барок, при разных «недоразумениях с артелями грузчиков» и т. д. На этот случай, правда, держались «особые специалисты», которые в искусстве смазки дошли до того, что могли проигрывать в карты «нужному человеку» ровно столько, сколько было назначено. Но руководителем этого тонкого дела все-таки был «караванный».

И вот этот «караванный», прошедший высшую школу пьяного дела и изучивший потаенные ходы взятки, вдруг назначается управляющим округа. Прельстился, должно быть, владелец крупной фигурой Палкина или, может быть, рассчитывал, что человек, умевший орудовать около воды и водки, сумеет работать и среди огня и железа.

Назначение Палкина было так неожиданно, что даже осторожный заводской служака — главный бухгалтер не удержался и недоумевающе спросил:

— Неужели, Николай Порфирьевич, вас управляющим назначили?

— Говорят, что так, — угрюмо буркнул свежеиспеченный заводской властитель.

Правил Палкин, как и следовало ожидать, по-особому. Преобладала быстрота наездов, мгновенная ревизия, «цветок» (так назывался букет похабнейших ругательств) и водка.

Кончилось дело тем, что этот управляющий установил необыкновенно быструю связь с заводами. Расстояние в 8 верст до Верхнего завода покрывалось его тройками в очень незначительный срок. Но этого казалось мало неумолимому заводскому «деятелю», и он загонял одну тройку за другой. Это продолжалось до тех пор, пока окончательно не убедились, что человек просто в длительном припадке белой горячки.

Тогда только решили сдать спившегося Палкина в «архив».

После Палкина управляющим был назначен верхнезаводский управитель Иван Чиканцев, по заводскому прозвищу «Воробушек».

Этот был полной противоположностью своему предшественнику.

Очень маленький ростом, который Воробушек старался увеличить каблуками чуть не в четверть аршина, мягкая речь, веселые вороватые глаза, балагурство и вообще признаки «демократического обращения с подчиненными».

Было у Воробушка и образование, хотя не «ахтителное»: учился не то во втором, не то в третьем классе классической гимназии. А это среди тогдашних заводских служащих ставилось высоко, — Иван, умевший написать свое имя латинскими буквами, казался уже не простым Иваном, а «человеком с образованием».

В производстве Воробушек, как говорили, «ни шиша не понимал». Но по фабрикам бегал усердно и свою беспомощность умел ловко маскировать. Еще более ловко умел пользоваться всяким случаем, чтобы показать владельцу и рабочим, что заводское дело при нем — Воробушке — процветает.

Помню, раз к осени, вследствие дождливого лета, вода в Верхнезаводском пруду оказалась на самом высоком уровне, какой даже не каждую весну бывал. Сейчас же по этому случаю торжество. Угощение рабочим (водка, конечно), песенники, балалаечники, фейерверки, катанье на лодках и речи: «Вот-де, в первый раз, как стоят заводы, — удалось...» и т. д.

Рабочие ухмыляются и, расходясь домой, говорят:

— Ишь, втирает очки Пучеглазку!

— А тот, поди, думает: молодчага Чиканцев — к осени полный пруд скопил.

— Как не скопишь, ежели этакой сеногной пыле стоял.

Иногда случаи для торжества специально выискивались.

Каждую зиму из Оренбурга на верблюдах привозили баранину для продажи заводскому населению, а обратно верблюды грузились поделочным железом. Явление самое обыкновенное, но Воробушек и тут отметил торжеством «рост» торговли, когда однажды верблюдов пришло больше, чем в предыдущем году.

Выставочные награды за изделия заводов сопровождались общезаводскими торжествами.

Всякого рода юбилеи, в том числе и его собственный —

десятилетие управления, — проводились так, чтобы лишний раз напуметь о процветании Сысертских заводов.

К 10-летию юбилею Воробушка ловкому конторскому человеку поручили даже составить книгу, где, по документам архива, была рассказана история заводов с неизбежным направлением «на процветание» в пору Воробушка. С документами, впрочем, не особенно церемонились. Один печатный лист, не понравившийся почему-то владельцу, изъяли во время печатания.

Так, Сысертские заводы под управлением Воробушка — а оно продолжалось свыше десятка лет — все время, без перерыва, «цвели и цвели», пока вдруг не отцвели. Но к этому времени Чиканцев уже сколотил себе домишко в Екатеринбург, купил паровую мельницу в Камышловском уезде, своих дружков Иванушек протащил в дипломированные Иванны Иванычи за заводский счет. Для них даже вносились специальные стипендии в высшие учебные заведения, и это давало им возможность поступать без конкурса.

По отношению к техническому образованию детей рабочих и мелких служащих Воробушек вел другую линию.

Совсем отказывать по тому времени уже было нельзя, так как в Уральском горном училище и в Кунгурском техническом имелось несколько заводских стипендий. Из-за них шла борьба, и ловкий управляющий пользовался ею в своих целях. Стипендии в его руках часто служили приманкой, на которую он ловил нужного ему служащего или рабочего. Но технически грамотных людей Воробушку все-таки было не нужно в заводах. И когда молодые техники и горняки, закончив образование, являлись на заводы, их ставили в такие условия, что большинство уходило. Оставались на службе лишь дети особо приближенных, но и те держались в черном теле.

Не любил Воробушек чужой грамоты, да и было почему. Ведь его управление представляло собой сплошное втирание очков, и технически грамотный человек был ему помехой. В управители отдельных заводов Воробушек подбирали «своих» людей, которые бы не «умствовали». Один из них — верхнезаводский управитель, не только не имел склонности к «умствованию», но даже кое-как подписывал свою фамилию. Зато малограмотный управитель мастерски играл на гитаре и лихо плясал на торжествах. А это в пору Воробушка было чуть не самым главным. Процвetaют заводы — ну, и радуйся, пой, пляши! Чем круче коленце, тем приветливее улыбка ласкового управляющего, который, выставив свое внушительное брюшко, благодушно смотрит на веселье своих подчиненных.

Когда затихла торговля железом, оживление которой наблюдалось во время постройки Сибирской железной дороги, всем стало ясно, что оборудование заводов никуда не годится и никакой конкуренции с южными заводами они выдержать не могут.

Рабочие оказались без куска хлеба и вынуждены были куда-нибудь уходить или уезжать в поисках работы. Приток денег в карман владельца прекратился.

Таков был конец «славного правления» Воробушка.

Старик-владелец, обеспокоенный исчезновением дохода, решил спасти дело выбором нового управляющего.

Кузькино Отродье

«Героем» оказался северский управитель Мокроносов, по заводскому прозвищу Кузькино Отродье.

Это был, не в пример своим предшественникам, настоящий заводский человек, который побывал чуть не на всех заводах в разных мелких должностях: надзирателя, смотрителя и т. д. Не шутя он считал себя специалистом. Был у него, как говорили, даже какой-то «диплом», который он получил на военной службе в саперных частях. Претензии он, во всяком случае, имел большие и усиленно строителствовал в Северском заводе и на так называемом Крылатовском прииске, еще в пору управления Воробушка. Злые языки, впрочем, говорили, что это строительство было похоже на Воробушковые торжества — то же втирание очков, только другим способом. Так ли это, — не могу уверять. Знаю лишь одно, что он «сооружал» драгу для прииска чуть ли не по своим чертежам. По крайней мере, мне пришлось случайно на станции Мрамор слышать, как Мокроносов уверял, что его драга будет лучше тех, которые он только что осматривал в Невьянском заводе.

Действительность, однако, не оправдала смелых надежд строителя — драга оказалась негодной. Она, при первой же пробе, не просто затонула, а даже перевернулась. Словом, получился конфуз, и часто эта мокроносовская драга упоминалась в речи, заменяя собой слово «головотяпство».

За управление Сысертским округом Мокроносов взялся решительно и сразу повел такую жестокую политику снижения жалованья и введения черных списков, что рабочие взвыли, вспомнив известного при крепостной зависимости Кузьку, которому новый управляющий приходился внуком. Только внук употреблял другие приемы. Вместо решительного приказа он «действовал убеждением и примером».

«Я вот сам, как управляющий, должен получать 18000 рублей в год, а буду получать только 6000».

Чувствуйте, понимайте и берите пример!

По этому примеру получилось что-то совсем дикое для рабочего: вместо рубля стали платить 35 — 40 копеек в день. Даже грошовые пенсии, которые давались инвалидам и сиротам, были в большинстве сняты.

Словом, установилась безудержная экономия во всем, кроме доходов владельца.

— Ему-то не резон терять, когда мастеровые не могут себя обработать! — говорил управляющий. — Пусть побольше выработывают, тогда и заработок увеличится. Потерпеть придется.

Рабочему стало нечем жить, и новоявленный экономист был взят за жабры, да так, что едва успел увернуться. Прихвостни ухитрились-таки вытащить его из разбушевавшейся толпы рабочих и сумели устроить ему побег.

Вместо управляющего в Сысерть прибыли ингуши и драгуны, началась расправа и вылавливание.

Сам управляющий с той поры в Сысерти не показывался. Нельзя было съездить и на другие заводы округа. Так он и правил издали. Жил в Екатеринбурге, в том самом турчаниновском доме, где когда-то был «индюшачий завод», и отсюда правил беспокойными заводами. «Правление» было такое же, как сначала: снижать заработок и освобождаться от бунтарей. Тех, кого подозревали в «наклонности к бунту» (так и говорилось), выкуривали из заводов, отказывая им, а иногда и их родственникам, от работ на заводах.

Это продолжалось вплоть до того момента, когда пролетарская революция произнесла свой справедливый приговор над последним управляющим Сысертских заводов. В первом же списке расстрелянных на одном из первых мест рабочие увидели ненавистное имя: Мокроносов Александр Михайлович — бывший управляющий заводами Сысертского горного округа.

Рабочие и служащие

«Мастерко»

Между 5 и 6 часами утра и вечера на улицах завода движение. В это время происходила смена. Везде можно было видеть основного заводского работника — «мастерка», как его звали.

В рубахе и в штанах из синего в полоску домотканого холста, в войлочной шляпенке без полей, в пимах с подвязанными к ним деревянными колодками, в засаленном коротком фартуке быстро шел «мастерко» по заводским улицам, обмениваясь друг с другом короткими приветствиями, шуткой, летучим матерком, — иной раз угрожающим, иной раз безобидным.

Зимой к летнему одеянию прибавлялся какой-нибудь полущубчишко или пальтишко из таких, которые не жаль было потерять из общей кучи, куда сваливалась верхняя одежда на фабрике. Колодки, похожие на деревянные коньки, прикреплялись к пимам обычно наглухо и уже с них не снимались. Некогда было после двенадцати часов работы у огня возиться со сниманием колодок. Так и шли по улицам, как по фабричному полу, поднимая пыль летом, скользя по утоптаным дорожкам зимой и трамбюя грязь весной и осенью.

Это, впрочем, было обычным только для тех, кто работал в Сысертском заводе. Не у всех было такое удобство. Некоторым, в виде дополнения к рабочему дню, приходилось еще ежедневно «бегать» по нескольку верст.

Из Сысерти рабочие ходили на Ильинский листопрокатный завод и на Верхний — железоделательный. Ильинский был недалеко от Сысерти — верстах в двух от центра завода, до Верхнего же по тракту было восемь верст. Прямой дорогой через пруд было ближе — верст пять. Рабочие обыкновенно пользовались этой дорогой; летом их подвозили версты две по заводскому пруду на пароходе и грузовой барже. Пять верст ежедневной пробежки с неизбежными задержками летом при посадке на пароход прибавляли к рабочему дню лишних 3 — 4 часа, и положение верхнезаводских рабочих было самым невыгодным. Этим заводское начальство пользовалось в своих целях. Перевод на Верхний был чем-то вроде «первого предупреждения» для тех, кого заводское начальство считало нужным «образумить». Так и говорилось: «На Верхний побегать захотел?» «Хотенья», конечно, не было, и многие смирялись.

Попавшие на Верхний завод принимали все меры, чтобы выбраться в Сысерть. Иной раз это толкало некоторых слабодушных в разряд «наушников» и подхалимов, которых остальным приходилось «учить». «Учь» производилась под покровом заводских драк, когда не только «мяли бока и считали ребра», но и били стекла и высаживали рамы в домах «исправляемых». Попутно иногда доставалось и жене, особенно в тех случаях, когда было известно, что «у него баба зудит». Такой «зудящей бабе» и влетало, хотя это было ред-

костью: считалось неудобно «сунуться с чужой бабой».

Нужно отметить, что и сами верхнезаводские участвовали в этих драках вместе с остальными рабочими, так как «наушничество» им, пожалуй, было даже страшнее: грозило увольнением с заводов.

«Людей строгого нейтралитета», забитых и смиренных, в этих свалках частенько тоже встряхивали. Тем более что «учь» производилась всегда в пьяном виде, а пьяному где разбирать разные тонкости: подхалим али божья коровка. Один другого лучше!

Положение ильинских рабочих было много лучше. У них была своя специальность — кровельный лист. Требовала она особых навыков, поэтому оценивалась немного выше. Этим, вероятно, и объясняется, что попавшие на Ильинский завод не стремились уходить оттуда, считая, что некоторое повышение заработка вполне вознаграждает их за ежедневную прогулку. К тому же и расстояние было пустяковое.

Среди шмыгающих колодками рабочих немало было и подростков, порой совсем еще малышей. Это «шаровка».

В «шаровку» принимались дети в возрасте от 12 лет. Заводскому начальству не было дела, под силу ли детям этого возраста кочегарные работы. Было бы дешево!

«Шаровка» по своему костюму старалась не отличаться от взрослых. Тот же домотканый синий холст, шляпенка, валенки и колодки. Последние делались даже толще обыкновенных — по ребячьему делу, «шаровка» гордилась своей «огневой» работой и старалась это подчеркнуть.

В глазах заводских малышей «шаровка» казалась чем-то заманчивым, героическим: «Легко ли? Работают «по огневой», ходят на колодках, дерутся в заводских драках!»

Матери тоже относились к ребятам, работавшим на фабрике, по-особому. Смотрели на них, как на взрослых, и исполняли некоторые ребячьи капризы.

Одним из самых распространенных капризов было требование шаровщиков заменить «аржанину — крупчатошным».

— Отягу нет с нее — с аржанины-то твоей.

Мать пытается разубедить, указывает на «крестьян»: «аржаной едят, а поздоровее наших, заводских». Малыш-рабочий, однако, стоит на своем:

— Работа у них не та. Не у огня стоят. А ты вот попробуй сама — побросать «паленьговски»-то дрова. Не квартирник ведь! Какой отяг будет с аржанины? Живо прогонят!

Мать, конечно, и сама понимает, что возиться с полусажеными плахами около жерла пудлинговой печи вовсе не

под силу подростку, и идет на уступки. Ржаной хлеб заменяется самым низким сортом крупчатки.

В «крупчатошном» было своего рода щегольство «шаровки».

Не чужды были этому щегольству и заводские женщины. Многие из них старались показать, что они живут хорошо — «крупчатошный едят». Желание щегольнуть друг перед другом особенно было видно в обеденную пору, когда со всех концов завода женщины с узелками шли на фабрику — несли обед мужу, сыну, брату, отцу.

Время обеденного перерыва, между 11 и 12, так и звалось «бабым часом».

Около фабричных зданий везде были видны пестрые группы женщин. Старух мало. Одеты почище, но не по-праздничному. Шутки, смех, «загогулины с крутым поворотом» со стороны рабочих. Взвизгивание, хихиканье и взаимная слежка у женщин.

— Смотри, Елесиха-то третий пирог в половину принесла.

— Она старуха заботливая. Сама не съест, а ребятам при- тащит.

— А вон, видишь, Степанька чем мужа кормит? На черном куске держит.

— Покушай, значит, милый муженек, мою неудачу да фартук с кружевами мне купи.

Молодая красивая женщина в фартуке с кружевными концами слышит эти пересуды. Краснеет, готова заплакать. Муж что-то говорит ей, видимо, успокаивает, но и сам смущен.

В «огневой» не заработать белого куска считалось зазорным. И многие дома голодали, чтобы только «на людях» показать кусок получше. Верхом женской заботливости считался рыбный пирог.

Эта «бабья слава», в которую кроме показного обеда входили и занавески на окнах хибарки, и платье по-городски, иной раз дорого стоила рабочему. В лучшем случае она толкала его на поиски дополнительного заработка в часы отдыха, что, конечно, преждевременно делало рабочего инвалидом. В худшем — начиналась погоня за местечком «потеплее», наущничество, подхалимство, чтобы пробраться в ряды заводских служащих.

Питанию детей «бабья слава» тоже вредила. Заработок рабочего был таков, что его еле хватало на прожитие, и всякая даже самая скромная потребность одеться почище или украсить свою избушку немудрящей занавеской была уже не по карману.

Всех служащих, начиная с управляющего и кончая самым маленьким канцеляристом, фабричные называли общим именем приказные или «приказея». Эта приказея делилась на несколько групп: судари, или начальство, присудари, шоша, кричные жомы. Отдельно стояли расходчики, которых на всех пяти заводах округа неизменно звали собаками.

Судари — это управляющий, управители отдельных заводов, караванный, плотинный, надзиратели заводов, смотрители приисков, словом, все те, кто имел право увольнения и приема рабочих.

Присудари — это люди конторского труда. Их работу мастеровые плохо знали и определяли по-своему: «сидит в конторе, присудыркивает. На счетах щелкает да бумажки пишет».

В действительности этих присударей: конторщиков, счетоводов, чертежников, вплоть до главного бухгалтера, заводское начальство выматывало порой не хуже, чем мастеровых. Большинство из них за четвертную в месяц вынуждено было проворотить столько работы, что приходилось корпеть над ней целые ночи напролет, гремя костяшками или поскрипывая пером.

К присударям близко подходила так называемая шоша — мелкое заводское начальство: «уставщики», надсмотрщики, надзиратели цехов и т. п. «Шошу» заводское начальство также держало в черном теле: плохо оплачивало и часто смещало. Положение этих служащих между тем было, пожалуй, трудное: слишком усердствовать — рабочие изуродуют, не усердствовать — начальство сместит и с заводов прогонит. Сами недавние рабочие, отличавшиеся от остальных только высокой квалификацией и кой-какой грамотностью, они в большинстве своем старались не разойтись с рабочими. Но тогда начальство находило их «неспособными к делу» и заменяло другими, до тех пор пока не находило «подходящего человека». Такой «подходящий человек» оказывался совсем «неподходящим» для рабочих, и они старались его убрать. Обыкновенно в этом случае применялся «служебный подвох»: уничтожение записей, порча материалов и т. д. Если этим путем не могли добиться результата, то пытались «выгучить». Выгучка нередко кончалась инвалидностью для выгученика. Но не всегда так бывало. Некоторым прихвостням начальства удавалось крепко стоять на месте и держаться целыми десятками лет, а иногда даже проходить в «настоящее начальство».

В силу двойственного положения «поши» отношение к ней мастеровых было разное: одних считали за своих лучших товарищей, на других смотрели, как на злейших врагов.

«Кричными жомами» в заводах называли разных приемщиков: угля, руды, дров, железа и пр. К выбору «жомов» заводское начальство относилось внимательно и подбирало вполне надежных людей, главным образом из лиц конторского труда, которые с голодного куска охотно шли в группу «жомов». Жалованье там было меньше, чем в конторе, но зато выдавались наградные за «пример» и «привес», иногда в размере годового заработка, и представлялась возможность «темного» дохода.

Приемка производилась так, что на ней заводоуправление получало не менее четверти ежегодного дохода.

Кроме «узаконенного» грабежа крестьянского и рабочего труда производилась специальная надбавка, определяющаяся ловкостью «жома» и его аппетитом.

Легче всего, конечно, было орудовать с рудой и углем. Здесь помогал и способ укладки, и малограмотность, и разрозненность крестьянства, которое, по преимуществу, занималось доставкой этих материалов.

Сдровами тоже было просто. Тут и усушка, и неплотность кладки, и трухлявое полено — все шло в дело. За все нужна была скидка. И набегало!

Даже с медью и железом ухитрялись «зарабатывать». Прежде всего здесь практиковался узаконенный «поход» на развеску — по 10 фунтов с каждого «весу» («вес» — около 40 пудов). Этот «поход», выкачиваемый в количестве десятка тысяч пудов из кармана рабочего, не оставался в пользу завода, — он шел в виде взятки екатеринбургским продавцам сысертского железа и вокзальным служащим, у которых в конце года получался тоже «привес».

Узаконенным «походом» дело, однако, не ограничивалось.

После 12 часов «огневой» работы сдатчики от смены, конечно, не имели большого желания задерживаться еще на час — на два, и вот начиналась «маховая работа». Железо проходило по весам, но точно не взвешивалось. Только и слышались короткие выкрики: «С весу! Пиши 41. — С весу! Пиши 38». Опытный взгляд весовщика работал в пользу заводоуправления. Получался «поход» сверх «похода» — за быструю записи и наметанность глаза. Такого дополнительного «похода» набиралось по всем заводам также свыше десяти тысяч пудов в год.

Если прибавить к этому, что часть «темного» железа непосредственно сбывалась «жомами» на сторону, то станет

ясным, что «обмилуливание» рабочих в Сысертских заводах было поставлено основательно и совершенно откровенно.

Нужно сказать, что отношение рабочих к «жомам» было все-таки терпимое. Все знали, что заводоуправление держит их чуть ли не исключительно на «наградных», которые определялись количеством «привеса». Окажется в конце года «экономия» тысячи 3 — 4 пудов — дадут «награду» рублей полтора-два. Это, конечно, немного при 15—20-рублевом жалованье, и рабочие мирились с неизбежностью жертвовать не только тысячи пудов владельцу, но и сотни весовщикам.

Недовольство было лишь в тех случаях, когда кто-нибудь зарывался свыше всякой меры, когда все видели, что за счет «привеса» и «примера» начиналась постройка домов, покупка выездных лошадей и т. д. Тогда применялась «учь». На дровяных площадях и в угольных сараях чаще обыкновенного начинались пожары, в магазинах перепутывались сорта железа, производилась повторная сдача, железо попадало «случайному возчику», не доходя до магазинов, и т. д. И в результате замена зарвавшегося другим приемщиком была обеспечена.

Заводские

Заводскими назывались не просто жители заводских селений, а те, кто имел какос-нибудь касательство к производству заводов. Сюда входили и крестьяне, занятые на заводских работах.

Наиболее многочисленные группы составляли «руднишные» и «куренные».

Разработка руд в конце прошлого столетия велась в основном на Боевском руднике, где работали крестьяне ближайших к руднику сел и деревень. В заводах «руднишные» показывались главным образом зимой, когда производился прием выработки.

Бесконечные вереницы саней с коричневыми от руды палубками тянулись ежедневно в Сысерть со стороны Боевки. Выбитая ступеньками дорога была тоже коричневой. Около возов шагали коричневые люди.

Хотя они и звались заводскими, но в действительности жили все-таки своей особой жизнью. Для них работа на рудниках и возка руды были подсобными занятиями к основному — крестьянскому.

«Мастерко» смотрел на них сверху вниз, как на «крестьянчиков», хотя иногда завидовал им. Ему, дескать, ловко работать из-за земли-то. Никому не кланяйся!

В действительности было не совсем «ловко». Этих угрюмых коричневых людей загонял на рудники недостаток земли. Из-за земельной тесноты и шли они, от мала до велика, за заработком на рудничные работы и как раз к посеву изматывали своих лошадей на заводской работе.

Их обмеривали самым наглым образом и во время приемки руды из забоя, и при доставке на заводы. Расходчики, иногда стеснявшиеся своих фабричных, по отношению к рудничным «орудовали» без всякого стеснения и даже щеголяли своим бесстыдством: «Что он, сипак, понимает? Его на трех копейках обставить можно».

Чтобы превратить два миллиона пудов руды в чугун и железо, заводам, работавшим исключительно на древесном топливе, приходилось вести довольно обширные заготовки дров и древесного угля.

При каждом заводе, иногда не в одном месте, были просторные дровяные площади, где ежегодно ставились «к сушке» длинные поленницы дров, пней и хвороста взамен исчезающих запасов прошлого года. Около угольных сараев тоже постоянно толклись люди с огромными угольными коробами: подвозили и отвозили.

Дроворубы и углежоги назывались куренными рабочими. Большинство из них тоже были крестьяне ближайших сел и деревень, но часть работ, особенно в Полевском заводе, выполнялась коренным заводским населением. В Полевском не редкость было встретить «лошадного мужика», который кормился исключительно куренными работами, прерывая их на время покоса.

Углежнение производилось по старинке, в кучах. Работа эта требовала известных навыков, и те семейства, которые имели в своем составе опытного углежога, зарабатывали лучше других, жили «справно» и держали по десятку лошадей.

«Куренное» ремесло так и передавалось из поколения в поколение. В Полевском заводе можно было найти такие семейства, у которых деды и прадеды робыли в курене. Иной раз эти заводские углежоги не прочь были использовать свои навыки для эксплуатации случайных углежогов-крестьян: выражали, например, несколько коробов угля «за досмотр». Подрядчиками, впрочем, им стать не удавалось. На своей каторжной работе куренные заматывали всех членов семьи. Во время главных работ при запалке куч в лес увозили и всех женщин, которых можно было взять из дома. Недаром про полевчан говорилось: «Чесноковик (прозвище жителей Полевского завода) к куреню женится. Работница прибудет».

Кроме «руднишных» и «куренных» в заводах было много так называемых возчиков.

Число грузов было довольно значительно. Возили не только готовые изделия в Екатеринбург, но и между отдельными заводами перебрасывалось много полуфабрикатов. Чугун возили из Сысерти на Верхний и Ильинский, из Северского завода — в Сысерть и Полевской. В общей сложности количество грузов, кроме руды и древесины, было не менее пяти миллионов пудов в год.

Зимой обыкновенно выезжало много крестьян, иногда из сравнительно удаленных селений, чтобы «по дороге» заработать кое-что к весне или, по крайней мере, «оправдать корма».

Эти случайные возчики были очень выгодны заводууправлению, но для кормившихся извозом заводских жителей зимний выезд крестьянства был бедствием.

— Кадниковцы выехали — четверть копейки слетела.

— А вот скоро леший принесет дальних: Шабурову, Петухову, Белопашину.

— Тут уж опять впроголодь насидишься.

— Им ведь что! Овес свой, лошади кормные, на хлебе.

— Известно, из-за естя робят. Не нам чета.

— За обновами бабам в город-то едут!

— Потянись за ними! У него чтыре, как чугун, а у меня одна — шлаковка. Много на ей увезешь?

Таковыми разговорами встречался каждой зимой выезд крестьян на заработки.

Тревога была вполне законна. Заводоуправление по части выжимания копейки было мастеровато. «Жомам» было предписано снижать попудную плату в зависимости от числа приехавших. Бывало, плата с пуда на 47 верст от Сысерти до Екатеринбурга доходила до 2 1/4 копейки.

Понижение цен на возку от Сысерти до города неизбежно отражалось и на провозной плате между отдельными заводами, хотя крестьяне обыкновенно за перевозку этого вида не брались, — она им была «не по пути».

Обдирая возчиков, кроме конкуренции крестьян в зимнюю пору заводское начальство использовало еще один прием — фальшивые версты.

От Сысерти до Екатеринбурга по Челябинскому тракту 47 верст. Версты обыкновенные, «казенные». Они и служили основой для расчета за возку. Но между отдельными заводами версты были или «не меряные», или фальшивые. Особенно нагло это было сделано между Сысертью и Верхним заводом.

Там имеется превосходное шоссе, утрамбованное подрудком. На этом шоссе красиво сделанные столбики отчетливо показывали 8 верст от плотины до плотины, а между тем заводское население не без оснований считало здесь 10 верст. Помню, живя на Верхнем, я пытался проверить расстояние, и на первой версте, по которой тянулась линия Верхнезаводского поселка, насчитал свыше 200 сажен лишка. Таким образом, треть стоимости провоза по Верхнезаводской дороге заводоуправление крало. Если считать, что с Верхнего ежегодно вывозилось до 400 000 пудов сортового железа и столько же привозилось туда болванки, то кража получалась довольно чувствительная — 3 200 000 пудов верст.

Конкуренция крестьянства и приемы вроде фальшивых верст делали занятие перевозками очень невыгодным, и из заводского населения шли в возчики только те, кому податься было некуда: инвалиды фабрики, вдовы и «прогнанные» с фабричной работы. Заводили они каким-нибудь способом лошаденку и «брякали» на ней зимой и летом, зарабатывая свой голодный кусок и проклиная крестьян, которые «из-за естя» выезжали зимой на эту же работу. Число таких заводских возчиков было значительно, и я не помню случая, чтобы хоть раз заводоуправление было стеснено в перевозках. Правда, самое большое количество грузов передвигалось зимой, но и в остальное время года — по весенней и осенней распутице — необходимое передвижение грузов не прекращалось.

За возчиками, не уступая им в числе, шла группа «поторжных» рабочих, но о них будет особо*.

* См. «Жалованный кафтан». (Примеч. автора.)

Приисковые

В Сысертском округе годовая добыча золота достигала в описываемое мною время в среднем 20 пудов. Кроме того, имелись россыпи хризолитов около Полдневой.

На приисках и россыпях было занято немало постоянных рабочих из заводского населения.

Работы велись преимущественно самим заводоуправлением, но часть золота и камней добывалась старателями, которые занимались главным образом разведкой. Особенно много таких старателей было в Полевском и Северском заводах. Там по Чусовой и ее мелким притоком отдельным счастливым удавалось не раз нападать на «верховую жилу». Одно время золотая зараза захватила чуть не поголовно на-

селение Полевского завода. Даже «исконвенные углежог» и те бросили курень и занялись «богатым делом». Рыли где попало. Проедали последнее, а все не хотели «попустить счастья».

При удаче картина была однообразная: пьянство и дикая трата денег вроде засыпания пряниками и орехами ухабов на выбитой дороге во время масленичного катания.

Помню, один из таких приисковых людей — Стаканчик любил подробно рассказывать, как ему удалось найти на казенных (заводских) приисках самородок невиданного размера. Сдать заводу было пельзя — боялся, что просто отберут, объявят находку казенной. Пошел к местному торговцу Барышеву, который между прочим промышлял скупкой и сбытом «мелкого товару». Взвесили. Оказалось 18 фунтов. У торговца не хватило денег. Тогда разрубили самородок и «честно» — рука об руку — произвели сделку.

О дальнейшей судьбе своего счастья Стаканчик говорил коротко: «два года из кабака не выходил». И только... Остальное золото перешло к тому же Барышеву, который предусмотрительно держал лучший в Полевском заводе кабак. Больше Стаканчику в жизни не «пофартило», и два года безвыходного кабацкого гулянья оказались единственным светлым пятном в его тяжелой приисковой жизни.

На старости Стаканчик «успотлился» — попал сторожем к заводским магазинам, в людное место, где можно было всегда знать новости о «земляном богатстве», думать о котором старик никогда не переставал.

Приблизительно такова же была участь и других счастливицев.

В лучшем случае начиналась постройка домов. Обязательно каменных, необыкновенно толстостенных, двухэтажных. Но редко эта постройка доводилась до конца. Обыкновенно «счастливцев» успевал безнадежно прожить и потерять «счастливую жилу». Такие недостроенные дома служили чем-то вроде памятников об «удаче на золото». Полевские старики, показывая на недостроенные, порой уже разваливающиеся здания, говорили:

- Это когда на Шароглазке песок нашли.
- На кразелите фартить стало.
- Зюевский этта. Около Бревера нашел*.

Удачливая добыча была редкостью. На вопрос: «как блеснит?» — одни начинали уныло рассказывать, что уже не первый раз докапываются до той земли, где прежде люди жили, а все не фартит, другие жаловались на заводское начальство,

* Был такой жуликоватый барон — Бреверн, ухитрившийся заложить и продать свои прииски вблизи деревни Косой Брод чуть ли не в десять рук сразу. Землю между тем кособродчане считали своей и вели судебное дело с этим титулованным мошенником. (Примеч. автора.)

которое захватило площадь, как только началась удача. Последнее было делом самым обыкновенным. Заводское начальство, видимо, следило за старателями, и чуть только им удастся найти россыпное золото в значительном количестве, сейчас же окажется, что кругом назначена разработка от заводов. Это для старателя значило: «иди, ищи в другом месте, а здесь уж мы возьмем сами».

Такая политика заводоуправления заставляла старателей «сторожиться» и «не оказывать богатства». Иногда попавшие на богатую россыпь специально начинали вести разработку в разных местах, чтобы сбить с толку заводоуправление. Сделать это можно было только при сравнительно большой компании. Но уж, видно, таково свойство золота, что около него всегда люди дерутся. Так было и с этими старательскими компаниями. Начинались перекоры, взаимное недоверие, и в результате выплывало место «хорошей жилы».

Положение рабочих на казенных (заводских) приисках отличалось от положения фабричных мастеровых только тем, что было гораздо хуже: помимо скудного заработка, тяжелой работы и обжуливания со стороны начальства им приходилось ночевать в плохо приспособленных для жилья бараках и жить в отрыве от семьи.

Иногда, впрочем, удавалось «замыть золотничок», о чем обыкновенно узнавалось в ближайший праздник в одном из заводских кабаков.

Работа старателя, несмотря на неопределенность заработка, была все же много интереснее и тянула рабочих с заводских приисков.

Многие работали на заводских только для того, чтобы «сколотить копейку на свою работу». Иной целый год «хлещется в забое», скверно питается и даже удерживается от водки, и все для того, чтобы летом «порыться на чувовских покосах».

— Вон на Шароглазке, сказывают, нашли богатимое золото под первым пластом.

— Ну, а под Косым-то Бродом, помнишь?

Вспоминались несколько счастливых мест, которые всегда держались в памяти старателей.

И как будто нарочно для того, чтобы не прекращалась золотая лихорадка, обыкновенно кто-нибудь находил золото в самом неожиданном месте.

Не только старатели, но и многие рабочие с казенных приисков бросались тогда на поиски золота в местах, близких к «счастливой жиле».

Даже фабричные рабочие и заводские служащие втягивались в эту погоню за золотом.

В Полевском заводе, например, некоторые рабочие и мелкие служащие если лично не участвовали в старательских работах, то вносили свою долю деньгами в компании старателей. Из-за этих компанейских взносов некоторым приходилось совсем туго.

Жили впроголодь, а все-таки не хотели отказаться от мысли: «только бы фартнуло — не слуга я больше Сысертским заводам».

Спичечники и кустари

Вблизи Сысерти был небольшой спичечный завод, принадлежавший Белоносовой, или, как звали ее, — Белоносихе. Завод, что называется, — стрень-брень, а дела вел большие. Вырабатываемая здесь спичка-серянка шла главным образом в Сибирь.

Соседство спичечного завода сказывалось на каждом шагу. Чуть не во всех заводских сторожках строгают спичечную соломку, и во многих семьях, особенно в «Рыму» и в заречной части, с утра до вечера вертели из толстой грязно-розовой бумаги круглые пакетики для спичек, наляпывая на них в места соединений особый состав для зажигания. Накладывался он, впрочем, так экономно, что им нельзя было пользоваться. Спички зажигали о стену, об одежду, о сапог.

Эти работы на дому оплачивались так низко, что за них брались только при крайней нужде.

На самом заводе занимались резкой соломки, изготовлением головки, сушкой и укупоркой.

Головки готовились примитивным способом. В плоские четвероугольные сосуды наливался тонким слоем раствор фосфора, и «макальщики», сунув в этот раствор приготовленную соломку, песли пучки в сушило.

Главный состав рабочих в макальном и сушильном были женщины и дети. Работа считалась такой легкой, что на нее принимали иногда детей школьного возраста. Однако эта «легкая» работа чрезвычайно разрушительно действовала на организм. Дети, проработав в макальщиках с год, начинали терять зубы. Для тех же рабочих, которым приходилось возиться с составлением и наливанием раствора, дело на этом не кончалось. Разрушались не только зубы, но и челюсти, которые приходилось удалять путем операции.

Изуродованные на спичечном заводе люди казались прямо страшными. В 25 — 30 лет они были уже стариками, с глубоко провалившимися ртами, неясным шамканьем вместо речи.

Вид инвалидов Белопоповского завода, однако, не удерживал от поступления туда все новых и новых обреченных.

Хозяйка, румяная, зазвонная баба Настасья, могла быть спокойна за свои барыши. Неудачники фабрики, дети и женщины валом валили в это опасное место, хотя все знали, как дорого обходятся Белоносихины заработки.

Отношение фабричных к «спичечным» было дружелюбное. Им сочувствовали, как находившимся в самом тяжелом положении.

«Работа у них хуже «огневой». Без нужды не пойдешь. Гнилая работа».

В заводских селениях было немало и кустарей. Больше было развито кузнечное производство. Ютовили главным образом подкову. Не редкостью были и слесарно-токарные мастерские по железу и меди.

Кузнецы в большинстве работали мелкими группами — своей семьей.

Совсем иное представляли содержатели мастерских. Выделялась в этих мастерских разная мелочь вроде подсвечников, металлических частей пишменных приборов, сахароколок и т. п. Эти изделия кустарных мастерских могли конкурировать на рынке с такими же изделиями больших фабрик только при условии крайне дешевой оплаты труда. И содержатели мастерских действительно не стеснялись. Пользовались они главным образом трудом «заводских стариков» и тех подростков, которые не попали на фабрику. Те и другие пахотились в таком положении, что вынуждены были работать за бесценок.

По отношению к подросткам, кроме того, широко практиковался институт ученичества. Подросток, принятый в кустарную мастерскую, целыми годами работал бесплатно. Да и потом, когда он работал чуть не лучше мастера, расценка его труда понижалась — за выучку. Хорошо еще, что такому выучившемуся в мастерской рабочему можно было уйти в другую мастерскую. Взаимное соперничество предпринимателей делало такой выход, пожалуй, самым распространенным.

«Чертознаи»

Прокормиться при огромных лесных и водных богатствах, имеющихся в Сысертской заводской даче, как будто можно было и независимо от заводского производства. Но редко это удавалось. Счастливицы, которым не приходилось

«ломать шапки» пред заводским начальством, казались в глазах остального населения какими-то необыкновенными людьми. Их так и звали «чертознаями»: не допускали мысли, что можно без помощи сверхъестественной силы жить таким промыслом, который не зависит от заводского начальства.

Большинство из этих «чертознаев» жили охотой, рыбной ловлей и дикой пчелой.

Для охотника был простор на лесной площади заводского округа. Некоторые удачливые, как, например, полдневской старик Булатов, в зиму забивали голов по 10—15 лосей, что превышало годовой заработок наиболее квалифицированного рабочего. Кроме «зверя» (лося) били много козлов и волков. Птицей такие охотники-специалисты редко «займовались». В летнюю пору они бродили по лесу, изучая места стоянки и водопоя лосей и козлов, а также подыскивая наиболее богатые «ягодные бора».

В пору сбора малины около «чертознаев» составлялись особые артели, устанавливалась «верховая веревочка» от пункта к пункту до Екатеринбурга, и доставка этой скоропортящейся ягоды на екатеринбургский базар шла непрерывно.

Особенно много малины шло с участка Бардым — в верстах 70—80 от Екатеринбурга.

Брусника тоже давала заработок. Здесь «чертознаи» просто продавали за известный процент свое знание леса. Так и рядились: если в день по два ведра на «борщицу» — столько-то, если по три ведра — столько-то.

Эти же лесные люди занимались и дикой пчелой, имея иногда свыше сотни бортей в разных концах леса.

В общем заработок охотников был довольно значителен, и некоторые из них жили лучше заводских служащих. А так как при этом была еще полная независимость от заводского начальства, то положение «чертознаев» казалось завидным. Их даже немножко побаивались. Но желающих заняться этим ремеслом было все-таки немного. Видимо, создавалось, что охота может быть выгодна лишь при условии, если ею промышляют немногие. Мешало, конечно, отсутствие денег «на обзаведение».

Жизнь в лесу накладывала особый отпечаток. Обычно «чертознаи» избегали шумных праздничных сборищ, почти никогда не гуляли в кабаках и редко, а то и вовсе не показывались в церкви.

Были, правда, среди охотников и люди другого склада: забуддыги и пьяницы, которые тоже «промышляли с ружьишком». Выследить медведя, устроить облаву на волков, показать места выводков птицы — было их главным заработ-

ком. Но такие охотники назывались уже не «чертознями», а «барскими собачонками». К «чертозням» же относили и рыбаков, которые специально занимались рыболовством.

Рыбы в заводских прудах было довольно много, и рыбаков было больше, чем охотников. На Верхнезаводском пруду, верстах в трех от плотины, был даже особый рыбацкий поселок — «Рыболовные избушки», где несколько семейств жили постоянно. Часть занималась рыболовством поневоле, пока не найдется работа на заводе, но некоторые только этим и жили. Из постоянных рыбаков мне помнятся двое: Клюква и Короб. Оба уже были стариками, когда я стал их знать. Смолоду, еще в пору крепостничества, они работали на заводе — один «в горе» (на рудниках), другой — «коло домны», но уж давно «отстали» и поселились на «Рыболовных избушках». Хотя цена рыбы была невысока, но оба старика жили безбедно и порой жестоко пьянствовали.

Клюква был высокий сухощавый человек с кудрявой бородой и пышной шапкой седых волос. Жил он бобылем и вел свое хозяйство так, что многим хозяйкам можно было поучиться. Своих «друзжков» он охотно принимал в избушке и балагурил с ними до рассвета, но ко всякого рода заводской знати, приезжавшей иногда на «Рыболовные избушки», относился недоброжелательно. Это недовольство старику приходилось скрывать, поэтому он применил особые приемы отказа в гостеприимстве: не держал самовара, развешивал без всякой надобности сушить сети в избушке, а раз даже, ожидая большого съезда «дорогих» гостей, высмолил в избушке стены и лавки, — «для прочности и чтобы блоха не велась».

Короб был семейный, хозяйственный человек. Угрюмый, неразговорчивый, огромный и неуклюжий. В его просторной избе часто останавливались приезжавшие из Сысерти гости-рыбаки, но их принимала обыкновенно одна старуха Коробиха. Старик, еще издали увидев лодку с заводскими гостями, забирал какую-нибудь снасть и уходил, заказав жене: «Мотри, рыбу не продешеви! За молоко цену сразу скажывай, а то отвалят двугривенный, да и пой их за это молоком. Ежели спрашивать станут, — куда уехал, скажи — на Карасье. А в случае Санька (сын) придет — пошли ко мне на «лабзы».

Рыболовецкая сноровка приносила Клюкке и Коробу всегда особую удачу. Их соседям по «Рыболовным избушкам» и заводским жителям такая постоянная удача казалась чем-то необыкновенным.

— Небось, пудовая щука всегда Коробу либо Клюкке на острогу попадет. А ты сколь ни ездил — все десятерик.

— Вот вчера утром чуть не рядом с Клюквой сидел, а раз-

ница. У него без передыху берет, покурить некогда, а у меня жди-пожди. Да и ерш-от у него на отбор, а мне все мелочь суется, хоть бросай. Как это понимать?

— Словинку знают. Не без того.

— Это правильно говоришь. Известно, целый век на рыбе не проживешь без чертознайства-то.

Так и слыли эти независимые от заводского начальства охотники и рыбаки необыкновенными людьми, которым помогает лесная и водяная сила. Может быть, вера в их «чертознайство» и не была особенно крепкой, но уверенность, что они «знают словинку», держалась твердо.

«Старики»

В заводах было довольно много так называемых «стариков». Название условное. Оно применялось ко всем, кто уже не годился в тяжелую фабричную работу, хотя возраст их был еще далеко не стариковским.

Тяжелый труд с детства, 12-часовой рабочий день быстро изнашивали человека. Поступив с 12—15 лет в «огневую работу», он к 35—40 годам становился уже инвалидом. Начинались головокружения, обмороки, и рабочий вынужден был уходить с фабрики. Заводоуправление, однако, вовсе не склонно было рассматривать этих «изрубленных» людей инвалидами и обычно, чтобы не платить пенсии, рассчитывало их за «проступки».

Иногда, впрочем, начальство «благодетельствовало», назначая такого изношенного человека в сторожа, в «огневики»* и на другие должности, которые оплачивались от 5 до 8 рублей в месяц.

Человеку в 40 лет, когда еще семья в большинстве «не на своих ногах», существовать на такой заработок было невозможно, и «старики» вынуждены были искать кусок хлеба каким-нибудь другим путем. Значительная часть «стариков», как уже упоминалось раньше, становились «возчиками»; часть устраивалась в мелких мастерских, где их эксплуатировали еще беспощаднее, чем на фабрике; часть промышляла по мелочам: поделкой из дерева и железа, старательством, рыбешкой, охотой.

«Пристроенные» по сторожевским должностям подрабатывали себе кусок плетением корзин и «решеток» (бельевая корзина из березовой стружки), починкой отопков**, а также изготовлением спичечной соломки. Почти в каждой сторожке можно было видеть трехчетвертовые осиновые чурбаны, ко-

* Сторожа по охране от лесных пожаров в летнее время. (Примеч. автора.)

** Изношенная рабочая обувь. (Примеч. автора.)

которые вручную раскалывались и острагивались в тонкую круглую палочку-соломку. Эта соломка связывалась пучками по сотне штук и шла на спичечный завод. Заработок от соломки был постоянный, но такой скудный, что за эту работу можно было браться лишь от длительной безработицы.

Пенсионеров, которые бы могли жить на свою пенсию, в заводах вовсе не было. По какому-то старинному положению, оставшемуся еще от поры крепостничества, заводоуправление в некоторых случаях обязано было выдавать пенсии, но они назначались в таком размере, что походили больше на издевательство, чем на пособие.

Помню, моя бабушка, муж которой проработал на заводе свыше 30 лет, получала свою вдовью половину в размере 84 копеек в год. Это, впрочем, считалось неплохо. Бывали полочки еще забавнее. Мне, например, в конце 80-х годов приходилось знать в Северском заводе старуху, которая получала в год 14 копеек. К этой пенсии добавлялось право срубить ежегодно 30–50 жердей, 10 бревен и получить 3 куба дров. По части лесных материалов, как видно, заводоуправление не скупилось: «Руби, дескать, старушка, бревна, жерди и дрова, вот и сыта будешь. Да еще на прокорм дополнительно получи 14 копеек. Помни, что усердная работа за заводами не пропадет».

При этом, однако, заводское начальство следило, чтобы старухи-пенсионерки не вздумали передавать свое право на беспопенную рубку леса кому-нибудь, кроме своих ближайших родственников. В случае нарушения этого правила пенсия снималась.

Кроме денежной и лесной выдачи полагалась еще мука из заводских магазинов, но она выдавалась в таком количестве, что не стоило за ней ходить. Даже впавшие в нищету пенсионеры и пенсионерки не ходили в магазины: больше и скорее можно было набрать кусков, пройдя по любой улице. И надо сказать, что такое собирание кусков престарелыми рабочими было не редкостью. Ярko-красные пятна на высохшем лице напоминали о тяжелой «огневой» работе, в которой старик нищий пробыл не один десяток лет, и теперь во славу Сысертских владельцев он шамкал: «Подайте, Христа ради!»

РЯДОВЫЕ ИСТОРИИ

Сысерть 20–30-х годов XX столетия – из собрания Евгения Бирюкова

Дошел как-то до меня слух, что в одном из сысертских огородов рамы теплиц застеклены очищенными от эмульсии фотопластинками. При первой же возможности поехал в Сысерть и вышел таким образом на след тамошнего фотографа Петра Дмитриевича Черепанова. Оказалось, что это в его бывшем доме жильцы приспособили для хозяйственных нужд найденный в хламе фотоархив, считая, что нечего добру пропадать. В сарае и еще пылились целые коробки не смытых фотопластинок, облюбованные курами под насест. «Можешь забрать», – широким жестом предложили хозяева.

И вот один за другим я перевожу на бумагу фотонегативы почти восьмидесятилетней давности. Мне открывается Сысерть 20-х годов прошлого столетия, ее пока безымянные обитатели всех возрастов, чинов и рангов.

Но кто же такой этот Петр Дмитриевич Черепанов? Снова еду в Сысерть и по крохам, как по клочкам разорванной временем фотографии, составляю его портрет.

Петра Черепанова еще мальчишкой взял к себе в услужение бывший заводовладелец Дмитрий Павлович Соломирский. Тот и сам был человек разносторонний и увлекающийся. Состоял действительным членом УОЛЕ, собирал и коллекционировал всякие редкости, активно занимался орнитологией, а между делом – и любительской фотографией.

Мальчишка ему приглянулся, возил его с собой даже в Петербург и Париж. Обучил садоводству и фотографии, высватал невесту, помог построить дом...

В советские годы Петр Дмитриевич стал зарабатывать

П.Д. Черепанов

И.И. Чуркин

на жизнь фотографией. В малухе, что пристроил к сеновалу, он оборудовал фотолабораторию, а во дворе — ателье под открытым небом. Образно говоря, весь Сысертский завод и поселок перебивали здесь.

И вот они передо мной, сысертцы тех далеких лет. В кафтанах и каргузах, с детьми и внуками, а то и с домашней живностью. Молодые — в буденовках, в шинелях до пят. Местные красавицы — в кружевных накидках. Увековечилась депутатка какого-то московского съезда с портретом Ильича в руках... На одной из фотографий изображена сысертская спортсменка, разительно похожая на «Девушку в футболке» художника А. Самохвалова — эту картину можно видеть в «Третьяковской галерее».

Но больше всего негативов с детьми. Говорят, что Петр Дмитриевич особо привечал соседских ребятшек, снимал бесплатно целыми стайками и летом, и зимой.

В те годы фотопластинки продавали только в обмен на старые, использованные. Но Черепанов умудрялся обходить эту строгую инструкцию и следовал правилу старых мастеров — негативы сохранять. Этому его непослушанию и обязана сохранившаяся до наших дней уникальная коллекция фотографий.

В конце 20-х годов, в пору очередной политической кампании, Черепанова подраскулачили: забрали мебель, портновские запасы жены, но фотоаппарат оставили, обязав снимать советские мероприятия — собрания, митинги, демонстрации.

Не раз и не два побывал я в Сысерти, пытаюсь разыскать кого-нибудь из персонажей фотолетописи П.Д. Черепанова. Одну женщину сысертцы узнали сразу — заслуженная учительница Филимонова. Она, в свою очередь, узнала некоторых своих коллег и подруг. Обнаружились имена двух милиционеров, изображенных на групповом снимке... Словом, безымянные персонажи стали обретать имена.

Екатеринбурженка Вера Николаевна Колодкина, увидев одну из фотографий, воскликнула: «Да это же мы! Вот мама, папа, брат Володя, а это — маленькая я...»

В конце 20-х — начале 30-х годов в Сысерти жил с семьей Николай Александрович Иванов, заведовал музчастью рабочего театра. Он участвовал в агитбригаде «Синяя блуза», руководил им организованным оркестром домр и одновременно был регентом хора в местном храме Симеона и Анны. Сысерт-

ский период его жизни был недолог. Уехал потом с семьей в Кабаковск (так назывался тогда нынешний г. Серов), в начале войны ушел добровольцем на фронт и погиб под Москвой.

А в 1942-м отправился воевать его сын Владимир. Служил в артиллерии, на «катюшах», был трижды ранен. После войны поступил в Московский театральный институт. А в 1948-м сыграл роль Олега Кошевого в фильме «Молодая гвардия». Его бесстрашный комсомольский вожак был любимым героем целого поколения.

Вера Николаевна тоже выбрала артистическую стезю. Ее знали как первую на Урале «девушку с аккордеоном». Тоже была на фронте, выступала перед солдатами с концертной бригадой. С 1968 года Вера Николаевна преподает в Свердловском музыкальном училище имени П.И. Чайковского.

Таким вот путем вышел я и на другого сысертского фотографа — Ивана Ивановича Чуркина. И это — новая история.

В 30-х годах стали вводить фотографии на паспорта. Как исполнителя П.Д. Черепанова забраковали: дело государственное, а тут — выкормыш заводчика... Обратились к Ивану Чуркину, слесарившему на дому и тоже слывшему фотолюбителем. Он согласился подзаработать, а потом вошел во вкус и даже стал Черепанову конкурентом.

Впрочем, типаж его снимков уже иной: вчерашний буденовец облачился в «сталинский» френч, комсомолец — в юнгштурмовку, совслужащие обзавелись портфелями и телефоном...

С разрешения наследника И.И. Чуркина моя сысертская коллекция пополнилась новыми экспонатами.

Литература

АРАМИЛЬ

Анимица Е.Г. Арамилъ // Анимица Е.Г. Города Среднего Урала: Прошлое, настоящее, будущее. — Свердловск, 1983. — С. 55 — 57.

Анимица Е.Г. Арамилъ // Весь Урал '96. Свердловская область. — Екатеринбург, 1996. — С. 284 — 285.

Анимица Е.Г. Арамилъ // Уральская историческая энциклопедия / Гл. ред. В.В. Алексеев. — Екатеринбург, 1998. — С. 25.

Арамилъ // Города России: Энциклопедия / Гл. ред. Г.М. Лаппо. — М., 1994. — С. 22.

Арамилское село // Приходы и церкви Екатеринбургской епархии. — Екатеринбург, 1902. — С. 26 — 28.

Ветлугин В. История далекая и близкая // Урал. рабочий. 1975. 24 авг.

Гордеев П. Арамилю — 300 лет // Урал. следопыт. 1975. № 4. — С. 49.

Кондратов Н. По следам черноокой Арамили // Урал. рабочий. 1973. 7 марта.

Коновалов С. Екатеринбург — «сын» Арамиля?! // На смену! 1998. 31 окт.

Чупин Н.К. Арамилское село (Арамилская слобода) // Чупин Н.К. Географический и статистический словарь Пермской губернии. Т. 1. — Пермь, 1873. — С. 29 — 33.

ДЕГТЯРСК

Анимица Е.Г. Дегтярск // Анимица Е.Г. Города Среднего Урала: Прошлое, настоящее, будущее. — Свердловск, 1983. — С. 74 — 78.

Анимица Е.Г. Дегтярск // Весь Урал '96. Свердловская область. — Екатеринбург, 1996. — С. 427 — 428.

Анимица Е.Г. Дегтярск // Уральская историческая энциклопедия / Гл. ред. В.В. Алексеев. — Екатеринбург, 1998. — С. 174.

Гладкова И. По следам одной легенды [Из истории Дегтярска] // Стройкомплекс Среднего Урала. 2001. № 1 — 2. — С. 44 — 46: ил.

Головко В. Ревда и Дегтярск. — Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1970. — 37с., ил. (Библиотечка юного географа).

Дегтярск // Города России: Энциклопедия / Гл. ред. Г.М. Лаппо. — М., 1994. — С. 116.

Очеретин В. Посреди Урала: [О городах Первоуральске, Ревде, Дегтярске] // Урал. рабочий. 1967. 3 сент.

Резт К. Большая Дегтярка; Фабрика домов: [Строительство города] // Урал. рабочий. 1940. 28 марта; 10 апр.

Сницкий М. Дегтярская старина // Урал. следопыт. 1967. № 1. — С. 65.

ПОЛЕВСКОЙ

Анимица Е.Г. Полевской // Анимица Е.Г. Города Среднего Урала: Прошлое, настоящее, будущее. — Свердловск, 1983. — С. 78 — 88.

Анимица Е.Г. Полевской // Весь Урал '96. Свердловская область. — Екатеринбург, 1996. — С. 430 — 432.

Анимица Е.Г. Полевской // Уральская историческая энциклопедия / Гл. ред. В.В. Алексеев. — Екатеринбург, 1998. — С. 417.

АООТ «Северский трубный завод» // Эксперт. 1996. № 13. — С. 51.

Горюх А.П. Полевской. — Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1989. — 175 с., ил. (Города нашего края).

Давыдов И. Северские трубки: К 250-летию Северского трубного завода. — Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1989. — 431 с., ил. (Биография урал. индустрии).

Кожеевников А. О Полевском и полевчанах: Записки краеведа / Предисл. А. Азовского. — Свердловск: РИО Упринформпечати, 1991. — 91 с.

Курашова Т. Самоцветный край: [О прошлом и настоящем Полевского] // Урал. рабочий. 1988. 24 июля.

О территории и границах муниципального образования «Город Полевской». Обл. закон // Обл. газ. 2000. 11 янв.: схем. карта.

Полевской // Города России: Энциклопедия / Гл. ред. Г.М. Ланно. — М., 1994. — С. 359.

Полевской // Уральский месяцеслов: Календарь-справочник 1992. — Челябинск, 1991. — С. 98 — 100.

Полевской завод // Приходы и церкви Екатеринбургской епархии. — Екатеринбург, 1902. — С. 100 — 103.

Полевской завод // Путеводитель по Уралу. 2-е изд. / Изд. В.Г. Чекан. — Екатеринбург, 1902. — С. 70 — 88: ил.

Полевской край: Историко-краеведческий сборник. Вып. 1. / Сост. и гл. ред. Н.Н. Тагильцева. — Екатеринбург, 1998. — 320 с., ил.

Полевской край: Историко-краеведческий сборник. Вып. 2 / Редколлегия. — Екатеринбург, 2001. — 320 с., ил.

Полевской: вчера, сегодня, завтра // Екатеринбург. неделя. 1997. 21 нояб. (Вып. 47). — С. 4.

Раманов В.Я. Дедушка Слышко и его внуки: Очерки истории Гумешек. — Свердловск: Кн. изд-во, 1963. — 190 с., ил.

Свердловская область. Полевской и Полевской район. — Тверь: Студия-С, 1996. — 144 с.

Семенов П. Полевской медеплавильный завод // Семенов П. Географическо-статистический словарь Российской империи. Т. 4. — СПб., 1873.

Сысертский горный округ. Полевской завод // Путеводитель по Уралу / Под ред. В.А. Весновского. — Екатеринбург, 1899. — С. 8 — 13.

У Думной горы: [Сб. статей / Сост. В.Я. Романов]. — Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1968. — 187 с.

Чупин Н.К. Гумешевский медный рудник // Чупин Н.К. Географический и статистический словарь Пермской губернии. Т. 1. — Пермь, 1873. — С. 417 — 432.

СЫСЕРТЬ

Анимациа Е.Г. Сысерть // Анимациа Е.Г. Города Среднего Урала: Прошлое, настоящее, будущее. — Свердловск, 1983. — С. 49 — 55.

Анимациа Е.Г. Сысерть // Весь Урал '96. Свердловская область. — Екатеринбург, 1996. — С. 288 — 289.

Анимациа Е.Г. Сысерть // Уральская историческая энциклопедия / Гл. ред В.В. Алексеев. — Екатеринбург, 1998. — С. 505.

Архипова Н.П. Город Сысерть // Архипова Н.П. Окрестности Свердловска. 3-е изд. — Свердловск, 1981. — С. 158 — 162.

Бажов П. К расчету: [Сысертский з-д в 1905 г.]. 2-е изд. — Свердловск, 1929. — 83 с.

Бажов П. Уральские были: Из недавнего быта Сысертских заводов. — Екатеринбург: Уралкнига, 1924. — 80 с.

Вахрамеев Б.А., Буранов Ю.А. Уралгидромаш: [История завода]. — Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во. — 1972. — 144 с., ил.

Вахрамеев Б.А., Мясникова Н.В. У истоков новых рек: [Урал. завод гидромашин]. — Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1982. — 127 с., ил.

Ветлугин В. Бажовских сказов дивные места // Урал. рабочий. 2000. 24 авг.

Викулова Н.П. Сысертский район (географическое краеведение): Учеб. пособие для углубленного познания своего края. — Екатеринбург, 2000.

Город Сысерть: Из истории города // Гербы городов России: Альбом-справ. — М., 1998. — С. 418: ил. изобр. герба города.

Горяева Н., Авдеев А. Тридцать восемь верст к югу. [О Сысерти] // Урал. рабочий. 1997. 30 дек.

Гузев А.Е. Сысертские горные заводы, их прошлое, настоящее и летопись событий. (1702 — 1896 гг.). — Пермь, 1896. — С. 109: диагр., табл. (Материалы к изучению Перм. края).

Дергачев И. В лейб-гвардии гусарском...: [Из архива Соломирских]. Из заметок краеведа // Урал. 1964. № 10. — С. 172 — 176.

Доброхотов Ф.П. Сысерть // Доброхотов Ф.П. Урал Северный, Средний, Южный: Справ. книга. — Петроград, 1917. — С. 417 — 418.

Ковалев В. Сысерть // Лит. Россия. 1982. 15 янв. — С. 7: ил.

Самарина М. Последний владелец Сысертских заводов [Д. П. Соломирский] // Каменный пояс на пороге III тысячелетия: Материалы науч.-практ. конф. — Екатеринбург, 1997. — С. 248 — 249.

Семенов П. Сысертские горные заводы // Семенов П. Географическо-статистический словарь Российской империи. Т. 4. — СПб., 1873. — С. 819 — 820.

Сысертские горные заводы: Краткий очерк их развития и современного состояния / Сост. В.Д. Черкасов. — СПб., 1882. — С. 48: ил.

Сысертский горный округ. Сысертский завод // Путеводитель по Уралу / Под ред. В.А. Весновского. — Екатеринбург, 1899. — С. 5 — 7.

Сысертский завод // Приходы и церкви Екатеринбургской епархии. — Екатеринбург, 1902. — С. 103 — 107.

Сысертский завод // Путеводитель по Уралу. 2-е изд. / Изд. В.Г. Чекан. — Екатеринбург, 1902. — С. 39 — 58: ил.

Сысертский завод. Сысертский горный округ // Россия. Полное географическое описание нашего отечества / Под ред. В.П. Семенова-Тян-Шанского. Т. 5. Урал и Приуралье. — СПб., 1914. — С. 441 — 444.

Сысерть // Города России: Энциклопедия / Гл. ред. Г.М. Лаппо. — М., 1994. — С. 452.

Сысерть: [К 260-летию города] // Уральский месяцеслов: Календарь-справочник. 1992. — Челябинск. 1991. — С. 321 — 323.

Сысерть рабочая: [Об Уралтидомаше]: Сб. ст. / Сост. В.И. Еремин, Ф.Ф. Кузнецов. — Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1964. — С. 176, ил. (Из истории урал. заводов).

Оглавление

А. Чуманов. АРАМИЛЬ — ИМЯ ЖЕНСКОЕ

Своя позиция	6
Слобода Михайлы Сарапульца	7
Арамильское время	10
Ушковские сукна	13
Боль и радость — река Исеть	19
Арамиль православная	21
Отцы медицины	24
Опера Глинки — на школьном крыльце	27
Арамильское ткачество	32
Мемуары Максима Горбачева	35
Энтузиазм тридцатых	44
Шинели для фронта	49
Арамиль в городском наряде	51
Референдум	55
И это все о ней... ..	56
Хроника Арамили	59

А. Кожевников. ГОРОД ДАНИЛЫ-МАСТЕРА

Визитная карточка	62
<i>Двадцать веков назад</i>	
На древнем Азове	64
Рождение Гумешек	65
На Думной горе	66
По следам древних рудознатцев	68
Борьба за «чусовские» земли	70
Рождение Полевского завода	72
Слава и убожество Гумешек	76
Завод на речке Северной	81
У истоков полевской «науки»	84
А.Ф. Турчанинов и его наследники	87
Турчаниновские крестьяне	92
Приписные и непременные	95
Крылатковское золото	99
Соломирские	100
Земляки Данилы-мастера	104

Взлет на исходе века	108
На ниве просвещения	111
Врачи-подвижники	115
Смена хозяев округа	117
Утверждение новой власти (Хроника событий)	121
Северский и северцы	123
Под сенью Иверской иконы	126
Сернокислотный цех страны	129
Криолитом по врагу	131
Северский характер	135
Полевские адреса москвичей	142
Главный строитель	144
Многоликий Полевской	145
Флагман полевской промышленности	151
Возродится ли древний рудник?	155
Зюсельский колчедан	157
Город в «Малахитовом кольце»	159
Хроника Полевского	163

Г. Иванов. В ДОЛИНЕ ТУМАНОВ

Преддверие	170
Плотина	172
Турчанинов	176
Осада Сысерти	185
Новые хозяева Сысерти	190
Мастера и умельцы	203
Быт и нравы	207
Начало XX века	220
41-й и последующие годы	226
На рубеже веков	231
Хроника Сысерти	237

И. и О. Капорейко. У ПОДНОЖИЯ ЛАБАЗ-КАМНЯ

Визитная карточка	242
Кладовая земных богатств	243
Под землей и на земле	253
Великая Отечественная	258
Мускулы рабочего поселка	261
Со статусом города	266

Когда истощились рудные запасы	274
Что ждет Дегтярск в будущем?	283
Хроника Дегтярска	289

Приложения	291
------------------	-----

П. Бажов. УРАЛЬСКИЕ БЫЛИ

В детские годы	292
Сысертские заводы	296

Бары

«Исконные»	300
Турчанинниха	301
Пучеглазик	303

Заправилы

Палкин	306
Воробушек	308
Кузькино Отродье	310

Рабочие и служащие

«Мастерко»	311
Приказные	315
Заводские	317
Приисковые	320
Спичечники и кустари	323
«Чертознаи»	324
«Старикн»	327

Е. Бирюков. РЯДОВЫЕ ИСТОРИИ

Сысерть 20–30-х годов XX столетия	329
Литература	361

Специальную фотосъемку выполнил
В. Шур (**Сысерть, Дегтярск, Полевской**).
В книге использованы фотоматериалы:
Е. Вакушиной, Г. Месиловой (**Арамиль**);
В. Ветлугина (**Арамиль, Сысерть, Полевской**);
Е. Савенко (**Сысерть**);
О. Капорейко (**Дегтярск**);
из архивов Е. Бирюкова и В. Чеснокова.

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, т. 2; 953 000 — книги, брошюры

Чуманов Александр Николаевич
Кожевников Алексей Николаевич
Иванов Герман Владимирович
Капорейко Игорь Петрович
Капорейко Олег Петрович

МАЛАХИТОВАЯ ПРОВИНЦИЯ

Культурно-исторические очерки

Редактор Е.С. Зашихин
Художник Б.Н. Босва
Компьютерная верстка Э.В. Киселев
Художественный редактор В.С. Мамаев
Технический редактор Т.Н. Черепанова
Корректор Т.В. Сергеенко

Сдано в набор 06.08.01. Подписано в печать 03.12.01.
Формат 70 x 100 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура Times. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 29,7. Уч.-изд. л. 28,0.

Тираж 28 000 (II завод 15001 — 28000) экз. Зак. № А-585.

Издательский дом «Сократ», ЛР № 063579 от 01.09.99.
620219, Екатеринбург, просп. Ленина, 49, тел. 71-35-61, 56-90-35.

Отпечатано на ГУП ПИК «Идел-Пресс»,
420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2.

the
ho
to
wi
to
m
ho
he
he
he
pi

фрагмент карты
Пермской губернии 1829 г.

63.3 (037.36)
М 18 - 4.3.

Александр ЧУМАНОВ
Алексей КОЖЕВНИКОВ
Герман ИВАНОВ
Игорь и Олег КАПОРЕЙКО

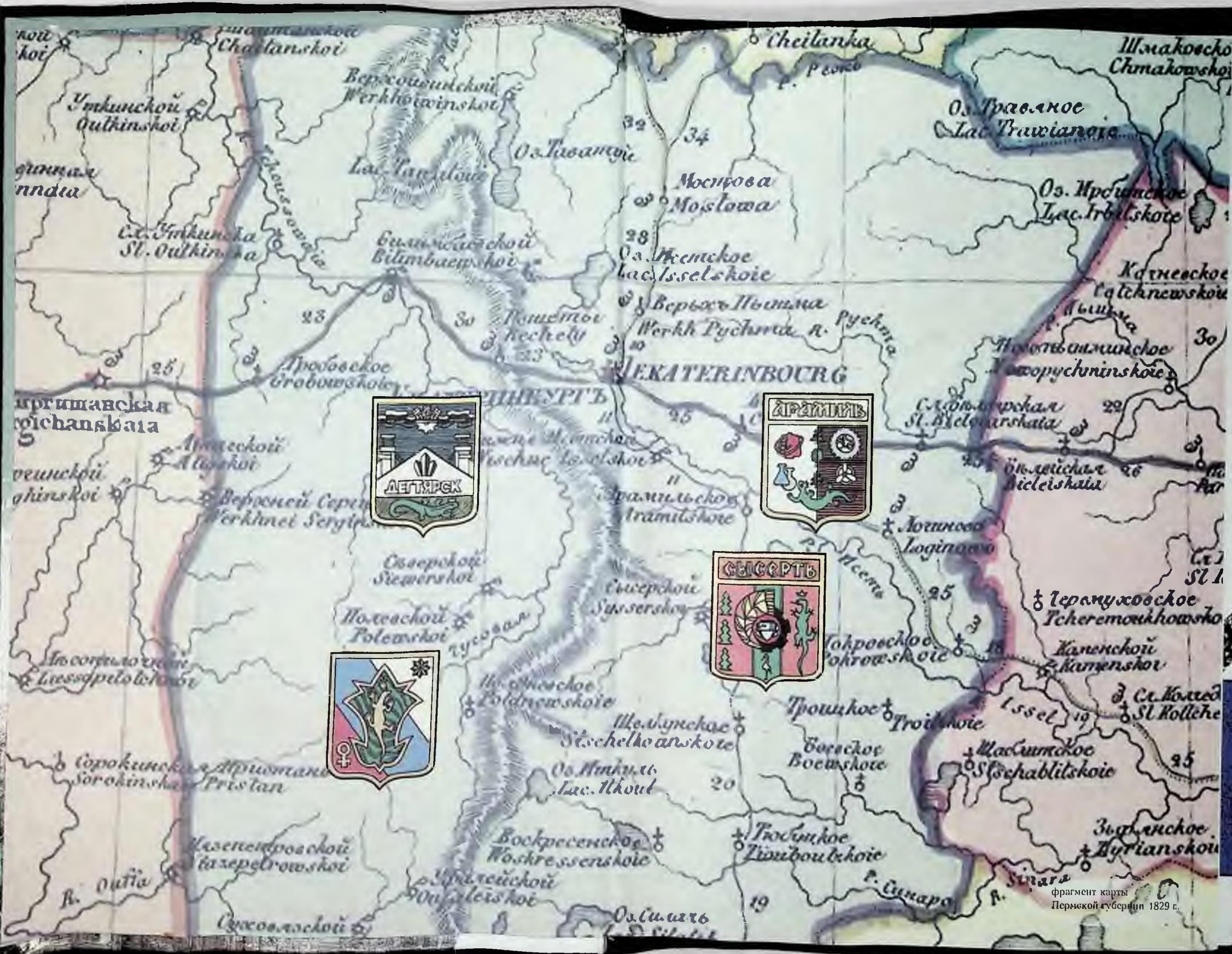
МАЛАХИТОВАЯ ПРОВИНЦИЯ

В ЛИКАХ
ИСТОРИИ
ГОРОДОВ

12+

Арамилъ
Полевской
Сысерть
Дегтярск

фрагмент карты
Пермской губернии 1829 г.

2/3

